

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИЧНОСТЬ

Научный журнал

LAW LEGISLATION PERSON

Research Journal

Выходит 3 раза в год

№ 1(8) 2010

Со второго полугодия 2010 г. распространяется по подписке
Подписной индекс **37221**

ISSN 2077-6187

Учредитель

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

Главный редактор

Рыбаков Олег Юрьевич,

доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ростова Ольга Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

А.А. Воротников (Саратов) — доктор юридических наук, профессор

С.И. Герасимов (Москва) — доктор юридических наук, профессор

В.В. Гриб (Москва) — кандидат юридических наук

А.В. Ильин (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент

А.Я. Капустин (Москва) — доктор юридических наук, профессор

И.Ю. Козлихин (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор

Г.Н. Комкова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор

И.М. Мацкевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Б.В. Россинский (Москва) — доктор юридических наук, профессор

А.С. Смыкалин (Екатеринбург) — доктор юридических наук, профессор

С.Б. Суоров (Саратов) — доктор социологических наук, профессор

В.М. Сырых (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, комн. 215

Телефон: (8452) 29-92-46

E-mail: pzl@sgap.ru

Редактор *Т.Ф. Батищева*

Корректор *Т.А. Трубникова*

Компьютерная верстка *С.В. Демченко*

Подписано в печать 09.03.2010 г. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «LiteraturnayaC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,54. Уч.-изд. л. 14,51. Тираж 350 экз. Заказ

Отпечатано в типографии издательства
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».
410056, Саратов, ул. Вольская, 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Муругина В.В. Общетеоретический анализ правовых средств реагирования на дефектность юридических фактов.....	7
---	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Комбарова Е.В. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации.....	16
---	----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Лядашева-Ильичева М.Н. Формы (виды) систематизации русского законодательства в XVIII веке	22
Ростова О.С. Создание законодательных основ и организаций по охране материнства и детства в первые годы Советского государства	29
Хатунов С.Ю. Законодательство как источник уголовного права Средневековой Англии	37
Рыбакова Е.О. Советское здравоохранение в период новой экономической политики: правовой аспект.....	46
Николаев В.Е. Нарушения авторских прав на фотографические произведения в России второй половины XIX — начала XX вв. на примере юридической практики.....	50
Васильев А.А. Славянофилы об идеальной форме правления для России	56

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Мацкевич И.М. Методологические проблемы отечественной криминологии (памяти выдающегося отечественного криминолога И.С. Ноя).....	67
Савин В.Ю. К вопросу об участии в организации занятия проституцией организованных преступных групп и преступных сообществ....	84
Чурикова А.Ю. Характер и цель деятельности прокурора в досудебном производстве уголовного процесса Великобритании	87
Калинкин А.В. Процессуальная независимость и самостоятельность в практической деятельности следователей при Министерстве внутренних дел.....	99
Вохмянина Ю.В. Понятие и виды деятельности по незаконному производству алкогольной продукции	105

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Соловьева Т.В. Исполнимость как обязательное свойство судебных актов.....	111
Давидович Т.Л. Определение понятия члена семьи в жилищном законодательстве Российской Федерации.....	117

**ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ
И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО**

Бакаева О.Ю. Правовые аспекты финансирования таможенных органов Российской Федерации ...	123
Лайченкова Н.Н. К вопросу о функциях налоговых стимулов как фактора, обеспечивающего баланс частных и публичных интересов в Российской Федерации	130
Попов В.В. Основные направления реализации налогово-правовой политики в Российской Федерации	136

ЛИНГВИСТИКА

Александрова Т.А. Современные подходы к проблеме взаимодействия языка и культуры	142
Макшанцева Е.А. О сущности и типах оценки в языке и месте оценочного компонента в структуре значения термина права	145
Балашова Е.Ю. Лексико-семантическое поле концепта <i>vera / faith</i> в русском и английском языках.....	150
Лазовская Н.В. Содержание понятия «дискурс» и его типы	155
Итоги Конкурса научных студенческих работ по дисциплине «Теория государства и права»	159
Аннотации.....	168

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- Murugina V.V.**
The General Theoretical Analysis
of the Legal Adaptive Techniques for Defectiveness of Legal Facts 7

CONSTITUTIONAL LAW

- Kombarova E.V.**
The Constitutional Bases of the Legal Status of Minors in the Russian Federation..... 16

HISTORY OF LAW AND STATE

- Lyadatscheva-Ilyicheva M.N.**
Forms (Kinds) of the Russian Legislation Systematization in Russia in XVIII Century 22
- Rostova O.S.**
The Foundation of Maternity and Childhood Protective Legislation
and Organizations during the First Years of Soviet State 29
- Khatunov S.Yu.**
Legislation as the Source of Criminal Law in Medieval England 37
- Rybakova E.O.**
Soviet Healthcare during the Period of New Economic Policy: Legal Aspect 46
- Nikolaev V.Ye.**
Photographic Works Copyright Infringements in Russian Legal Practice
from the End of the 19th to the Beginning of the 20th Century 50
- Vasiljev A.A.**
The Slavophilic theory about the Perfect Form of Governance in Russia 56

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Matskevich I.M.**
Methodological Problems of National Criminal Science
(to the memory of the great Russian criminologist I.S. Noy) 67
- Savin V.Ju.**
About the Participation of Criminal Groups and Communities
in Involvement in Prostitution 84
- Churikova A.Ju.**
The Character and the Goal of the Public Prosecutor Activity
in the Pre-trial Stages of the Criminal Procedure in Great Britain 87
- Kalinkin A.V.**
The Procedural Detachment and Self-dependence in the Practice Activity
of Investigators of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation..... 99
- Vokhmyanina Ju.V.**
The Notion and Kinds of Illegal Alcohol Production Activity 105

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Solovieva T.V.**
Enforceability as a Mandatory Property of Judicial Acts 111
- Davidovich T.L.**
The Definition of Family Member Notion in Housing Legislation
of the Russian Federation 117

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

Bakaeva O.Ju. Legal Aspects of Customs Authorities Financing in Russian Federation	123
Lajchenkova N.N. About the Tax Incentives Functions as the Means of Maintenance the Private and Public Interests Balance in the Russian Federation	130
Popov V.V. The Main Trends of Tax-Legal Policy Realization in Russian Federation	136

LINGUISTICS

Alexandrova T.A. Modern Approaches to the Issue of Language and Culture Coordination	142
Makshantseva E.A. The Essence of Estimation and its Types in Language and the Role of the Estimation Element in the Semantic Structure of Legal Terms.....	145
Balashova E.Yu. The Lexico-semantic Field of the Concept <i>Faith</i> in Russian and English Languages.....	150
Lazovskaja N.V. The Content of Concept “discourse” and its Types.....	155

Contests Results of the Students Researches on the “Theory on State and Law”	159
---	-----

Summary	168
----------------------	-----

В.В. Муругина*

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ РЕАГИРОВАНИЯ НА ДЕФЕКТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

При рассмотрении проблемы дефектности юридических фактов немаловажное значение имеет вопрос о механизме защиты публичных и частных интересов, нарушенных такими фактами. В связи с этим представляется необходимым прибегнуть к анализу системы средств охраны и защиты права в целях поиска наиболее оптимального набора инструментов по нейтрализации последствий наступления фактических обстоятельств с дефектами в правовой системе.

По своей природе дефектный юридический факт есть невиновное, объективное нарушение предписаний закона и, следовательно, требующее реакции со стороны государства и права не в виде наказания виновных, а в виде восстановления нарушенных прав.

В юридической литературе система мер охраны подразделяется на два больших комплекса: 1) меры защиты пресекающего, эквивалентно-компенсационного, восстановительного и обеспечительного действия; 2) меры ответственности, объединенные по единому признаку направленности на поражение правовых возможностей правонарушителя (пресекающе-поражающие, штрафные и компенсационные)¹.

В первой группе мер охраны, на наш взгляд, располагаются инструменты правового реагирования на дефектность юридических фактов. Например, защита в форме пресечения обеспечивается мерами, направленными на лишение акта силы юридического факта, — мерами недействительности. В гражданском праве восстановление нарушенного состояния осуществляется посредством кондикции, виндикации и реституции. При этом реституция (приведение положения сторон в первоначальное состояние) является специальным средством реагирования на дефектность сделки.

Меры ответственности от средств защиты отличает цель их использования. Целью юридической ответственности является наказание нарушителя, а целью мер защиты — распределение неблагоприятных послед-

* Муругина Вероника Васильевна — соискатель кафедры теории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

ствий и возложение долга по восстановлению нарушенных прав на началах справедливости.

Процесс дифференциации охранительных средств на меры ответственности и защиты наблюдался еще в римском частном праве. Современное же развитие общественных отношений не только не способствовало отказу от рассматриваемого деления, но и, напротив, создало условия для относительно самостоятельного совершенствования данных двух групп охраны права. Такая специализация необходима и в силу различий между правонарушениями и дефектными фактами, отмеченных нами ранее. Следует отметить, что с развитием системы охраны права в ней выделилась относительно самостоятельная подсистема средств, направленных на нейтрализацию последствий дефектных юридических фактов. Ярким примером тому является институт недействительности сделки в гражданском праве.

Функция защиты имеет единую целевую направленность, она не несет в себе «карательного» воздействия на нарушителя предписаний закона (к примеру, на лиц, не оформивших должным образом сделку, или при vindикации собственником имущества из незаконного владения другого гражданина). Ее меры всегда зависят от содержания нарушенного интереса. Возможные неблагоприятные последствия применения мер защиты законодательно распределяются на началах риска и, как правило, компенсируются с помощью функционально связанных с ними других мер защиты. Этими признаками защита права отличается от мер юридической ответственности.

Защита права — это подсистема охранительных мер, представляющая собой единую совокупность взаимосвязанных специальных юридических средств, направленных на пресечение конкретных нарушений, восстановление (компенсацию) нарушенных частных и публичных интересов или на обеспечение условий их удовлетворения в иных формах. Юридическая же ответственность, в первую очередь, направлена на наказание виновного, имеет штрафной, карательный характер. Меры ответственности всегда связываются с составом правонарушения, а меры защиты — с характеристикой охраняемого интереса и социально-правовыми условиями его преимущественной охраны (отсутствие полной дееспособности в составе дефектной сделки требует мер по защите интересов неполностью дееспособного лица и его родителей).

Меры защиты основываются на началах риска, а не вины, как это имеет место при назначении мер юридической ответственности. В правовой системе категория «риск» выполняет различные функции. В первую очередь, она используется в качестве инструмента, посредством которого осуществляется нормативное распределение неблагоприятных последствий между субъектами охранительного правоотношения².

Риск является одним из основополагающих начал по формированию мер защиты. С помощью категории «риск» дается оценка поведения сторон в отношениях-притязаниях, определяются основания возникновения охранительных правоотношений и условия их существования, факторы, с учетом которых возможна и необходима защита нарушенного интереса (без обра-

щения к мерам ответственности или наряду с ними)³. Начала риска (например, риск ошибки при вынесении приговора, риск заключения договора с дефектом, риск возникновения дефекта формы правового акта и т.п.) требуют установления мер защиты, своеобразной «страховки от несчастного случая» при появлении дефектной фактической ситуации. Законодатель же, устанавливая анализируемые инструменты защиты, применяет прием распределения возможных неблагоприятных последствий, вызванных дефектным фактическим составом, между участниками общественных отношений.

Распределение неблагоприятных последствий на началах риска осуществляется двумя путями: посредством локализации причиненного ущерба у лица, чьи интересы нарушены, и (либо) возложением на другое лицо обязанности по восстановлению (компенсации) нарушенного интереса. В случае с дефектностью юридического факта преимущественно используется инструмент возвращения сторон в первоначальное положение, существовавшее до наступления дефектной фактической ситуации, чем достигаются и локализация возможного ущерба, и восстановление нарушенных прав.

Все меры защиты можно подразделить на следующие группы: 1) пресекательные; 2) обеспечительные; 3) восстановительные; 4) компенсационные. По отношению к дефектным юридическим фактам чаще всего используется такая пресекательная мера, как признание факта (например, сделки или административного акта) недействительным. Среди восстановительных мер в отношении дефектного факта в качестве основного инструмента применяется реституция, а при необходимости в качестве дополнительной меры — кондикция.

Существенным признаком мер защиты от возможных фактических ситуаций с пороком является учет именно объективного несоответствия реальных фактических обстоятельств закрепленной в гипотезе нормы права модели юридического факта, которое может повлечь на началах риска причинение вреда общественным отношениям, нарушение частного или публичного интереса. Зачастую в юридической литературе употребляют термин «противоправность» при характеристике ситуаций, наступление которых вызывает меры защиты⁴, что, на наш взгляд, неточно в отношении дефектных фактов. Понятие «противоправность» традиционно употребляется по отношению к правонарушению и лишь с определенной долей условности может использоваться в виде «объективная противоправность» по отношению к дефектным фактическим обстоятельствам. Остальные же условия в процессе защиты права имеют второстепенный характер и подчинены генеральной идее — восстановлению нарушенных прав, а при невозможности такового — замене его справедливой компенсацией (например, в случае исполнения сделки с дефектом имущество переходит от собственника к другой стороне, впоследствии при признании сделки недействительной вещь должна быть возвращена прежнему владельцу, а в случае ее гибели и невозможности возврата должна быть выплачена компенсация ее рыночной стоимости).

Анализ мер правового реагирования на дефектность юридического факта необходимо проводить не только в рамках теории охраны права, но и сквозь призму вопроса о правосстановительных санкциях.

Традиционно по способу охраны правопорядка санкции подразделяются на правовосстановительные и штрафные (карательные). Среди правовосстановительных ряд авторов выделяет санкции ничтожности. Так, П.Е. Недбайло отмечал, что специфика санкции ничтожности выражается «в том, что действие, совершенное вопреки требованиям нормы с юридической точки зрения, рассматривается как несовершившееся, юридически безразличное»⁵. С.С. Студеникин писал: «В юридических нормах может быть санкция ничтожности, т.е. имеющийся в виду результат не может быть достигнут при несоблюдении нормы»⁶. О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский также указывали, что ненаступление тех юридических последствий, к которым данное лицо стремилось, совершая определенные действия, является выражением т. н. «неполной санкции», не связанной с применением мер к правонарушителю⁷.

Противоположного мнения придерживался М.М. Агарков, отрицавший статус «санкции» у мер, направленных на признание дефектного факта действительным: «Нередко санкцией называют объявление законом недействительным какого-либо акта. С точки зрения учения о правовых нормах, это... неточно. Объявление недействительным какого-либо акта (действия) означает, что данное действие не производит юридических последствий, т.е. не порождает обязанностей и прав. Оно не является указанием на принудительные меры, принимаемые государством, и поэтому не представляет собой санкцию... Объявление акта недействительным означает не санкцию со стороны закона, а наоборот, отказ санкционировать те последствия, которые имели в виду стороны»⁸.

Схожую позицию занял и О.Э. Лейст. По его мнению, указание на недействительность ряда дефектных фактов нельзя трактовать как особую «санкцию ничтожности». Это касается, например, сделок, направленных на ограничение правоспособности или дееспособности, отказа от права обращения в суд, соглашения между супругами, направленного на умаление имущественных прав жены или мужа, поскольку такие сделки не порождают никаких реальных последствий, вредных для общества, нет необходимости в деятельности государственного аппарата, специально направленной на борьбу против таких сделок и их последствий. Однако далее О.Э. Лейст утверждал, что зачастую юридически ничтожный акт может породить и порождает вредные последствия, приводит к возникновению, изменению, прекращению отношений, которые при всей своей юридической ничтожности внешне не отличаются от обычных, нормальных правоотношений (например, заключение сделки в виду заблуждения и ее последующее исполнение). Порой последствия ничтожных фактов могут быть аннулированы не иначе как властным вмешательством государственного органа — к примеру, суда⁹. Например, акты применения права, вынесенные с нарушениями закона, несмотря на свою незаконность или необоснованность, порождают права и обязанности у участников общественных отношений. Для их нейтрализации требуется вмешательство вышестоящих инстанций либо суда. Таким образом, позиция О.Э. Лейста имеет двойственный характер

и, в целом, не отвергает наличия специфических мер по противодействию негативным последствиям дефектности юридических фактов.

На наш взгляд, спор о выделении санкции «недействительности» следует все же разрешить в пользу ее сторонников. В.Б. Исаков в своем специальном исследовании проблемы юридических фактов также называет санкцию «недействительности» в качестве важнейшей разновидности правовой реакции на дефектность факта. Сущность этого типа реакции заключается в аннулировании юридического значения фактической предпосылки, невозникновении правовых последствий, на которые рассчитывали субъекты общественных отношений. При этом В.Б. Исаков различает два варианта санкции недействительности — простой и сложный.¹⁰ Если первый ограничивается простым ненаступлением правовых последствий, то во втором варианте дефектный юридический факт (например, решение суда с дефектом) подлежит отмене или изменению.

Санкция недействительности применяется как на стадии формирования правовой связи в отношении правообразующих фактов, так и после ее осуществления. Рассматриваемый инструмент противодействия дефектным юридическим составам широко используется на практике в гражданском, административном, конституционном, финансовом праве, а также в процессуальных отраслях. Однако следует согласиться с В.Б. Исаковым в том, что не всегда в достаточной степени санкции недействительности регламентированы в праве. Действующее российское законодательство не во всех случаях дает точные указания на то, кто, по каким основаниям и в каком порядке правомочен применять эту санкцию. Имеются определенные пробелы в законодательном закреплении указанного инструмента в административном, избирательном, финансовом, семейном праве. В российском трудовом законодательстве и вовсе отсутствуют какие-либо нормы, устанавливающие предписания по поводу недействительности такого важнейшего правообразующего факта, как трудовой договор.

Особо решается в литературе вопрос о санкциях в отношении т. н. объективно противоправных действий, т.е. действий, внешне противоречащих праву, но совершенных без вины. К ним относятся и дефектные юридические факты. В таких случаях государство признает допустимым и необходимым применение праввосстановительных санкций в целях устранения ущерба, причиненного объективно противоправными действиями, что нередко обозначают в качестве «ответственности без вины»¹¹. Ранее нами уже отмечалось, что термины «противоправность» и «ответственность» неточно отражают специфику мер правового реагирования на возникшую фактическую ситуацию с дефектом, создают предпосылки для неоправданного отождествления дефектного юридического факта с правонарушением. Более методологически верным будет отнесение праввосстановительных санкций не к мерам ответственности, а к средствам защиты права.

О.Э. Лейст выделяет три вида праввосстановительных санкций: принудительное исполнение, отмена незаконных актов, обязанность возместить имущественный ущерб¹². Представляется, что все указанные разновидности

восстановительных санкций используются на практике в целях противодействия дефектным юридическим фактам, нейтрализации их последствий.

Принудительное исполнение имеет место не только при реализации обязанностей, возникающих в связи с совершением правонарушения, но и при реализации обязанностей, которые возникают вне связи с правонарушением. Например, обязанности должника по договору займа могут быть реализованы через судебный порядок с применением мер принуждения. Также возвращение сторон в первоначальное состояние в случае признания сделки недействительной иногда требует принудительного исполнения. Однако санкция принуждения является универсальной и используется при необходимости для реализации практически любой юридической обязанности.

Санкция возмещения вреда является дополнительной (факультативной) в процессе нейтрализации последствий дефектных юридических фактов. Далеко не всегда наступление дефектной фактической ситуации причиняет реальный вред общественным отношениям, зачастую достаточно лишь признать такой факт с дефектом ничтожным (не влекущим соответствующих юридических последствий) и вернуть стороны в первоначальное положение. В отдельных же случаях для восстановления нарушенного дефектным фактом права дополнительно требуется возместить убытки, понесенные одним из участников общественного отношения. К примеру, по договору купли-продажи квартиры с дефектом дееспособности субъекта имущество перешло от гражданина К. (ограниченно дееспособного) к гражданину А. В результате последующего признания судом сделки недействительной стороны были приведены в первоначальное состояние. Квартира вернулась к прежнему владельцу, гражданину К., а гражданин А. получил обратно денежную сумму, равную стоимости квартиры. Но за время пользования недвижимым имуществом гражданин А. потратил значительную денежную сумму на содержание жилья, его ремонт и благоустройство. В соответствии с гражданским законодательством он вправе потребовать от гражданина К. возмещения произведенных за это время затрат на данную квартиру. Таким образом, санкция возмещения убытков выполняет дополнительно к основной санкции реституции роль восстановления нарушенных дефектной сделкой субъективных прав одной из сторон.

Отмена незаконных актов является из рассматриваемых трех видов восстановительных санкций специальной мерой правового реагирования на дефектность юридического факта, суть которой заключается в отмене государственными органами и должностными лицами незаконных актов, влекущей за собой аннулирование созданных этими актами отношений. Такая мера нейтрализации дефектного акта имеет широкое распространение в уголовном и гражданском процессе, в административном, финансовом праве и др. И.С. Самощенко рассматривал отмену подобных актов в качестве применения правовосстановительной санкции особого рода¹³, его позиция нашла поддержку в работах А.С. Пиголкина¹⁴ и О.Э. Лейста¹⁵. Некоторые же исследователи предпочитают именовать рассматриваемую меру санкцией «ничтожности» или «недействительности»¹⁶, о чем мы уже упоминали.

Далеко не всякий дефект (недостаток) правового акта вызывает его отмену. Совершенно справедливо высказывание О.Э. Лейста о том, что одни из таких актов подлежат безусловной отмене, другие могут быть исправлены без отмены, недостатки третьих в силу их малозначительности и вовсе могут не исправляться¹⁷. Дефектными же юридическими фактами выступают лишь те, которые нарушают предписания права и обязательно предусматривают последствия в виде их изменения или отмены.

Система права предусматривает достаточно широкий арсенал гарантий, обеспечивающих осуществление постоянного и систематического надзора и контроля за законностью и обоснованностью актов, быстрое и оперативное реагирование соответствующих органов на издание незаконного акта, его отмену или изменение, а также нейтрализацию возникших на его основе юридических последствий. Наряду с отменой и изменением дефектного правового акта на практике используется и такая мера, как приостановление действия акта. Однако О.Э. Лейст не признает за данным инструментом статуса самостоятельной санкции и меры реагирования на дефектность факта, ссылаясь на следующее обстоятельство. По его мнению, приостановление действия правового акта не разрешает вопроса об этом акте по существу и, хотя и предупреждает вредные последствия осуществления незаконного акта, но не содержит его итоговой оценки и предполагает обязательное решение дела о существовании акта, действие которого приостановлено компетентным органом, который должен в итоге либо применить право восстановительную санкцию в случае, если акт будет признан незаконным, либо, напротив, отклонить протест или жалобу и отменить приостановление действия оспариваемого акта¹⁸. На наш взгляд, все же рассматриваемый инструмент играет немаловажную роль в противодействии реализации незаконных актов и выполняет относительно самостоятельную специфическую функцию — позволяет «консервировать» ситуацию, предотвратив тем самым развитие возможных негативных событий до окончательного выяснения всех обстоятельств дела.

В.Б. Исаков не выделяет приостановление действия акта в качестве самостоятельного вида реакции на нарушение фактического состава, но упоминает об отсрочке в наступлении правовых последствий как мере защиты от дефектности факта. Данный прием широко применяется, когда то или иное юридически значимое нарушение обнаруживается на стадии формирования правоотношения, до наступления правовых последствий¹⁹. К примеру, в случае подачи искового заявления с нарушением установленных процессуальным законом требований предусматривается санкция в виде вынесения судьей определения об оставлении заявления без движения в целях «консервации» правовой ситуации и предоставления определенного срока заявителю для устранения обнаруженных нарушений. Если истец устранит в срок допущенные нарушения, то дефектность фактических обстоятельств будет считаться устраненной, а заявление — поданным в день его первоначального предоставления в суд. В результате с помощью указанной меры приостанавливается работа механизма правового регулирования вплоть до устранения дефекта фактического состава.

При этом В.Б. Исаков оправданно указывает на ограничения в использовании рассматриваемой меры. Отсрочка наступления правовых последствий с дальнейшим исправлением дефектов возможна лишь в отношении исправимых пороков факта, связанных преимущественно с процедурно-процессуальным его оформлением. По сути, этот инструмент идентичен средству приостановления действия правового акта, а следовательно, можно поддержать идею его выделения в качестве самостоятельной юридической реакции на дефектность факта с целью ее устранения.

Наряду с вышеназванными мерами противодействия дефектным фактам В.Б. Исаков также специально выделяет такой тип реагирования, как стабилизация правовых последствий. Этот инструмент представляет собой установленную законом возможность сохранения (стабилизации) правовых последствий, возникших из дефектных юридических фактов или составов. Например, в гражданском праве в целях обеспечения устойчивого гражданского оборота значительная часть сделок, несмотря на имеющийся у них дефект, все же порождает соответствующие юридические последствия без их дальнейшей отмены. Законодатель и практика гибко и избирательно подходят к процессу нейтрализации дефектных фактов, порой сознательно как бы не замечают их дефектности в целях стабильности осуществления общественных отношений. Объясняется это тем, что распад одного правоотношения может лишить правового основания другое и по цепочке разрушить целую систему общественных полезных связей. Только в этом случае точнее говорить не о своеобразной правовой реакции на дефектность факта, а наоборот, о сознательном юридическом игнорировании дефектной фактической ситуации. Исправление дефекта факта и аннулирование его правовых последствий порой приносят больше вреда, нежели пользы, но это справедливо лишь для частного права с его элементами диспозитивности. В публичном праве игнорирование дефектности фактических обстоятельств практически недопустимо.

Рассмотрение мер правового реагирования на дефектность факта сквозь призму правосоставительных санкций и мер защиты делает возможным выделение их общих признаков, позволяющих отличать от мер юридической ответственности за совершение правонарушений. Своеобразие дефектных юридических фактов определяет и специфические способы защиты от них со стороны правовой системы. Четкое разграничение инструментов по борьбе с правонарушениями и средств противодействия дефектным фактам необходимо как в теории, так и на практике.

На основании вышеизложенного можно вывести следующие отличительные признаки мер правового реагирования на дефектность факта:

1) они применяются за объективное нарушение предписаний права, которое и вызывает дефектность факта, меры же юридической ответственности применяются исключительно за совершение правонарушений;

2) меры защиты и восстановления нарушенных прав дефектностью факта основаны на принципе риска, а не вины, как это имеет место при реализации юридической ответственности;

3) основная цель использования средств противодействия дефектным фактам — восстановление права, а основная цель юридической ответственности — наказание виновных, кара;

4) меры защиты от дефектности юридического состава по возможности создают участникам общественных отношений, допустившим дефект, ошибку, условия для их исправления, устранения, что практически невозможно при осуществлении юридической ответственности (за исключением отдельных случаев примирения с потерпевшим путем заглаживания вреда);

5) в отличие от мер юридической ответственности, которые реализуются в одной форме, сопряженной с деятельностью уполномоченных на то должностных лиц и государственных органов, меры защиты от дефектных юридических фактов могут быть осуществлены и в форме самозащиты, и автоматически, и в форме государственного вмешательства. В виде самозащиты, например, участник договора с существенным дефектом, влекущим автоматически его недействительность, может отказаться от его исполнения в соответствии с гражданским законодательством;

4) систематизация выявленных ошибок законодателя при установлении в нормативно-правовых актах моделей дефектных юридических фактов и мер защиты от их негативных последствий;

5) проведение сравнительно-правового анализа закрепления института дефектных фактов в российском и зарубежном законодательстве;

6) проведение специальных монографических исследований отдельных видов дефектных юридических фактов (в первую очередь, ничтожных и оспоримых фактов).

¹ См., например: *Илларионова Т.И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982. С. 47–48.

² См. о категории «риск» подробнее: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 163–197; *Илларионова Т.И.* Указ. соч. С. 119–131; *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 116–131; *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 59 и др.

³ См.: *Илларионова Т.И.* Указ. соч. С. 126.

⁴ См.: Там же. С. 131.

⁵ *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. С. 57.

⁶ *Студеникин С.С.* Военно-административные нормы и их особенности // Труды Военно-юридической академии. Вып. IV. М., 1945. С. 51.

⁷ См.: *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 165–166.

⁸ Теория государства и права. М., 1948. С. 424–425.

⁹ См.: *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М., 1962. С. 74–76 и др.

¹⁰ См.: *Исаков В.Б.* Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 124.

¹¹ См.: Там же. С. 78–79.

¹² См.: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 109.

¹³ См.: *Самощенко И.С.* Охрана режима законности Советским государством. М., 1960. С. 48–50 и др.

¹⁴ См.: *Пиголкин А.С.* Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории Советского права. М., 1960. С. 179 и др.

¹⁵ См.: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 116–130.

¹⁶ См., например: *Исаков В.Б.* Указ. соч. С. 124.

¹⁷ См.: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 122.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ *Исаков В.Б.* Указ. соч. С. 124.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Е.В. Комбарова*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В июне 2010 г. исполнится 20 лет со дня ратификации Постановлением Верховного Совета СССР Конвенции о правах ребенка, принятой на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1989 г. Присоединившись к Конвенции, Россия взяла на себя обязательство привести в соответствие с ней свое законодательство и направить государственную политику на повышение уровня защиты прав ребенка. Безусловно, в настоящее время одним из важнейших направлений государственной политики в Российской Федерации является забота о воспитании всесторонне развитого подрастающего поколения и создании для этого всех необходимых условий. В государстве ведется активная работа для обеспечения интересов детей, их оздоровления и гармоничного воспитания, в т. ч. и в области повышения их правовой грамотности. В выступлениях Президента РФ Д.А. Медведева неоднократно обращалось внимание на обязанность государства и общества создавать все условия для нормального и благополучного развития детей. «Мы должны стремиться к тому, чтобы нормальное, гуманное отношение к детям и стремление создать полноценную, большую семью стали ориентирами развития всего нашего общества»¹. Сегодня вопрос о правах семьи и детей становится все более актуальным.

В настоящее время можно считать недостаточно изученным конституционный статус отдельных субъектов права, в частности несовершеннолетних. В доктрине российского права несовершеннолетним признается «человек, не достигший определенного возраста, с достижением которого закон связывает его полную дееспособность, то есть реализацию в полном объеме субъективных прав и юридических обязанностей, провозглашенных Конституцией и другими законами страны»². Потребность создания самостоятельной группы диктуется необходимостью особой, правовой защиты несовершеннолетних, обусловленной особы-

* Комбарова Елена Валерьевна — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

ми качествами личности. Ребенок выступает носителем определенных прав, однако их соблюдение и обеспечение имеют ряд особенностей. Для конституционно-правового статуса несовершеннолетних в России характерны нестабильность, недостаточно эффективная социально-правовая защищенность, отсутствие надежных гарантирующих государственных механизмов.

Специфика подхода к определению правового статуса ребенка проявляется в том, что несовершеннолетний, будучи полноправным членом общества и субъектом правовых отношений, обладает рядом вынужденных ограничений, связанных с обеспечением его безопасности. В остальном необходимо придерживаться взглядов, обеспечивающих равноправие, гарантированное Конституцией РФ каждому. Принцип равенства и равноправия, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ, устанавливает, что «все равны перед законом и судом». В гарантировании прав и свобод должны участвовать все структуры и правовые механизмы государства, поскольку вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина, семьи и детства относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

Конституционно-правовые основы статуса несовершеннолетних отдельно не закреплены в Конституции РФ, и трудность заключается в анализе огромного массива нормативных актов, так или иначе связанных с регулированием прав ребенка. Безусловно, отечественное законодательство в области защиты прав детей формируется и развивается с учетом международных норм и стандартов. В его основу положены важнейшие международно-правовые документы ООН, содержащие основные требования государственной политики в отношении детей. К ним, прежде всего, относятся: Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.); Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.); Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 41/95 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1986 г.); Конвенция ООН о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.).

Сегодня в национальном законодательстве в целом сформирована правовая основа обеспечения прав детей. И Конституция как стержень, вбирая в себя положения международных актов, а именно Конвенции о правах ребенка, должна определить с учетом своих национальных, социально-экономических и идеологических особенностей будущее подрастающего поколения. Надлежащее закрепление прав ребенка на конституционном уровне позволит в большей степени отразить их в отраслевом законодательстве, следовательно, полнее их реализовать.

Принципиальное значение для определения правового положения ребенка имеют, на наш взгляд, три группы конституционных норм. Первую составляют два положения Конституции РФ, прямо относящиеся к защите прав и интересов несовершеннолетних. Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и устанавливает, что их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства (ст. 2), причем государства социального, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 2 ст. 7). Вторую группу конституционных норм составляют статьи, в которых говорится о детях (детстве) непосредственно. Статья 38 устанавливает, что детство, материнство и семья находятся под защитой государства, забота о детях и их воспитание — равное право и обязанность родителей. И третья группа норм имеет непосредственное отношение к определению правового положения несовершеннолетнего, регламентирующего права, свободы человека и гражданина. Используемые Конституцией РФ слова «каждый гражданин», разумеется, касаются как взрослых, так и детей. Зафиксированные в гл. 2 Конституции права и обязанности человека и гражданина, признаваемые и гарантируемые на территории Российской Федерации, не что иное, как закрепленный в российском законодательстве конституционный статус личности, выражающий наиболее существенные, исходные начала, определяющие положение человека в обществе и государстве.

Особенность конституционно-правового статуса ребенка вызвана тем, что дети представляют собой наиболее сложную и уязвимую категорию, поскольку изначально, имея равные права с остальными, фактически обладают гораздо меньшими возможностями по их реализации.

В соответствии с классификацией конституционных прав и свобод личности, принятой в отечественной правовой науке, можно выделить следующие группы: личные права и свободы, политические права и свободы, социально-экономические и культурные права и свободы. В первую очередь следует рассмотреть личные права и свободы ребенка, поскольку они принадлежат каждому с момента рождения, являются неотчуждаемыми и естественными, связанными с индивидуальной, частной жизнью каждого человека независимо от наличия либо отсутствия гражданства.

Право ребенка на жизнь — одно из основных прав, закрепленных в ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. Оно обеспечивается рядом конституционных гарантий общего характера:

во-первых, это конституционные гарантии, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, государственную поддержку малообеспеченных граждан и иные гарантии социальной защиты;

во-вторых, это правовые нормы, определяющие границы применения опасных для жизни и здоровья людей препаратов, орудий, механизмов, физической силы;

в-третьих, это меры ответственности, установленные за действия, причиняющие вред жизни и здоровью человека или создающие опасность причинения такого вреда.

Конституция устанавливает, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Данные нормы провозглашают право ребенка на охрану чести и достоинства личности (ст. 21 Конституции). За посягательство на честь и достоинство ребенка виновные лица несут административную, гражданскую или уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.

В ст. 22–25 Конституции РФ закрепляется право ребенка на неприкосновенность личности, жилища, частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных форм сообщений. Фактически право на неприкосновенность частной жизни и тайну корреспонденции ограничивается со стороны родителей или опекунов (попечителей)³.

К числу личных прав относится и право ребенка на свободу мысли, слова, свободу массовой информации (ст. 29 Конституции РФ). Конституционная свобода мысли и слова означает не только возможность беспрепятственно выражать свои мысли и убеждения, свое мнение, но и недопустимость принуждения к их выражению или отказу от них. Тем самым охраняется внутренний мир ребенка, гарантируется свободное развитие личности, в т. ч. право менять свои убеждения, но не по принуждению, а по собственному выбору в процессе познания реальности, свободных дискуссий, обсуждения различных идей.

Современное законодательство исходит из того, что каждый человек волен самостоятельно решать вопрос о своем отношении к богу и о выборе религии, поэтому право ребенка на свободу совести и вероисповедания, закрепленное в ст. 28 Конституции РФ, является неотъемлемым, но в силу недостаточности жизненного опыта ребенок, как правило, несамостоятелен в решении этих вопросов, поэтому все законодательство исходит из презумпции единства интересов родителей и детей.

Анализируя группу политических прав несовершеннолетних, необходимо обратиться к праву ребенка на объединение (ст. 30 Конституции РФ). Ребенок имеет право на участие в детских и юношеских общественных организациях (объединениях). Государственные органы, органы местного самоуправления должны оказывать помощь деятельности общественных организаций (объединений), которые содействуют развитию личности детей, их творческих задатков, социальной активности, приобщению к участию в культурной, спортивной жизни, организации досуга⁴. Создание и деятельность общественных объединений регулируются Федеральным законом от 28 июня 1995 г. «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»⁵.

Конституция РФ в ст. 31 закрепляет право несовершеннолетних собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги. Статья 9 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 3 июня 2009 г.) специально оговаривает право обучающихся проводить во внеучебное время собрания и митинги по вопросам защиты своих прав. Администрация не вправе препятствовать этому⁶. Место проведения собраний и митингов определяется по усмотрению воспитанников, в т. ч. на территории и в помещении образовательного учреждения, но при условии соблюдения правил его устава. В любом случае собрания и митинги не должны нарушать требования законодательства РФ и препятствовать образовательному и воспитательному процессам.

Социально-экономические права зачастую реализуются только несовершеннолетними в возрасте 14–18 лет, права которых максимально приближены к правам взрослых граждан России. К данной группе прав можно отнести следующие: а) право ребенка на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ); б) право частной собственности ребенка; в) право ребенка на жилище (ст. 40 Конституции РФ); г) право на охрану здоровья (ст. 41 Конституции РФ); д) право на социальное обеспечение; е) право на труд (ст. 37 Конституции РФ); ж) право на образование.

Последними в блоке конституционных прав следует рассматривать культурные права, к которым относится право на участие в культурной и творческой жизни общества (ст. 44 Конституции РФ). К сожалению, приходится констатировать, что механизм реализации и защиты права на свободу творчества далек от совершенства. Основной причиной этого является недооценка сфер культуры, образования, науки и творчества государственными структурами и политиками. По данным ЮНЕСКО, Россия по интеллектуальному потенциалу молодежи скатилась на 40-е место в мире⁷. Данный факт свидетельствует о снижении интеллекта и творческой инициативы у молодого поколения. В развитие конституционного права каждого на участие в культурной жизни Основы законодательства РФ о культуре⁸ закрепляют право каждого человека, а именно ребенка, на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным библиотечным, музейным фондам, иным собраниям во всех областях культурной деятельности. Государство поощряет деятельность граждан, направленную на приобщение детей к творчеству и культурной жизни, занятию самообразованием, любительским искусством, ремеслами⁹.

Анализ конституционных прав и свобод детей позволяет сделать вывод, что конституционные основы правового положения несовершеннолетних находят свое нормативное отражение не только в Конституции РФ, поскольку в Основном Законе определены конституционно-правовые нормы лишь общего характера, при этом их конкретное содержание и, соответственно, механизм реализации в жизнедеятельности общества раскрывается в ши-

рокой системе законодательных актов. К таким актам относятся федеральные законы «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», Семейный кодекс РФ и многие др. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ координация вопросов защиты детства отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, что дает возможность органам государственной власти субъектов РФ развивать собственное законодательство в сфере прав детей и их защиты. И такая практика уже получила распространение. Так, например, показательным в этом отношении является Закон Республики Саха (Якутия) от 1 июля 1994 г. № 23-1 (в ред. от 19 мая 2005 г.) «О правах ребенка», Закон Ивановской области от 6 мая 1997 г. № 9-ОЗ (в ред. от 2 февраля 2010 г.) «О защите прав ребенка», Закон Ярославской области от 8 октября 2009 г. № 50-З «О гарантиях прав ребенка в Ярославской области».

Таким образом, именно нормы конституционного права оказывают определяющее влияние на содержание отраслевого законодательства о правах ребенка посредством своего научного, юридического и иного потенциала, с учетом которого обеспечивается современное правовое положение ребенка.

¹ Медведев Д.А. Выступление на церемонии вручения ордена «Родительская слава» многодетным семьям. Москва, Кремль. 1 июня 2009 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4252> (дата обращения: 15.03.2010).

² Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: учебное пособие. М., 1999. С. 16.

³ Подробнее об этом см.: Личные тайны ребенка: особенности правовой защиты: пособие. Воронеж, 2001. С. 33–55.

⁴ См.: Ювенальное право: учебник для вузов / под ред. А.В. Зыряева, В.Д. Малкова. М., 2005.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 27, ст. 2503.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

⁷ См.: Без комментария // Аргументы и факты. 2006. № 33. С. 8.

⁸ См.: Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1) (в ред. от 23 июля 2008 г.) // Российская газета. 1992. 17 нояб.

⁹ Подробнее об этом см.: Абрамов В.И. Права ребенка в России (теоретический аспект) / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 2005. С. 187–188.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М.Н. Лядацева-Ильичева*

ФОРМЫ (ВИДЫ) СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XVIII ВЕКЕ

История систематизации российского законодательства являлась предметом дореволюционных теоретических, историко-правовых и специально-юридических исследований (М.М. Сперанский, Д.И. Поленов, В.П. Латкин, К.А. Неволин, С.В. Пахман, И.И. Дитятин, Н.Д. Чечулин, Г.Ф. Шершеневич и др.).

В советской историко-правовой литературе не получили должного исследования теоретические разработки кодификационных комиссий XVIII в. И лишь в 80–90-х гг. XX в. историки права акцентируют свое внимание на развитии русского права XVIII в. в процессе его систематизации (Е.А. Скрипилев, С.В. Кодан, О.А. Омельченко и др.). Особый интерес вызывают работы О.А. Омельченко, где рассматривается история и затрагиваются теоретические проблемы систематизации российского законодательства в комиссиях XVIII в.¹

В современной историко-правовой науке по-прежнему особое внимание уделяется преимущественно истории систематизации российского законодательства в XVIII—первой половине XIX в. (С.В. Кодан, В.А. Томсинов, А.А. Тесля, Р.С. Тараборин, С.И. Сперанский и др.). Так, исследователи рассматривают исторический опыт, накопленный законодателем в процессе систематизации российского законодательства до 1826 г., характеризуя законотворческую и кодификационную деятельность законодательных комиссий XVIII в.² Общеизвестно, что в историко-правовой литературе по-прежнему господствует официальная точка зрения М.М. Сперанского³. Общепризнано, что с 1700 по 1826 г. законодатель постоянно меняет направление систематизации, попеременно пытаясь создавать сводные и новые уложения.

Деятельность законодательных комиссий XVIII в. требует изучения теоретических проблем систематизации действующего законодательства и его существенного обновления в условиях российской действительности. Абсолютизм, крепостничество и нарождающийся рынок определяли дина-

* Лядацева-Ильичева Марина Николаевна — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

мику консервативных и прогрессивных социально-экономических и политических общественных отношений. Становление основных правовых институтов требовало от законодателя поиска новых форм систематизации.

В XVIII в. законодатель предпринимает попытки к наполнению правовых норм и институтов Соборного уложения 1649 г.⁴ новым содержанием при помощи многочисленных сепаратных указов, уставов и регламентов, а также сохранивших юридическую силу новоуказных статей. Особенности законодательной деятельности усугубляли потребность общества и государства в систематическом изложении несогласованных и противоречивых нормативных актов в целом и правовых норм и институтов в частности.

Соборное уложение 1649 г. сохранило практическое значение на протяжении второй половины XVII—первой трети XIX в., т. е. до вступления в юридическую силу Свода законов Российской империи в 1835 г.

Первые попытки систематизации российского законодательства относятся к 1700 г. Так, 18 февраля 1700 г.⁵ Именным указом Петра I была создана Палата об уложении (1700—1703 гг.), призванная соотнести Соборное уложение 1649 г. с новоуказными статьями, именными указами, боярскими приказами с целью их дальнейшей ревизии и обобщения. Комиссия должна была составить т. н. «новоуложенную книгу» или «свод уложения, и всех указов после того составлявшихся» с 1649 до 1700 г. Палата проводила свои заседания с 27 февраля 1700 г. до 14 ноября 1703 г. Комиссия выслушала все Уложение 1649 г., дополненное новоуказными статьями и другими постановлениями. К осени 1703 г. был готов и общий проект Новоуложенной книги. Проект сохранял структуру Соборного уложения 1649 г., но существенно обновлял его содержание с учетом последующих нормативных актов. Однако проект нового уложения так и не был обнародован. По мнению О.А. Омельченко, это был пример чистой систематизации действующего законодательства с устранением внутренних противоречий в рамках существовавших правовых норм и институтов, но результаты, достигнутые чиновниками, так и не были обнародованы⁶.

В 1714 г. Петр I вновь поставил вопрос об уложении. Сенатский указ от 3 июня 1714 г. предписывал особой комиссии во главе с сенатором В. Апухтиным пересмотреть принятые после Уложения 1649 г. указы и приговоры, собрав их в специальный табель. Эти работы не получили логического продолжения и завершения⁷.

Именной указ от 15 июня 1714 г. подтверждает идею равного суда для всех чинов, ранее провозглашенную в Соборном уложении 1649 г., отменял указы, ему противоречившие, сохраняя юридическую силу только новоуказных пунктов и сепаратных указов, восполнявших пробелы в его тексте. Суд мог применять новоуказные статьи только по делам, не предусмотренным в Уложении⁸. Собрав изданные новоуказные статьи комиссия расписала их в специальные таблицы и из Юстиц-коллегии передала 17 сентября 1717 г. в Поместный и Земский приговоры пункты о составлении свода полного Уложения или т. н. Сводного уложения. И все же попытки составления Сводного уложения были прекращены с целью создания но-

вого уложения. Так, 9 мая 1718 г. императором была вынесена Высочайшая резолюция на доклад Юстиц-коллегии «Об устройстве судебных мест по примеру Швеции», о переводе шведского уложения и об учинении свода российских законов со шведскими⁹. Уложение, не связанное с новоуказными статьями, не могло показать действующие и отмененные положения.

Законодатель не уточняет свои планы: новое уложение или другой вид нормативного акта по типу Генерального регламента коллегиям разработанный при помощи заимствований датского, шведского и немецкого административных уставов. По мнению О.А. Омельченко, на лицо стремление законодателя придерживаться такой задачи кодификации, как не чистая систематизация русских законов, а более широкое обновление права с учетом иностранного законодательства. В соответствии с Указом из Юстиц-коллегии от 25 мая 1719 г. «О свершении дел без всякого замедления и волокиты по уложению и о выписках из судебных дел» дела предписывалось вершить без всякого замедления и волокиты по уложению и новым указам¹⁰.

9 декабря 1719 г. было принято решение начать слушание проекта с 7 января 1720 г. и завершить работы к октябрю 1720 г., но указанные работы так и не были завершены. Петру наскучило ожидание создания нового систематического собрания русских законов, решить заменить его готовым шведским кодексом, дополнив и исправив последней принаровительно к потребностям русского общества. Оставаясь на исторической основе, законодатель допускал правовые заимствования. Результатом работы стало создание новой комиссии¹¹.

Так называемая кодификационная комиссия 1720–1727 гг. была создана сенатским указом от 8 августа 1720 г. «О сочинении уложения» и была призвана составить российское уложение при помощи шведского закона. С точки зрения О.А. Омельченко, можно говорить о более широком подходе к кодификации права. Комиссии первоначально параллельно слушала Уложение 1649 г. и шведское законодательство (собрание земского и городского права, а также процессуальный устав 1695 г.)¹².

Сенатский указ от 17 октября 1720 г. утверждает порядок сочинения Уложения. В ноябре 1723 г. Петр I издал указ, которым предписывалось разобрать все действовавшие в России указы по поводу одного и того же вопроса и напечатать среди регламентов те из них, которые будут им утверждены, т. е. уставам, относившимся до отдельных частей управления. Подобная мера была призвана устранить противоречия действующего законодательства¹³.

Именным указом от 11 марта 1724 г. император повелел все новые указы печатать и присоединять одни к регламентам, а другие — к старому Уложению. Работы над проектом нового Уложения затруднялись тем, что законодатель активно восполнял пробелы в действующем законодательстве при помощи издания новых регламентов по различным частям управления¹⁴.

В основу проекта нового Уложения были положены Соборное уложение 1649 г., Кормчая книга, указы, Военный и Морской уставы, швед-

ские и датские законы. Кроме того, содержание права существенно обновилось за счет активной законотворческой деятельности в условиях государственных и сословных реформ. В итоге к 1725 г. законодатель существенно изменил содержание и структуру проекта нового Уложения. Деятельность петровской комиссии продолжила кодификационные работы в эпоху правления императрицы Екатерины I и в 1727 г. прекратила свое существование¹⁵.

С воцарением на престол Петра II вопрос о новом Уложении не был оставлен, хотя правительство, видя бесплодность третьей комиссии, решило изменить порядок, принятый за основу при составлении Уложения в 1719 г. Законодатель вернулся к попыткам составления свода русских законов как основы для создания нового уложения.

Законодательная комиссия (1728–1730 гг.) обратилась к первоначальному проекту создания Сводного уложения без дополнений и поправок из иностранного законодательства. 14 мая 1728 г.¹⁶ Верховный тайный совет дал сенату указ, предписывавший дополнить прежнее Уложение. И все же комиссия не оставила идеи о создании нового Уложения с учетом исторических отечественных реалий. Работы продвигались с большим трудом и были прерваны со смертью Петра II.

В 1730 г. законодателем была учреждена уложенная комиссия, действовавшая до 1744 г.¹⁷ и призванная сочинить совершенное Уложение с использованием свода действующих законов, иностранного законодательства. 1 сентября 1730 г. правительство распорядилось приступить к составлению нового Уложения. Однако в процессе его создания законодатель вернулся к мысли о Сводном уложении. В 1735 г. императрица Анна Иоанновна повелела напечатать Сводное уложение. Однако в процессе систематизации действующего законодательства стало очевидно, что предыдущим комиссиям не удалось создать даже Сводного уложения, что делало невозможным создание нового Уложения. Поэтому коллегиям и приказам было поручено собрать действующие в их ведомствах законы и сделать по каждой части их Своды. В 1741 г. комиссия прекратила свое существование, не оставив после себя ни Сводного уложения, ни нового Уложения. С 1744 г. какие-либо сведения о работе комиссии и о самом ее существовании отсутствуют. До 1754 г. Сенат был вынужден осуществлять ревизию действующего разрозненного и противоречивого законодательства¹⁸.

Уложенная комиссия императрицы Елизаветы Петровны (1754–1766 гг.) продолжила работы по систематизации действующего законодательства 1741–1754 гг. по предметам регулирования. В 1754 г. в присутствии императрицы в Сенате было определено: «Сочинить законы ясные, всем понятные и настоящему времени приличные». Указ Сената от 28 августа 1754 г. содержал план кодификации права, предполагавший создание нового Уложения¹⁹. Вследствие указанных событий была учреждена Комиссия сочинения Уложения, состоявшая из общей и частных комиссий.

Предметом общей комиссии было составление Уложения. Частные комиссии были учреждены при коллегиях и предполагали сочинение ведом-

ственных уставов по правительственным делам, так чтобы каждой устав регулировал свой круг правоотношений. Работа частных комиссий не получила должного результата. Кодификационные работы комиссии постепенно прекратились. Именным указом от 8 января 1759 г. чиновникам предписывалось завершить деятельность комиссии²⁰.

В 1760 г. императрица Елизавета Петровна вновь обратила свое внимание на проблему систематизации российского законодательства. Указом от 27 марта 1761 г. Комиссии было поручено продолжить работы по созданию Уложения, обобщить и учесть материалы предыдущей комиссии с целью их пересмотра в форме свода действующих законов и нового Уложения.

В эпоху правления Петра III работы по созданию нового Уложения продолжались. В 1763 г. заседания комиссии были прерваны по случаю коронации Екатерины II²¹. Деятельность частных комиссий оставалась без существенных продвижений.

В манифесте Екатерины II от 14 декабря 1766 г. было объявлено о стремлении законодателя рассматривать каждое дело и жалобу, доходившие до императрицы, для того чтобы лучше узнать недостатки российского законодательства. В 1767 г. комиссия была ликвидирована в связи с организацией новой комиссии по систематизации российского законодательства. 30 июля 1767 г. начинает работу комиссия Екатерины II, впервые обозначившая в своей деятельности три вида систематизации: собрание действующего законодательства, Сводные уложения и новое Уложение²².

Правовую основу государственной политики в сфере регулирования общественных отношений составили: 1) Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения, определивший принципы, форму и содержание законодательных и кодификационных разработок новой комиссии²³; 2) Обряд управления Комиссии о сочинении проекта нового Уложения²⁴; 3) Указ Сената от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов» с манифестом и специальным обрядом выборов депутатов²⁵; 4) Генерал-прокурорский наказ, затрагивающий общие принципы деятельности комиссии²⁶.

Комиссия была призвана обобщить результаты работы общего собрания и частных комиссий для создания нового Уложения. Все существующие законы были разделены на 15 разрядов, исключение составили военная и морская отрасль. В состав комиссии вошли Общее собрание, или Большая комиссия, и 19 частных комиссий. Собранные материалы передавались в частные комиссии по конкретным институтам и разделам права. Например, особое значение имели «комиссия об обязательствах» и «комиссия о разных установлениях касающихся лиц» (речь идет о разработке проекта законов о состояниях). В 1774 г. все учреждения комиссии завершили кодификационную деятельность и были распущены²⁷.

В 1796 г. император создал очередную комиссию для составления законов. Неудачный опыт составления нового Уложения заставил Павла I

возвратиться на прежний путь — к составлению сводного Уложения. Законодатель преследовал цель ликвидировать хаотичность и противоречивость действующего законодательства. Император приказал собрать все действующие законы в три книги: уголовных, гражданских и казенных дел. Комиссия составила 17 глав о судопроизводстве, 9 глав о делах вотчинных и 13 глав законов уголовных, но эти проекты не представляли собой единого целого²⁸.

Материалы съезда сенаторов по вопросу составления законов (1797—1800 гг.) свидетельствуют о том, что комиссия 1797 г. признала необходимым собрать действующее законодательство и создать на его основе три книги, в т. ч. Свод гражданских законов²⁹.

Основной причиной многочисленных попыток систематизации российского законодательства в XVIII в. является потребность в обобщении обширного законодательного материала, накопившегося со времен издания Соборного уложения 1649 г., в унификации права и в приведении к единообразию правоприменительной и судебной практики. Отраслевой принцип систематизации должен был заменить тематическую систематизацию по конкретным объектам правового регулирования, нашедшую применение в Соборном уложении 1649 г., и ознаменовавшего собой постепенное становление и формирование системы права³⁰.

Сменявшие друг друга попытки коренных реформ и постепенные преобразования приводили к интенсивной, зачастую противоречивой законодательной деятельности, что препятствовало систематизации российского законодательства как в форме свода действующих законов, так и нового Уложения или кодекса.

Существенными недостатками действующего законодательства XVIII в. стали его архаичность, хаотичность, противоречивость, бессистемность и пробелы, что значительно затрудняло процесс его систематизации по отраслевому принципу, в форме кодификации. Как известно, большое количество нормативных актов, принятых со времен создания Соборного уложения 1649 г. было утрачено, в т. ч. по причине пожаров, восстаний и войн. Важнейшими факторами, затруднявшими осуществление кодификационных работ стали недостаточность их финансирования, а также низкий уровень соответствующих теоретических и практических знаний лиц, принимавших непосредственное участие в процессе систематизации российского законодательства.

М.М. Сперанский писал, что в ходе деятельности девяти комиссий XVIII в. имели место три главных предмета:

- 1) *собрание законов* предполагало создание хронологического реестра и полное собрание указов;
- 2) *своды* состояли из сводов законов существующих в форме Сводного уложения или книг, на которые каждая часть Уложения делилась (например, о вотчинах, о наследстве и т. д.);
- 3) *новое Уложение* предполагало возникновение идеи усовершенствования и введения недостающих частей законодательства.

М.М. Сперанский различал две формы законодательства: первоначальную, разнородную и систематическую³¹.

Итак, в ходе работ по систематизации законодательства в XVIII в. зарождается три формы (вида) систематизации российского законодательства: сборник законов, предполагавший хронологический порядок нормативных актов по мере их принятия (инкорпорация); сводное Уложение или свод действующих законов (попытки консолидации правовых норм по институтам права) и новое Уложение (кодификация законодательства по отраслевому принципу).

¹ См.: Развитие русского права в первой половине XIX – начале XX века / отв. ред. Е.А. Скрипилев. М., 1997; *Омельченко О.А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии (второй половины XVIII века): учебное пособие. М., 1989 и др.

² См.: *Томсинов В.А.* Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х – начале 30-х годов XIX века // Вестник Московского ун-та. Сер. 11, Право. 2008. № 4. С. 38; *Кодан С.В., Тараборин Р.С.* Поиски путей систематизации гражданского законодательства России. Первая четверть XIX века. Екатеринбург, 2001 и т. д.

³ См.: *Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 69.

⁴ См.: Соборное уложение 1649 года // ПСЗ РИ. I. Т. I. № 1.

⁵ См.: Именной указ «О заседании в Государевых Палатах боярам для учинения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся» // ПСЗ РИ. I. Т. IV. № 1765.

⁶ См.: *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 7; *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII веке. Т. I. СПб., 1887. С. 2, 11–15.

⁷ См.: ПСЗ РИ. I. Т. V. № 2819.

⁸ См.: Именной указ от 15 июня 1714 года «О вершении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям» // ПСЗ РИ. I. Т. V. № 2828.

⁹ См.: ПСЗ РИ. I. Т. V. № 3202; *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 20–21.

¹⁰ См.: ПСЗ РИ. I. Т. V. № 3376.

¹¹ См.: *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 22.

¹² См.: ПСЗ РИ. I. Т. VI. № 3626.

¹³ См.: ПСЗ РИ. I. Т. VI. № 3661; *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 23; ПСЗ РИ. I. Т. VII. № 4347.

¹⁴ См.: ПСЗ РИ. I. Т. VII. № 4183. *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 34.

¹⁵ См.: *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 44–45.

¹⁶ См.: ПСЗ РИ. I. Т. VIII. № 5287.

¹⁷ См.: Именной указ от 1 июня 1730 года // ПСЗ РИ. I. Т. VIII. № 5567.

¹⁸ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XI № 5577; *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 10; *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 56–63.

¹⁹ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XIV. № 10283.

²⁰ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XV. № 11335.

²¹ ПСЗ РИ. I. Т. XV. № 11732.

²² См.: *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 182–186; *Сперанский С.И.* Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. М., 2004. С. 95–100.

²³ См.: Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения // ПСЗ РИ. I. Т. XVIII. № 12949; № 13075; 13096.

²⁴ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XVIII. № 12948.

²⁵ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XVII. № 12801.

²⁶ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XVIII. № 12950.

²⁷ См.: ПСЗ РИ. I. Т. XVII. № 12801; Наказ ее императорского величества Екатерины II самодержицы всероссийской, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1820. С. 298.

²⁸ См.: *Сперанский С.И.* Указ. соч. С. 101–104.

²⁹ См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 119.

³⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985. С. 286.

³¹ См.: *Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов // *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 136–139.

О.С. Ростова*

СОЗДАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Революционные события 1917 г. знаменовали начало изменений во всех сферах общественной жизни. Правительством были предприняты активные действия по созданию новой законодательной базы. В первые годы советской власти забота о спасении детей от голода, болезней в условиях нарастающего социально-экономического кризиса стала фактически требованием времени. Как отмечал П.И. Люблинский, «затянувшаяся война губительно повлияла на условия жизни массы детей ... создала миллионы сирот, обездолила миллионы семей, согнала с мест постоянного жительства массы беженцев с малолетними детьми, расстроила правильное обучение в школах, подорвала здоровье детского населения длительными лишениями, вовлекло десятки тысяч детей раннего возраста в непосильный для них труд и наполнило еще неокрепшую детскую психику нездоровыми переживаниями разгула военных страстей и спекулятивного ажиотажа»¹.

Впервые в истории задача спасения детей оказалась в центре внимания государства². Выживание детей как общесоциальная проблема трансформировалось в политику Советского государства.

В. Куфаев под государственной охраной детства понимал «полную заботу государства о создании условий, обеспечивающих нормальное физическое и психическое развитие ребенка в целях подготовки его к общественно полезной деятельности»³. Следовательно, согласно В. Куфаеву, «государство должно являться высшим опекуном ребенка. Забота о воспитании и развитии детства есть одна из социальных функций государства»⁴. Другой специалист в области охраны детства А.Н. Антонов считал, что охрана детства, точнее младенчества, есть совокупность социально-правовых и социально-гигиенических мероприятий, направленных на создание наиболее благоприятных условий существования ребенка⁵. Экономическая ситуация в стране, рост безработицы, низкий уровень медицинского обслуживания, отсутствие специальных учреждений по охране здоровья женщины, — все это приводило к росту заболеваний и, как следствие, высокой детской смертности. Таким образом, создание сети медицинских учреждений стало одним из направлений деятельности государства в сфере охраны материнства и детства.

По словам очевидцев, «...с начала 1918 года проблема государственной охраны детства встала во весь рост. Свое принципиальное отношение к охране детства советская власть выразила в ряде декретов 1918 года, наметивших те основные положения, развитие и углубление которых соста-

* Ростова Ольга Сергеевна — доцент кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

вило программу ряда последующих лет»⁶. Первые декреты заложили определенные основы создания государственной системы правовой охраны материнства и детства.

Декрет от 14 ноября 1917 г. «О бесплатной передаче больничным кассам лечебных учреждений предприятий или, в случаях неимения таковых, о выдаче денежных сумм на оборудование их»⁷ предусматривал передачу родильных приютов при предприятиях больничным кассам, а также создание новых родовспомогательных учреждений для работниц.

Для разработки вопросов проведения неотложных мероприятий по охране и обеспечению материнства как социальной функции женщины и по охране младенчества Наркоматом государственного призрения 31 декабря 1917 г. был принят декрет «Об организации коллегии по охране и обеспечению материнства и младенчества»⁸, в котором охрана материнства и младенчества была признана «прямой обязанностью государства». Одновременно предусматривалось создание Отдела по охране материнства и младенчества при главном управлении Министерства. Последующим декретом Комиссариата государственного призрения от 12 января 1918 г. «Об упразднении Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества»⁹ упразднялось существовавшее с 1913 г. Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества. Его полномочия передавались в коллегию вновь организованного «Отдела по охране и обеспечению материнства и младенчества». Это были первые шаги, предпринятые Советским государством, по созданию правовой основы охраны материнства и детства.

Заботой о здоровье детей было продиктовано создание в 1917 г. при Наркомпросе Отдела школьной санитарии и гигиены. В 1918 г. Отдел был переименован в Школьно-санитарный, затем в соответствии с положением Народных комиссариатов здравоохранения и просвещения от 20 сентября 1918 г. «Об Отделе Школьной Санитарии Народного Комиссариата Здравоохранения и об Отделах Школьной Санитарии Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов»¹⁰ был передан в ведение Наркомздрава «в качестве Отдела Школьной Санитарии».

В целях развития системы здравоохранения 24 января 1918 г. был принят декрет «О Совете врачебных коллегий», который создавался как центр по координации всей медицинской службы страны¹¹. Следует отметить, что еще в одном из первых документов Совета врачебных коллегий — Обращении к медицинскому персоналу Советской России — подчеркивалось, что «война, экономический развал и вызванное ими недоедание и истощение населения ставят перед Советским правительством вопрос о борьбе в государственном масштабе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни трудящихся масс»¹². В данном акте указывалось на необходимость создания «исчерпывающего санитарного законодательства по водоснабжению, рациональной канализации и санитарному надзору за торгово-промышленными заведениями, жилыми помещениями и организации выборной от населения санитарной инспекции по борьбе с заболеваниями и смертностью и, в частности, с детской смертностью»¹³.

Задача объединения всех учреждений по охране материнства и детства в единую государственную систему была сформулирована в постановлении Народного комиссариата государственного призрения от 31 января 1918 г. «Об организации комиссии по охране младенчества», согласно которому «все большие и малые учреждения Комиссариата Государственного Призрения, от воспитательных домов в столицах до скромных деревенских яслей» объединялись в одну государственную организацию, «чтобы составлять неразрывную связь с учреждениями, обслуживающими беременность и материнство, принимать от них и продолжать выполнение одной общей государственной задачи — создание сильных духовно и физически граждан»¹⁴.

В условиях экономического истощения страны одной из острейших проблем стало также оказание продовольственной и материальной помощи детям всех возрастов. Перед всеми отделами по охране детства различных наркоматов стоял, прежде всего, вопрос о питании детей. Основная функция снабжения их продуктами питания возлагалась на Наркомпрод РСФСР. Организация детского питания была признана первоочередной государственной задачей на данном этапе исторического развития. В постановлении правительства от 14 сентября 1918 г. «Об усилении детского питания»¹⁵ особое внимание уделялось продовольственному обеспечению женщины-матери и новорожденных детей. Постановление предписывало продовольственным организациям:

а) выдавать матерям, принадлежащим к трудящемуся населению и кормящим грудью детей, паек первой категории, а в тех случаях, когда еще не введен классовый паек, дополнительную карточку наравне с лицами, занятыми тяжелым физическим трудом;

б) ввести особые детские карточки для детей до 1 года;

в) выдавать всем детям в возрасте от 1 до 5 лет дополнительный паек.

Вскоре были приняты и другие нормативные акты, регулирующие порядок обеспечения детей продовольствием: постановление СНК от 23 сентября 1918 г. «О фонде детского питания»¹⁶, декрет СНК от 5 ноября 1918 г. «О дополнении декретов «Об усилении детского питания» и «О фонде детского питания»»¹⁷ и др.

Другим органом Наркомпроса, осуществлявшим проведение в жизнь декрета СНК о бесплатном детском питании, был Совет Защиты Детей¹⁸. Считая снабжение детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью, а равно эвакуацию детей в хлеботорные губернии одной из важнейших государственных задач, Совет Народных Комиссаров, согласно декрету от 4 февраля 1919 г., поручает Совету Защиты Детей осуществить ряд мероприятий, в частности: а) согласовать деятельность входящих в него комиссариатов по эвакуации детей в хлеботорные губернии; б) следить за точным выполнением плана (п. 4 указанного декрета).

Совет Защиты Детей должен был стать чрезвычайным органом по охране детства, не случайно, в проектах он назван Советом Оборона Де-

тей. Учитывая трудности снабжения детей продовольствием в больших городах, было принято решение расселять их в хлебобродные губернии¹⁹. Совет разработал Инструкцию об организации летних детских колоний²⁰, согласно которой данная работа должна вестись в двух направлениях: 1) по устройству дальних колоний и 2) по устройству ближних (местных) колоний. Дальние колонии располагались в хлебобродных губерниях России: Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Пензенской, Курской, в Поволжье и на Украине. В дальние колонии вывозились наиболее ослабленные дети из голодающих северных и центральных губерний Советской России. Остальная масса детей губерний, согласно Инструкции, вывозилась в местные колонии (летние школы), которые устраивались повсеместно в пределах каждой губернии, куда вывозились дети губерний промежуточных в продовольственном отношении (Тульской, Орловской, Рязанской, Нижегородской и т. д.), а также наиболее нуждающиеся в летнем отдыхе дети хлебобродных губерний.

В проекте Инструкции указывалось, что эвакуации в детские летние колонии подлежат лишь дети неимущих и малоимущих классов²¹. Работа по организации летних детских колоний включала учет всех детей в возрасте от 6 до 17 лет. Проводились специальные медицинские обследования детей указанного возраста с привлечением школьных и частных врачей с целью выявления категорий детей, по состоянию здоровья нуждающихся в вывозе в дальние колонии²². В первую очередь эвакуировались дети остро истощенные, которым требовались усиленное питание и продолжительный отдых. Дети этой категории, а также нуждающиеся в климатическом лечении, согласно проекту Инструкции, отправлялись по возможности в дальние колонии, если могли без ущерба для здоровья перенести продолжительный путь. Отделом реэвакуации детей во все губернии и уезды были распространены специальные анкеты на детей, которые после указания данных (фамилия, имя, отчество, возраст, национальность, дата поступления в приют, уроженец какой губернии, города, уезда, сведения о родителях и др.) подлежали отправлению в Отдел Охраны Детства при Народном Комиссариате Социального Обеспечения²³.

По Инструкции для устройства колоний местные организации «должны использовать все удобные для этого места и, в первую очередь, Советские имения, молочные фермы, бывшие помещичьи усадьбы, дачи, монастыри»²⁴.

Совет Защиты Детей, задачей которого было «сберечь в опасное переходное время подрастающее поколение», с первых дней занялся проведением в жизнь декрета СНК от 17 мая 1919 г. «О бесплатном детском питании»²⁵, оказывая помощь голодающим детям. Действие декрета распространялось на крупнейшие фабрично-заводские центры губерний. Немаловажно, что право на бесплатное питание предоставлялось детям в возрасте до 14 лет безотносительно к категории классового пайка их родителей. Постановлением СНК от 12 июня 1919 г. «О распространении декрета «О бесплатном детском питании» на всех детей, не достигших 16-лет-

него возраста» действие декрета от 17 мая 1919 г. охватывало всех детей, не достигших 16-летнего возраста²⁶.

Одновременно Советом Защиты Детей был поднят вопрос о необходимости признания социального обеспечения детей трудящихся до 16-летнего возраста. «До сих пор, когда говорится о социальном обеспечении, имеется в виду обеспечение от болезни, увечья, инвалидности, материнства, старости, и совершенно не ставится вопрос о социальном обеспечении еще одного вида нетрудоспособности — детства»²⁷. Несмотря на то, что отделами социального обеспечения устраивались столовые, детские очаги, ясли, где «дети бедноты получали пищу и уход», раздавались бесплатные завтраки для школьников, все указанные мероприятия требовали общегосударственной планомерной постановки²⁸.

Советом Защиты Детей был разработан проект Декрета о социальном обеспечении детей (от 12 апреля 1919 г.)²⁹. Право на социальное обеспечение согласно п. 3 проекта устанавливалось органами Социального Обеспечения на основании данных о заработке членов семьи, числа детей и других нетрудоспособных членов семьи и прожиточного минимума. В соответствии с п. 4 проекта социальное обеспечение осуществлялось в различных видах: а) обеспечение жилищем многосемейных трудящихся; б) помещение детей в очаги, ясли; в) допущение детей в детские столовые; г) выдача детского пособия.

На смену Совету Защиты Детей, упраздненному в 1921 г., пришла Чрезвычайная комиссия ВЦИК по улучшению жизни детей (Деткомиссия), учрежденная постановлением ВЦИК от 10 февраля 1921 г.³⁰ В ее задачи входили общее руководство охраной жизни и здоровья детей, помощь учреждениям, ведающим этими делами, наблюдение за выполнением постановлений законодательных органов по вопросам защиты детей и обеспечения их необходимым. С этой целью Комиссия наделялась законодательной инициативой по вопросам помощи продовольствием, жилищем, топливом учреждениям, которым вверялось попечение о детях. К числу таких учреждений относились, в первую очередь, органы, ведающие охраной жизни и здоровья беспризорных детей.

Очевидно, что забота государства о детях была направлена, прежде всего, на обеспечение продовольствием лечебных учреждений, учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений, что нашло свое законодательное закрепление в декретах от 8 февраля 1921 г. «Об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений, учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений»³¹ и от 22 июля 1921 г. «О детском питании»³².

Таким образом, можно говорить о том, что первые декреты «заложили прочное основание детскому законодательству, основанному на гарантии государством основных прав ребенка. Пусть многое в них, особенно в первое время, имело декларативный характер и смогло затем лишь постепенно реализоваться в жизнь в процессе дальнейшего развития, пусть в даль-

нейшем, под влиянием суровых экономических обстоятельств, пришлось пойти на кой-какие уступки, все же основные вехи были поставлены прочно и смело и послужили отправным этапом для дальнейшего развития»³³.

В исследованиях, посвященных истории развития института охраны материнства и детства, 1920 г. рассматривается как зарождение охраны материнства и младенчества, а, следовательно, и охраны раннего детства³⁴. В 1919–1920 гг. открылось около 1500 государственных учреждений по охране материнства и младенчества³⁵.

Декретом СНК от 9 марта 1920 г. «О передаче Народному комиссариату здравоохранения контрольных комиссий, экспертизы, установления %%, утраты трудоспособности, домов отдыха, охраны материнства и младенчества и снабжения протезами» охрана материнства и детства была передана Наркомату здравоохранения³⁶. И если в декрете от 18 июля 1918 г. «О Народном Комиссариате Здравоохранения» еще ничего не говорилось о его обязанностях по охране материнства и детства³⁷, то несколько позднее при Санитарном управлении этого Наркомата был создан специальный Отдел охраны материнства и младенчества. Таким образом, реализовывалась поставленная еще на I Всероссийском съезде комиссаров социального обеспечения (26 июня 1918 г.) задача организации государственной, а не благотворительной деятельности по охране материнства и младенчества³⁸.

На 2-м Всероссийском совещании по охране материнства и младенчества (4–8 июня 1923 г.) отмечалось, что до 1921 г. служба охраны материнства и младенчества зарождалась, набирала силу, что сопровождалось широким развитием сети детских учреждений. Несколько позже, в 1922 г., наблюдался некоторый спад работы в области охраны материнства и детства, объяснявшийся экономическими трудностями того времени³⁹. Но уже с конца 1922 г. начался новый подъем в развитии сети учреждений по охране материнства и детства, выразившийся в создании новых центров. В 1922 г. в Москве был создан Государственный научный институт охраны материнства и младенчества, где разрабатывались научные основы охраны материнства и детства в СССР. Он занимался вопросами рациональной, научно обоснованной профилактической и лечебной помощи женщине, всесторонним изучением ребенка в возрасте до 3-х лет, подготовкой квалифицированных медицинских кадров и переквалификацией персонала, а также научно-практическим руководством всех учреждений Отдела охраны материнства и младенчества. В 20–30-х гг. прошлого века такие институты были организованы во многих городах страны (Ленинграде, Киве, Тбилиси и т. д.).

Правовая охрана материнства и детства предусматривала также проведение различных кампаний в целях привлечения внимания общественности к данной проблеме, изыскания дополнительных средств для спасения детей от голода, сбора добровольных пожертвований в виде продуктов питания, одежды, денежных средств с целью улучшения положения детских учреждений.

Для оказания помощи детям декретом СНК от 7 октября 1920 г. «О Неделе Ребенка»⁴⁰ «с целью пропаганды помощи нуждающимся детям Советских Республик» было принято решение о проведении «Недели ребенка» с 7 по 14 ноября 1920 г. Декрет призывал «трудящихся к добровольному пожертвованию ... всего относящегося к питанию детей и снабжению их предметами первой необходимости». Правила о введении в действие декрета, организация «Недели ребенка», порядок собирания и хранения результатов сбора должны были составляться Комитетом «Недели ребенка», сформированным из представителей Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата продовольствия и Народного комиссариата здравоохранения, согласно соответствующим инструкциям и циркулярным распоряжениям Центрального Комитета.

В Инструкции по проведению «Недели ребенка» отмечалось, что комитеты на местах должны были устраивать митинги, концерты, детские вечера; производить сбор продовольственных продуктов, вещей; организовывать субботники, издавать специальные плакаты, листовки⁴¹. Последующим постановлением СНК «Неделя ребенка» была перенесена на 21–28 ноября⁴². Постановление ВЦИК «О проведении «Недели ребенка»⁴³ от 4 ноября 1920 г. обязывало все исполкомы как органы власти на местах оказывать всяческое содействие комитетам по проведению кампании, поставив перед ними следующие задачи: «произвести освобождение помещений, принадлежащих детским учреждениям, занятых учреждениями гражданского ведомства, а где это возможно, и Военного», а также «произвести санитарную очистку этих помещений». Ставилась задача улучшить финансирование детских учреждений, обеспечить их усиленным питанием и «открыть детские амбулатории для исследования и лечения детей», организовать врачебный осмотр всех детей, находящихся в этих учреждениях. В печати подробно освещался ход кампании; издавались бюллетени, посвященные проблеме охраны подрастающего поколения⁴⁴.

Дальнейшее распространение подобные акции получили и в последующем, особенно с наступлением голода в 1921–1922 гг. На IV Всероссийском съезде здравотделов в декабре 1922 г. было принято решение «начать подготовительную кампанию по проведению недели помощи по охране материнства и младенчества»⁴⁵.

6 января 1923 г. «Известия ВЦИК» опубликовали письмо Президиума Всероссийского Исполнительного Комитета от 5 января ко всем губисполкомам, облизполкомам, ЦИКам союзных и автономных республик РСФСР о проведении «Недели охраны материнства и младенчества» с 8 по 15 марта 1923 г. Как указывалось в решении IV Московского съезда работников и крестьянок, «день 8 марта должен быть ознаменован открытием или закладкой новых учреждений по охране материнства и младенчества, врачебных и юридических консультаций, детских яслей, садов, детских комнат при клубах, столовых и т. п. учреждений, улучшающих положение работниц и крестьянок»⁴⁶.

Таким образом, государственная охрана материнства и детства получила законодательное закрепление и последующее развитие в ряде декретов, постановлений, циркуляров, принятых в первые годы после революции. Очевидно, что, учитывая экономическое истощение страны, вспышки заболеваний, высокий уровень детской смертности, забота государства о подрастающем поколении, прежде всего, была направлена на создание благоприятных условий для полноценного физического развития ребенка, на охрану здоровья, на обеспечение продуктами питания и предметами первой необходимости. Этому предшествовало создание системы государственных органов по охране материнства и младенчества, развитие сети медицинских учреждений, основной задачей которых была борьба с заболеваниями и детской смертностью.

Подводя итог, можно сказать, что правовая охрана материнства и детства в исследуемый период осуществлялась путем реформирования здравоохранения и формирования системы государственных органов по охране материнства и детства; создания широкой сети специализированных медицинских учреждений для охраны здоровья матери и ребенка. Следует также отметить немаловажную роль общественных организаций, принимавших активное участие в проведении различных кампаний по улучшению жизни детей. Уже в начале 20-х гг. прошлого века создается научный институт охраны материнства и младенчества, что свидетельствует о комплексном подходе государства к проблеме охраны материнства и детства.

¹ Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. Кн. 8–10. С. 27–28.

² См.: Давыдов М.И. Забота о детях: из истории деятельности Совета Защиты Детей в 1918–1920 годах // История СССР. 1979. № 5. С. 170.

³ Куфаев В. Детское право, его предмет и объем // Право и жизнь. 1926. Кн. 8–10. С. 62.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ См.: Антонов А.Н. Охрана материнства и младенчества: пособие для врачей. Л., 1929. Т. 1. Вып. 1. С. 20.

⁶ См.: Люблинский П.И. Указ. соч. С. 28.

⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 86.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1918. № 13, ст. 193.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 16, ст. 228.

¹⁰ См.: СУ РСФСР. 1918. № 69, ст. 745.

¹¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 20, ст. 31.

¹² СУ РСФСР. 1917. № 5, ст. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Постановления КПСС и Советов правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 25.

¹⁵ См.: СУ РСФСР. 1918. № 68, ст. 732.

¹⁶ См.: СУ РСФСР. 1918. № 70, ст. 768.

¹⁷ См.: СУ РСФСР. 1918. № 81, ст. 857.

¹⁸ Совет защиты детей был учрежден 4 февраля 1919 г. декретом «Об учреждении Совета Защиты Детей». Совет возглавил народный комиссар просвещения РСФСР А.В. Луначарский.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 326. Л. 1.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. А-1574. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. А-1574. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

²² См.: ГАРФ. Ф. А-1574. Оп. 1. Д. 17. Л. 44.

²³ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 326. Л. 12, 14–15.

²⁴ ГАРФ. Ф. А-1574. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

²⁵ СУ РСФСР. 1919. № 20, ст. 238.

²⁶ См.: СУ РСФСР. 1919. № 26, ст. 296.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 324. Л. 3.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 324. Л. 4.

- ²⁹ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 324. Л. 2.
³⁰ См.: СУ РСФСР. 1921. № 11, ст. 75.
³¹ См.: СУ РСФСР. 1921. № 18, ст. 110.
³² См.: СУ РСФСР. 1921. № 57, ст. 358.
³³ См.: Люблинский П.И. Указ. соч. С. 29.
³⁴ См.: Люблинский П.И. Указ. соч. С. 30; Нечаева А.М. Правовая охрана детства в СССР. М., 1987. С. 20.
³⁵ См.: Порохнюк Е. Помощь семье в воспитании и содержании детей — важное звено социальной политики КПСС // Социальное обеспечение. 1979. № 12. С. 41.
³⁶ См.: СУ РСФСР. 1920. № 19, ст. 103.
³⁷ См.: СУ РСФСР. 1918. № 52, ст. 590.
³⁸ См.: I Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения. М., 1918. С. 3.
³⁹ См.: Нечаева А.М. Указ. соч. С. 20.
⁴⁰ См.: СУ РСФСР. 1920. № 82, ст. 403.
⁴¹ См.: Правда. 1920. 12 нояб.
⁴² См.: СУ РСФСР. 1920. № 86, ст. 431.
⁴³ См.: СУ РСФСР. 1920. № 87, ст. 440.
⁴⁴ См., например: Правда. 1920. 1 и 11 дек.
⁴⁵ Известия Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. 1923. № 1. С. 40.
⁴⁶ Сборник решений IV Московского съезда работниц и крестьянок. М., 1925. С. 21.

С.Ю. Хатунов*

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Основные принципы уголовного права складывались постепенно в недрах сначала обычного, а затем общего права феодальной Англии. Уголовно-правовые нормы начинают формироваться уже с первых англосаксонских законодательных актов — правд (dooms). Тем не менее, многие источники права, в особенности уголовного, появляются с начала правления первого короля анжуйской династии Генриха II, правнука Вильгельма Завоевателя. Одним из таких источников было королевское законодательство в форме ассиз и ордонансов (королевское право), существовавшее в Англии с 60–70-х гг. XI в. до середины XIII в., и парламентское законодательство (статутное право), которое существует с 70-х гг. XIII в. и по сей день, предусмотревшие новые уголовно-правовые нормы как похожие, так и отличные от норм общего права.

Отношение к любому законодательному акту как к источнику права в средневековой Англии часто рассматривается через призму других источников, таких как обычай и прецедент. Поэтому в сравнении с прецедентом, который существует для разрешения конкретного спорного вопроса о факте или праве, законодательство ставит перед собой цель установить универсальные правовые нормы. В этом случае прецедент, пропуская через судебное решение какую-либо универсальную правовую норму законодательного акта, предусматривал обязывающую норму для последующих судебных решений. Однако любой законодательный акт принимался, чтобы «положить конец тому, что было настолько свободно, что мог-

* Хатунов Сергей Юрьевич — заместитель директора по учебной и научной работе Ставропольского филиала Московского гуманитарно-экономического института, кандидат экономических наук.

ло создавать то, чего никогда не было»¹. В другом случае, несмотря на явное различие между обычаем и законодательством как источниками права, поскольку «один существует, в основном, де-факто, другой, в основном, де-юре», законодательство как «заключительная стадия в развитии законодательных средств для достижения целей»² не могло идти вразрез со сложившимся древним обычаем королевства. Обычно де-юре и де-факто не должны противоречить друг другу, поскольку отношения между человеком и государством не должны противоречить отношениям между людьми. Однако это не означает, что средневековое английское законодательство в виде королевского и статутного права следует рассматривать как дополнение к общему праву. Прежде всего, потому что законодательство являлось их неотъемлемой частью и влияло на развитие английского права, поскольку содержало нормы общего и даже обычного права. Тем не менее, в развитии английского права, которое началось с деятельности королевских судей в разъездных судах при незначительном и недостаточном количестве законов, влияние законов расценивалось судьями как неприемлемое для Англии без их правоприменительной практики³. В средние века многие английские ордонансы и конституционные хартии, одной из которых была Великая хартия вольностей, являлись результатом неофициальных и часто анонимных влияний различных представителей английского общества⁴, которые стремились изменить направление развития английского права или стать создателями права противоположного тому, которое не учитывало общественные интересы или интересы общин королевства.

Трудно воспринимать буквально идею профессора Дженкса о том, что только благодаря римскому праву в средние века существовало представление о законодательстве, появление которого стало результатом сознательного подражания римским представлениям. Однако если эта идея верна, то она изменяет представления о возникновении английского законодательства, поскольку к законодательству нельзя отнести англосаксонские правды и законы «до правления Эгберта, который посетил суд Карла Великого и там познал имперскую идею»⁵. В данном случае точно так же можно предположить, что эта идея пришла намного раньше — вместе с первыми христианскими миссионерами, а поэтому на самом деле английское законодательство берет свое начало с правды Этельберта, изданной около 600 г. И хотя довольно долгий промежуток времени законодательство в средневековой Англии не решало серьезных правовых проблем, «тем не менее, когда основополагающее законодательство становится необходимым, существуют сила и механизм, для того чтобы провести его в жизнь»⁶.

Англосаксонские правды и законы, в форме кодексов, хотя и являлись законодательством, однако имели совершенно иной смысл, поскольку законодательство приобретает разный смысл при существовании или отсутствии централизованного государства⁷. Различие заключается в законодательной системе, с помощью которой формируется зако-

нодательство. В англосаксонский период практика принятия законов на церковных соборах или на уитангемотах создавала такую законодательную систему, которая не предполагала в качестве законодателя каждого члена в отдельности или даже группу членов, участвовавших в этих ассамблеях. Поэтому ни король, ни духовенство, ни знать, ни королевская администрация не являлись законодателями, они были лишь частью общества, подтверждавшей обычаи, которые должны были распространяться на всю страну.

После нормандского завоевания с началом формирования централизованного государства изменения происходят не сразу. Однако те немногие, но важные изменения в законодательстве осуществлялись уже королем и его советом, т.е. небольшой группой советников, пользующихся королевским доверием. В то же время изменение законодательной системы не отразилось на небольшом количестве законов, реально введенных Вильгельмом I, поскольку в основном им «были подтверждены законы Эдуарда Исповедника»⁸. С приходом к власти Генриха I укрепляется административный аппарат и появляется новая законодательная форма — хартия, которая с 1100 г. становится обычной для Англии. Однако, несмотря на усиление Генрихом I законодательной системы, установленной Вильгельмом I, он не продвинулся дальше административных реформ, а лишь сохранил законодательные изменения своего отца и подтвердил англосаксонское право⁹, записав в хартии, что «закон короля Эдуарда вам отдаю с теми исправлениями, какими отец мой исправил по совету баронов своих»¹⁰. Хартия 1100 г., так же как и другие подобные хартии, содержала обещания снять все имеющиеся основания для недовольства баронов и духовенства, которые использовали ее как прецедент для составления Великой хартии вольностей¹¹. Это и отличает новую законодательную форму, хартию Генриха I, от старой, Законов Генриха I. И если элементы новой и старой законодательной формы существуют одновременно, то налицо первый этап изменения законодательной системы.

С началом правления анжуйских королей наступает реформаторская и наиболее важная эпоха в истории английского законодательства, спровоцировавшая «первый большой законодательный взрыв» в период правления Генриха II¹². Этот период озадачивает разнообразием форм и названий законодательных актов — *carta*, *assisa*, *constitutio*, *provisio*, *ordinatio*, *statutum*, *isetnysse*, *établissement*¹³. Причем слово «статут» (*statutum*) для обозначения законов в допарламентскую эпоху практически не встречается, в отличие от других. Однако не стоит забывать, что в допарламентскую эпоху законы были одними из ранних источников статутного права, которые относят к т.н. «древним статутам». И хотя они являются официальными государственными документами, в то же время нельзя рассчитывать, что уже в XII—XIII вв. сложилась «определенная концепция, соответствующая статуту по форме и авторитету»¹⁴. В законодательных актах до статутов встречаются различные законы — конституционные, уголовные, процессуальные, смешанные и др. Однако, независимо от наимено-

вания законодательного акта, все они предоставляли королевским судам право «осуществлять контроль над местными органами власти, над тяжкими преступлениями, над земельным правом и над отношениями между церковью и государством», что в свою очередь доказывает существование «самых первых отраслей общего права»¹⁵. И одной из первых отраслей, которая почти полностью находилась в юрисдикции королевских судов, являлось уголовное право. В Кларендонской и Нортгемптонской ассизах, изданных в 1166 и 1176 гг., первых законах, с которых фактически и начинало формироваться общее право, составленных как инструкции для судей разъездного суда, в основном, затрагивалось уголовное право. Даже в изданных ранее Кларендонских конституциях, целью которых являлось разделение светской и церковной юрисдикций, уголовная юрисдикция стала предметом наиболее серьезных разногласий, приведших к ухудшению отношений между церковью и государством.

В 1215 г. принятие Великой хартии вольностей показало, что некоторые правовые нормы, которые она вобрала в себя, необходимы обществу и были внедрены в формирующееся общее право, чтобы создать основополагающий законодательный акт, именуемый фундаментальным или конституционным законом, который никогда не может быть оспорен судьями и обязан учитываться ими в первую очередь. Поэтому, принимая во внимание фундаментальность Великой хартии вольностей, Брактон в своем трактате писал: «Приказ теряет силу, если он получен вопреки закону и обычаю королевства, особенно вопреки хартии вольностей»¹⁶. Со временем хартия подвергалась пересмотру и исправлению, но все-таки сохранила ряд фундаментальных положений, противоречия которым должны были устраняться судом. И хотя в средневековой Англии аннулировалось столько же, сколько вводилось новых правовых норм, в т.ч. и в хартии¹⁷, тем не менее, новое фундаментальное положение Великой хартии вольностей ясно давало понять, что «все важные законодательные изменения требовали согласия совещательного органа нации»¹⁸. Контроль со стороны такого органа видоизменяет основную идею, формированию которой способствовала деятельность Генриха II. Эта идея заключалась в том, что закон должен исходить непосредственно от короля в качестве единственного источника верховной власти, причем законы не обязательно должны издаваться в форме обыкновенного королевского указа или постановления, т.к. обычно они издавались в форме королевских «особых инструкций, данных судьям и другим государственным чиновникам»¹⁹, как «подходящий метод для введения новых норм материального и процессуального права в закон»²⁰.

Брактон, показывая видоизменения этой идеи, пытается может быть впервые в средневековой Англии установить доктрину разделения властей, хотя и не столь осознанно, чтобы развести столь часто совпадающие законодательные и исполнительные функции. Он пишет: «В действительности эти английские законы и обычаи властью королей, иногда приказом, иногда запретом, иногда исправляют и наказывают преступников. Так как они

были одобрены согласием тех, кто использует их, и подтверждены присягой королей, они не могут быть изменены без общего согласия всех тех, по чьему совету и согласию они были обнародованы. Они не могут быть отменены без их согласия, но могут изменяться к лучшему, поскольку изменение к лучшему не отменяет»²¹.

Как видно из трактата Брактона, юристы и королевские судьи должны официально признать «не перманентный контролирующий орган, не уступающий в непоколебимости централизованной организации исполнительной власти»²², и это несмотря на то, что в XIII в. король теоретически и практически все еще обладает широкими полномочиями и выступает в качестве основного и порой единственного законодателя, который может принять или изменить любой закон²³. Вероятнее всего, Брактон под впечатлением Великой хартии вольностей пытался взамен принципа, провозглашенного в трактате Гленвиля («что пожелает король, имеет силу закона»)²⁴, реализовать другой принцип, который «вошел в обычай» только в правление Эдуарда I («что касается всех, должно быть всеми одобрено»)²⁵. И постепенно это приводит к тому, что можно наблюдать уже в период правления Генриха III, а именно «как минимум первые шаги в понимание того, что он [король] не должен издавать законы для всего королевства без совета и согласия своих магнатов»²⁶. Потребность в такой форме принятия законодательных актов позволила продолжить развитие общего права, что способствовало новому законодательному взрыву, который оставил характерный след в истории английского законодательства и вплоть до XIX в. являлся источником реформирования законодательства²⁷.

Баронское коллегиальное управление королевством и гражданская война в период правления Генриха III показали сплоченность сословий в вопросах, затрагивавших их интересы. Законодательное решение спорных правовых вопросов, а также политико-правовых конфликтов становится важной составляющей в развитии английского права и политического устройства королевства. О необходимости такой составляющей в развитии английского права свидетельствует новое соотношение сил в государстве и союз короля с рыцарством и городским сословием, а также то, что даже в XIV в., когда парламент уже стал устоявшимся органом власти, отсутствовало какое-либо законодательно установленное разграничение между его законодательными, судебными и административными функциями²⁸. О закономерности свидетельствуют те фундаментальные изменения в обществе, которые серьезно повлияли на применение норм права, отправление правосудия и обеспечение правопорядка, а также на развитие общественного правосознания, которое постепенно помогло сократить существенные различия между средневековым и современным правом. Следует отметить, что уже в средние века как необходимость, так и закономерность приводили к тому, что развитие английского права, его расширение и изменение все больше проходили с учетом именно парламентского законодательства, которое даже в законах, принятых во второй половине XIX в.,

сохраняло средневековый стиль, причем наиболее яркое отражение этот стиль нашел в уголовном законодательстве²⁹.

Парламентское законодательство, которое появляется во второй половине XIII в., начинает формировать новый источник права: статуты или статутное право как альтернативу общему или прецедентному праву. Датой появления первого статута многими исследователями признается 1236 г., год издания Мертонских провизий, которые иногда называют Мертонским статутом³⁰. Однако существует предположение, что «статутное право реально начинается с Великой хартии вольностей»³¹. В то же время реально о статутах как источниках права следует говорить с момента появления собрания статутов, а в первых таких собраниях упоминаются и Великая хартия вольностей, и Мертонские провизии³². Однако, согласно У. Холдсуорту, поскольку «ясное различие между статутами и законодательными актами менее официальными, чем статуты» сформировалось в позднее средневековье³³, следовательно, нельзя точно определить, какой законодательный акт стал первым официальным статутом. В этом случае нелишне будет напомнить, что авторитет статута во многом зависел от его применения в суде, поскольку «статуты являлись единственным источником английского права, который исходил не только от юристов». Данное обстоятельство вызывало недовольство юристов, считавших, что статуты нарушают принципы, установленные в английском праве, и поэтому они настаивали, как было заявлено в королевском суде в 1350 г., на том, чтобы «все статуты, которые сковывают общее право, озвучивались только юристами»³⁴.

Нетрудно заметить, что отношение юристов к статутам было неоднозначным. Однако не следует забывать, что законодательство составляет значительную и важную часть общего права; сначала это законодательство нормандских и первых анжуйских королей, а затем, начиная с правления Эдуарда I, парламентское законодательство или статуты, принятые сословным парламентом. Именно статуты составляют значительную часть средневекового общего права, а некоторые из них оказались настолько современными, что сохранили актуальность и в XX в. То, что новым шагом в развитии английского права будет признание верховенства законодательства, английские юристы хорошо осознавали, о чем свидетельствует довольно частое толкование статутов в XIV—XV вв. в ходе судебных процессов. Английские судьи считали, что функция суда, который своей деятельностью призван распространять правовые нормы в средневековой Англии, не создавать правовые нормы, а озвучивать или декларировать их, поэтому, если судом созданы правовые нормы, противоречащие основным принципам права³⁵, которые не могут быть изменены человеком, то они объявляются не имеющими законной силы. А если учесть то, что судьями за основные принципы права в Средние века признавалось именно общее право³⁶, то все законодательные акты в их понимании должны соответствовать общему праву, чтобы не быть аннулированными или не оказаться юридически недействительными. Вышеуказанная позиция судей становится яснее, если представить, что судьями парламент рассматривался не как законо-

дательный орган, а как один из судов королевства; в соответствии с такими представлениями любой законодательный акт считался судебным решением одного из судов королевства. В этом случае любой законодательный акт, принятый парламентом, не являлся незыблемым законом, принятым высшим законодательным органом, а поскольку судебное решение одного из судов королевства может игнорироваться, когда оно нарушает или оспаривает основные принципы общего права, то может игнорироваться также и любой законодательный акт. Однако это не всегда проявляется как в самих судебных решениях, так и во время пледирования. Например, в одной из записей, сделанной в Ежегоднике 1310 г., имело место утверждение судьи о том, что «также как один канон аннулирует множество законов, так и статут аннулирует множество того, что было в общем праве»³⁷.

В этой связи можно предположить, что не всеми судьями, не всегда и не все нормы общего права признавались в качестве основополагающих принципов права, которые статуты не могут изменить или исправить. И все же, несмотря на такое разное отношение к парламентскому законодательству, в период правления Эдуарда III складывалось «стремление рестриктивно толковать статуты и подчинить их вышестоящему источнику права»³⁸. Это можно объяснить авторитетом короля и его активной законодательной деятельностью, поскольку судьи придавали большое значение тому, имел ли статут законную силу, был ли он надлежаще скреплен печатью или нет³⁹, а иногда для признания статута некоторым судьям требовалось королевское сообщение о том, что они должны признать эти постановления за закон и тогда, сказал один из судей, «мы признаем его, но никак иначе»⁴⁰.

Однако законодательство в Средние века в Англии все же оставалось источником английского права, так как, согласно У. Холдсуорту⁴¹, существуют, по крайней мере, две причины, почему английские юристы должны отвергнуть другие идеи. Во-первых, «само общее право основано на законодательстве — законодательстве нормандских и анжуйских королей». Так, например, ряд новых правовых норм, введенных Кларендонской и Нортгемптонской ассизами, создавали общее право, а те, которые вводила Великая хартия вольностей, изменили общее право. Этот пример дает понять, что общее право в XII—XIII вв. не могло возникнуть и в дальнейшем развиваться без новых правовых норм, которые предусматривались именно законодательством. Во-вторых, с течением времени усиливается значение законодательства как источника права, поскольку парламент в Средние века был единственным из сословно-представительных собраний, который реально выполнял функции законодательного органа. И хотя он в Средние века рассматривался как суд, но все же как верховный суд королевства, решения которого обязательны для нижестоящих судов.

Хотя нормы общего права в Англии являлись господствующим законом в XIII—XIV вв., тем не менее, они могут и должны изменяться с помощью статутов, принятых парламентом с одобрения короля. В трактате Брактона и Великой хартии вольностей установлено, как такие изменения могут быть совершены с помощью законодательного органа, представля-

ющего всех. Это, в свою очередь, приводит к тому, что статуты, или законодательство, принимаемое парламентом, постепенно начинают влиять на существующую в Англии правовую доктрину. Наиболее важным в таком процессе развития правовой доктрины являлось развитие уголовно-правовой доктрины. Уголовное право не могло полноценно развиваться с теми пробелами, которые оставили после себя уголовно-правовые доктрины Гленвиля и Брактона. Первые попытки устранить подобные пробелы были предприняты Эдуардом I в отношении измены⁴². Однако окончательно в этом вопросе точка была поставлена лишь его внуком в середине XIV в., принятием статута 1352 г., который не исключал в дальнейшем изменений в этом вопросе с помощью статутов или других парламентских актов. Развитие уголовно-правовой доктрины с помощью статутов позволило устранить и другие пробелы уголовно-правовой доктрины Брактона. Так, например, значительная часть материального уголовного права в XII—XIII вв. была сосредоточена на определении преступления, но многие судебные решения показывают, что «неписаное право в отношении преступлений мало изменялось в период от Брактона до Генриха VIII»⁴³. Уголовно-правовая доктрина Брактона дает определение тяжким уголовным преступлениям или фелониям, т.е. преступлениям, наказанием за которые была смертная казнь или лишение конечностей, а точного определения мисдиминоров практически не существовало. Устранение этих и других пробелов не совсем «удаётся» и статутам, хотя их введение благоприятно сказывалось на развитии уголовного права. Вот как об этом высказался Дж. Стифен: «Статуты, предусматривающие новые составы преступлений ... не столь многочисленны и между ними существует сходство. Они преимущественно относились к насильственным преступлениям, особенно преступлениям, направленным против общественного мира и отправления правосудия. Основными темами, которые рассматривались, являлись измена, массовые беспорядки, поддержка одной из тяжущихся сторон в различных формах, насильственное вторжение и вымогательство различного ранга должностных лиц»⁴⁴.

Таким образом, законодательство в средневековой Англии являлось тем самым источником права, которое инкорпорировалось в английское право, как правило, дважды — сначала законодательным органом, а затем путем судебюого толкования или как прецедент путем длительного применения. И хотя законодательные акты в разные периоды правления назывались по-разному, так, например, «ассизы» при Генрихе II, Ричарде и Иоанне становятся «провизиями» при Генрихе III, и «статутами» при Эдуарде I»⁴⁵, тем не менее, все они независимо от своего наименования декларировали, исправляли и улучшали нормы общего права⁴⁶. Законодательство как источник права выполняло особую роль, которая заключалась в том, что к нему довольно часто прибегали именно в поворотные моменты истории Англии. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто отводит второстепенную роль законодательным актам только потому, что «английское уголовное законодательство как источник права имеет ряд особенностей, суще-

ственно отличающих его от законодательства стран романо-германской правовой системы»⁴⁷. А на основании того, что развитие статутного права шло в рамках общего права, нельзя делать вывод о второстепенной роли законодательных актов, поскольку такое развитие характерно для английского права. Так, например, в английском уголовном законодательстве так же, как и во всем общем праве, процессуальные нормы предшествуют нормам материального права, а поэтому «нормы материального права содержатся в законах, посвященных уголовному процессу»⁴⁸. Однако следует отметить, что независимо от того, какая роль отводилась законодательству в средневековой Англии, важно только одно: любой законодательный акт — это вполне закономерный источник права для средневекового периода развития английского права, который устранил значительное число пробелов в английском уголовном праве.

¹ Allen C.K. Law in the Making. Oxford, 1951. P. 402–403.

² Ibid. P. 403–404.

³ Pound R. Common Law and Legislation // Harvard Law Review. Vol. 21. № 6. April, 1908. P. 389.

⁴ Allen C.K. Op. cit. P. 409–410.

⁵ Plucknett T.F.T. A Concise History of the Common Law. L. 1956. P. 316–317.

⁶ Ibid. P. 317.

⁷ Allen C.K. Op. cit. P. 403–404.

⁸ Holdsworth W. Sources and Literature of English Law. Cambridge, 1925. P. 8–9.

⁹ Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 318–319.

¹⁰ Петрушевский Д.М. Памятники истории Англии XI–XIII веков. М., 1936. С. 44–45.

¹¹ Holdsworth W. Op. cit. P. 9.

¹² Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 319.

¹³ Allen C.K. Op. cit. P. 414.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Holdsworth W. Op. cit. P. 10.

¹⁶ Bracton H. On the Laws and Customs of England. Cambridge, 1977. Vol. 4. P. 289.

¹⁷ Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 319.

¹⁸ Holdsworth W. Op. cit. P. 12.

¹⁹ Allen C.K. Op. cit. P. 415.

²⁰ Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 319.

²¹ Bracton H. On the Laws and Customs of England. Cambridge, 1968. Vol. 2. P. 21.

²² Holdsworth W. Op. cit. P. 12.

²³ Holdsworth W. Op. cit. P. 12; Allen C.K. Op. cit. P. 415.

²⁴ Трактат о законах и обычаях королевства Английского, который называется Гленвилевским / пер., ред., вступ. ст. С.Ю. Хатунова. Ставрополь, 2002. С. 49 (Гленвиль, пролог).

²⁵ Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 34.

²⁶ Allen C.K. Op. cit. P. 415.

²⁷ Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 27, 320.

²⁸ Allen C.K. Op. cit. P. 415.

²⁹ Jeurwine J.W. Tort, Crime and Police in Mediaeval Britain. L., 1917. P. 232–234.

³⁰ Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 319; Richardson H.G., Sayles G.O. The Early Statutes. // The Law Quarterly Review. Vol. 50. № 148. April, 1934. P. 204; Winfield P.H. The Chief Source English Legal History. Cambridge, 1925. P. 71.

³¹ Reeves J. History of English Law / ed. by W.F. Finlason. L., 1869. Vol. 1. P. 2.

³² Richardson H.G., Sayles G.O. The Early Statutes // The Law Quarterly Review. Vol. 50. № 200. October, 1934. P. 540–541.

³³ Holdsworth W. A History of English Law. L., 1923. Vol. 2. P. 220.

³⁴ Holdsworth W. Op. cit. P. 37; n. 1. "Touts les statutes que restraint Comen ley sont stricti juris". (Year books of 24 Edward III, Trinity term, pl. 46).

³⁵ То есть основные принципы естественного права или конституционных законов, таких как Великая хартия вольностей.

³⁶ Magna Carta Commemoration Essays / ed. by H.E. Malden. L., 1917. P. 122–179.

³⁷ Year Book of Edward II. Vol. 4. Year Books of 3 and 4 Edward II (1310). / ed. by F.W. Maitland and G.J. Turner. L. Vol. 22. 1907. P. 162.

³⁸ Allen C.K. Op. cit. P. 423.

³⁹ Ibid. P. 422.

⁴⁰ Year Book of Edward II. Vol. 17. Year Book of 8 Edward II (1314-1315). Vol. 1 / Ed. W.C. Bolland. London: Selden Society. Vol. 41. 1924. P. 116.

⁴¹ Holdsworth W. Op. cit. P. 43–44.

⁴² Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the Later Middle Ages. Cambridge, 1970. P. 23–58.

⁴³ Stephen J.F. A History of the Criminal Law of England. L., 1996. Vol. 2. P. 203.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Winfield P.H. Op. cit. P. 72.

⁴⁶ Holdsworth W. Op. cit. P. 43; Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford, 1765. Vol. 1. P. 86.

⁴⁷ Власов И.С., Гуценко К.Ф., Решетников Ф.М., Штромас А.Ю. Уголовное право зарубежных государств. М., 1971. Вып. 1. С. 26.

⁴⁸ Там же. С. 26–27.

Е.О. Рыбакова*

СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Десятый съезд партии, состоявшийся в марте 1921 г., принял решение о замене продразверстки натуральным продналогом и о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике, которая вызвала значительный сдвиг в развитии медико-санитарного дела, поставила новые экономические вопросы дальнейшего строительства советской медицины, изменила формы снабжения и финансирования периферических органов здравоохранения, выдвинула перед Наркомздравом ряд важных задач. В связи с этим необходимо было наладить более тесный контакт с местами и контролировать их работу, предупреждать отклонения в осуществлении намеченных направлений деятельности Наркомздрава РСФСР¹. В соответствии с принципом хозяйственного расчета надлежало рационализировать деятельность учреждений здравоохранения, удешевить их содержание, сократить штаты, перестроить работу аппаратов центрального и местных органов управления. С переходом страны к восстановлению народного хозяйства начался новый период в советском здравоохранении.

Лечебно-профилактические учреждения, обслуживавшие застрахованных: рабочих, служащих и членов их семей, содержались за счет государственного бюджета и фондов социального страхования. Медицинское обслуживание сельского и городского трудового населения финансировалось за счет средств местного бюджета. Так в период диктатуры пролетариата осуществлялось дифференцированное медицинское обслуживание различных групп населения и воплощался классовый принцип в области здравоохранения.

Новая экономическая политика (нэп) оказала наиболее существенное влияние на организацию лечебной помощи. В целях поддержки медико-санитарной организации потребовалось изыскание новых источников денежных средств. Для покрытия расходов по медицинскому обслуживанию трудящихся был образован фонд из взносов по социальному страхованию. Сельское население обслуживалось за счет местных средств, взимаемых в

* Рыбакова Екатерина Олеговна — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

виде общегражданского налога на борьбу с голодом и эпидемиями, собираемых путем самообложения населения в пользу здравоохранения². Нетрудовое население получило возможность пользования медицинской помощью в государственных и частных лечебных учреждениях за плату.

Малое количество средств, отпускавшихся на нужды здравоохранения по государственному и местному бюджету, дефицит местного бюджета в первый период новой экономической политики вынуждали органы здравоохранения заключать с хозяйственными организациями договоры об их участии в материально-хозяйственном содержании лечебных учреждений, обслуживающих фабрично-заводские предприятия. При этом в ряде мест была допущена полная передача лечебных учреждений в ведение хозяйственных органов, что нарушало принцип единства советского здравоохранения. Народный комиссариат здравоохранения вел борьбу с такими явлениями: по мере укрепления местного бюджета лечебные учреждения, относительно которых существовала договоренность с хозяйственными органами, вновь переходили в ведение органов здравоохранения.

Большое внимание в те годы органы здравоохранения уделяли вопросам медицинского снабжения и в первую очередь — производству медикаментов. На IV Всероссийском съезде здравотделов «Об организации и задачах советской медицины» (6—11 декабря 1922 г.) было признано необходимым развитие хозяйственной и коммерческой (в области торговли медицинством) деятельности здравотделов. Наркомздрав должен был предоставлять губернским отделам здравоохранения кредит³. Для организации снабжения населения и сети здравоохранения медицинскими товарами и торговли ими, а также для производства экспортно-импортных операций в 1922 г. в системе Наркомздрава РСФСР был организован «Госмедторг». В 1925 г. произошло объединение «Госмедторга» и «Фарматреста» в одно акционерное общество, соединявшее торговые и производственные функции — «Госмедторгпром».

Выход из финансовых затруднений некоторые недалёковидные руководители органов здравоохранения на местах искали в переходе на платную медицинскую помощь. Однако такие попытки, угрожавшие принципам советского здравоохранения, решительно пресекались. Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства выдвинули перед органами здравоохранения в качестве важнейшей задачи улучшение медицинского обслуживания рабочих, особенно в ведущих отраслях промышленности.

Упрощенная структура губернских и уездных отделов здравоохранения была утверждена на III Всероссийском съезде отделов здравоохранения 27 октября 1921 г.

Согласно утвержденному Советом Народных Комиссаров бюджету Наркомздрава, на государственном снабжении было оставлено до 1 октября 1922 г. 117 940 коек, т. е. почти 25 % всех имеющихся⁴. В число коек, оставленных на государственном снабжении, входили: койки железнодорожные, эвакуационные, курортные, государственного значения, показательные, голодающих местностей, лепрозорные, невропсихиатрические и тюремные. Остальная медицинская сеть была переведена на местный бюджет.

Мероприятия по борьбе с туберкулезом финансировались как из государственного, так и из местного бюджета. Вспомогательными источниками служили средства, предоставляемые организованными группами населения. Туберкулезные секции представляли автономную часть санитарно-эпидемиологических подотделов. Туберкулезные органы Москвы, Петрограда и Саратова сохраняли в 1922 г. свою структуру. В противотуберкулезных государственных лечебных учреждениях ни в коем случае не разрешалось взимать плату с больных⁵.

Особое значение имел декрет СНК РСФСР от 13 декабря 1923 г. «О мерах к улучшению положения лечебно-санитарного дела». Основной задачей органов Советского государства было сохранение живых трудовых ресурсов страны и улучшение здоровья всего населения. Для облегчения материального положения учреждений Наркомздрава на лечебно-санитарные заведения распространялось действие постановления СНК РСФСР от 6 марта 1923 г. «Об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда»⁶.

В условиях нэпа, когда большинство предприятий и организаций, отчасти государственных, были переведены на самофинансирование, в качестве источников финансирования проводимых мероприятий, например, в деле курортостроения, Наркомздраву разрешалось использовать природные богатства в пределах округов охраны общегосударственных курортов и вне их, предоставлялись советские хозяйства, сенокосные угодья, выгоны для скота, подсобные промышленные предприятия⁷.

В условиях нэпа государство старалось придерживаться намеченного плана мероприятий по охране материнства и детства. Так, рост количества яслей в сельской местности в первой половине 1922 г. приостановился, но с момента определения источников финансирования организация яслей возобновилась. Так, в губерниях и волостях, в меньшей степени пострадавших от голода, обязанность содержания летних детских яслей на время посевной и уборочной поры возлагалась на местное население. С каждого двора в обязательном порядке взимались материальные средства на содержание детских яслей⁸.

В связи с эффективностью проводимых мероприятий по борьбе с эпидемическими заболеваниями (в 1920 г. сыпным тифом болели 2,3 млн чел., в 1924 было зарегистрировано 125 тыс. чел.⁹) 27 июня 1924 г. состоялся V Всероссийский съезд здравоохранения, провозгласивший лозунг «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда и быта» и открывший новую страницу в истории советского здравоохранения.

Таким образом, финансовые затруднения органов здравоохранения в условиях нэпа существенным образом не сказались на неизбежности проводимых правительством принципов бесплатности и общедоступности медицинской государственной помощи. Медицинская статистика 1921–1926 гг. показывает эффективность в т. ч. и правовой политики государства.

Данный период характеризовался активным ростом лечебных заведений. Так, в 1921 г. в стране имелось 2981 действующая больница, а в 1924 г. число больниц возросло до 3329. Кроме того, в 1921–1923 гг. были откры-

ты 360 новых врачебных участков и 181 фельдшерский пункт¹⁰. Осуществление всех мероприятий, предусмотренных декретами правительства, широко проводимая санитарно-просветительная работа, активное участие населения в противоэпидемических мероприятиях и самоотверженная работа медицинских работников привели к тому, что уже в 1923 г. число эпидемических заболеваний резко сократилось. С середины 1923 г., по сравнению с началом 1921 г., заболеваемость сыпным тифом упала почти в 3 раза, брюшным — в 3,5 раза, возвратным — в 3 раза¹¹. С 1923 г. начинается быстрый рост сети венерологических диспансеров. Число их с 29 в 1923 г. увеличилось до 60 в 1924 г.¹² (по данным Санпрофуправления Наркомздрава в 1923 г. — 29 диспансеров, в 1924 г. — 44, в 1926 — 123)¹³. Такими же темпами растет сеть противовенерических учреждений на селе. Венерологических пунктов и отрядов в сельских местностях в 1923 г. было 12, в 1924 г. — 32, в 1925 г. — 123. Отмечался рост количества туберкулезных диспансеров: в 1921 г. — 16, в 1923 г. — 56, в 1926 г. — 206¹⁴.

В числе правовых мер поддержки системы здравоохранения в условиях нэпа, обеспечивших эффективность деятельности советской системы здравоохранения в 20-х гг. XX столетия, можно обозначить следующие:

- 1) предоставление возможности заниматься коммерческой деятельностью (организация в 1922 г. и деятельность Госмедторга);
- 2) временное изменение системы налогообложения с введением общегражданского налога;
- 3) полное государственное финансирование некоторых предприятий и учреждений системы здравоохранения;
- 4) предоставление возможности вести натуральное хозяйство отдельным предприятиям и учреждениям медицинской отрасли;
- 5) распространение на органы здравоохранения мер (предоставление возможности организовывать денежные фонды при предприятии, склада вающиеся из денежных средств заинтересованных групп), используемых в других, не имеющих самостоятельных источников финансирования, отраслях советского хозяйства (органы образования);
- 6) привлечение общественности (заинтересованных групп) к финансированию органов системы здравоохранения и смежных на примере учреждений охраны материнства и детства.

Напряженная и плодотворная работа органов здравоохранения в период восстановления народного хозяйства, получившая признание съезда Советов, эффективные правовые меры правительства обеспечили новые успехи и достижения в последующие годы индустриализации страны.

¹ См.: Из отчета Наркомздрава РСФСР от 17 декабря 1922 г. «О проделанной работе за 1917–1922 гг.» // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. М., 1966. С. 403.

² См.: Декрет ВЦИК РСФСР от 11 февраля 1922 г. «Об общегражданском налоге для оказания помощи голодающим и на усиление средств по борьбе с эпидемиями» // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 377–378.

³ См.: Постановление IV Всероссийского съезда здравотделов от 6–11 декабря 1922 г. «Об организации и задачах советской медицины» // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 423.

⁴ См.: Из отчета Наркомздрава РСФСР от 17 декабря 1922 г. «О проделанной работе за 1917–1922 гг.» // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 404.

⁵ См.: Резолюция Всероссийской конференции по борьбе с туберкулезом от 10–16 февраля 1922 г. // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 372.

⁶ См.: Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 451.

⁷ См. п. 4 Декрета СНК от 13 марта 1923 г. «Об организации курортного дела» // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 435.

⁸ См.: Циркуляр отдела ЦК РКП (б) от 11 февраля 1922 г. по работе среди женщин и отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава РСФСР женотделам губкомов и губернским подотделам охраны материнства и младенчества «об организации летних сельских яслей» // Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. С. 380–381.

⁹ См.: 50 лет советского здравоохранения (1917–1967 гг.). М., 1967. С. 52.

¹⁰ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней / под ред. В.Н. Пономарева: в 12 т. Т. 8: НЭП. М., 1967. С. 302.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.): лекция VII. М., 1964. С. 20.

¹³ См.: 10 лет советской медицине: диаграммы. М., 1928. С. 18.

¹⁴ См.: Там же. С. 17.

В.Е. Николаев*

НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Среди охраняемых законом произведений науки, литературы и искусства особое место занимают произведения фотографии, широко используемые в современном хозяйственном обороте. Необходимость обеспечения надежной защиты этой категории объектов авторского права требует изучения исторического опыта (в т. ч. дореволюционного), ее законодательной охраны и защиты от нарушений.

Впервые российское законодательство упомянуло об авторских правах на фотографии лишь косвенно, указав, что «для наследников и приобретателей права собственности художественной на произведения живописи... фотографии ... срок такого права продолжается также не более пятидесяти лет, считая со дня смерти художника, или появления в свет произведения, не изданного до смерти его»¹. При издании в том же 1857 г. очередного продолжения Свода законов это положение было перемещено в Цензурный устав (ст. 324), а впоследствии, в 1887 г. — в Законы гражданские т. X Свода законов (ст. 1185).

Столь позднее, по сравнению, например, с литературными или художественными произведениями, упоминание в законодательстве фотографии объясняется ее «поздним» появлением лишь в 20–30-е гг. XIX в. В России

* *Николаев Владимир Евгеньевич* — аспирант кафедры истории государства и права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

первые фотографические ателье появились в конце 30 — начале 40-х гг., а пользоваться массовым спросом фотография начала лишь в последней четверти столетия. Широкое распространение коммерческой фотографии стало возможно после разрешения в октябре 1894 г. министром внутренних дел пересылать бланки открытых писем с иллюстрациями, выпущенные частными издателями. Практически сразу же появились и первые частные серии иллюстрированных открыток (как правило, они были видовыми и содержали монтаж из достопримечательностей того или иного города).

Одновременно с приданием произведениям фотографии статуса объекта авторских прав законодатель отнес их в рамках существовавшей тогда пообъектной системы охраны авторских прав к произведениям художественной собственности, распространив на них, таким образом, нормы Положения о собственности художественной 1846 г.², не создавая самостоятельной группы объектов. Это позволяло воспользоваться стандартным механизмом защиты от незаконного присвоения и копирования фотографических произведений, но создавало ряд препятствий формально-го характера.

Ответственность за плагиат (присвоение авторства) произведений искусства предусматривалась ст. 1683 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а с вступлением в силу Закона об авторском праве от 20 марта 1911 г. — ст. 620 Уголовного уложения 1903 г.

Наказание за незаконное копирование фотографических произведений также предусматривалось ст. 1684, 1685 Уложения о наказаниях (позднее — ст. 620 Уголовного уложения), способы же копирования и объем дозволенных заимствований определялся в прим. 2 к ст. 420 т. X Законов гражданских Свода законов. Однако до принятия закона об авторском праве имело место смешение понятий «плагиат» и «контрафакция» в отношении произведений, составляющих художественную собственность. Так, если в отношении литературных произведений закон различал плагиат (присвоение авторства под чужим произведением), контрафакция (перепечатка с заимствованием текста чужого произведения полностью или в части, превышающей установленный законом размер), то в отношении художественной собственности плагиатом, согласно ст. 38 прим. 2 к ст. 420, признавалось частичное заимствование³. Для каждого вида произведений художественной собственности определялся отдельный перечень способов копирования, считающихся контрафакцией, повторение произведения иными способами (например, произведений живописи средствами ваяния) контрафакцией не считалось⁴.

С принятием Закона об авторском праве от 20 марта 1911 г. появились дополнительные исключения из общего правила. Так, не являлись нарушением действия, хотя и подпадающие под указанные выше признаки, но совершенные в публичном интересе и предусмотренные законом: использование чужого произведения для создания нового, существенно от него отличающегося (ст. 3); использование в качестве иллюстраций в научных и учебных изданиях и на фабричных, заводских или ремесленных изделиях,

помещение на публичной выставке, а также снятие копии для личного употребления (ст. 62)⁵.

Приравнивание фотографий к художественным произведениям имело и свои недостатки. Художественные произведения, согласно § 2 Положения о собственности художественной подлежали регистрации у маклера или в уездном суде «в отвращение подлогов и процессов», а после проведения судебной реформы — у нотариуса (ст. 29 прим. 2 к ст. 420 т. X Свода законов), а затем автор должен был направить заверенную копию из актовой книги нотариуса с подробным описанием произведения в Академию художеств⁶. Только после того как последняя в «Правительственном вестнике» опубликовывала описание произведения, регистрация считалась завершённой. Для произведений, «умножаемых посредством оттисков», обязательно было также предоставление двух копий непосредственно в Академию художеств. Если в отношении картин весь этот порядок еще было возможно выполнить, то в отношении фотографий подобная норма выглядела явным анахронизмом. Отсутствие же регистрации художественного произведения (в т. ч. и фотографии) лишало художника права обращения в суд за защитой нарушенного права.

Юридическая научная мысль и практика отнеслись к регистрации всех художественных произведений неоднозначно. Группа по составлению нового проекта закона об авторском праве считала регистрацию факультативной, лишь помогающей удостоверить факт авторства. Однако такая точка зрения, поддержанная Санкт-Петербургской судебной палатой в деле фон дер Лея и Гиса, была «забракована» Сенатом, указавшим на строго обязательный характер регистрации. Напротив, А. Пиленко, рассматривая системы регистрации художественных произведений в различных странах, отмечал, что российский вариант — отнюдь не самый строгий. Так, несоблюдение сроков регистрации по законодательству США лишало художника всякой защиты от контрафакции; другой вариант предусматривал защиту только от посягательств, совершенных после факта регистрации; французские законы вовсе считали регистрацию лишь обязательным условием только для обращения в суд. Российский законодатель, по его мнению, держался «золотой середины», т.е. второго варианта⁷.

Сама академия художеств долгое время отказывала в регистрации любых фотографических произведений, поскольку считала, что произведение, которое может копироваться в неограниченном числе экземпляров без каких-либо искажений, нельзя признать «художественным». По сведениям П. Миллера, до 1883 г. не было известно ни одного случая подобной регистрации. Государственный совет в 1865 г. распорядился устранить это противоречие, обязав указывать на каждом отпечатке скопированной фотографии слово «копия», однако поскольку в указанное время решения этого органа не имели силы закона, то и решение это на практике не соблюдалось⁸.

«В фотографии нет работы художника, его творчества, его жизни, всего его; она не может быть надумана, создана пережитым. Даже при боль-

шем усовершенствовании фотографических процессов, при развитии композиционной фотографии ... будет лишь послушной техникой, и тогда едва-ли фотография станет наравне с искусством живописи»⁹, — отмечал П. Миллер, считавший фотографическое искусство не более как ремеслом. Однако и он признавал важность наличия у фотографа специальных знаний по применению фотографической техники и необходимость значительных материальных затрат. Фотография, таким образом, стала первым из видов искусства, за которой изначально не признавался творческий характер, а лишь технический. Связано это было во многом как с несовершенством самой фотографической техники, практически не оставлявшей возможностей для выражения личности фотографа (например, соблюдение необходимых жестких условий освещения и т.п.)¹⁰, так и слабым развитием самого фотографического искусства (такие жанры, как публицистическая или социальная фотография, появились несколько позже, чем классические видовая и портретная фотография). В начале XX в. то же самое произойдет и с кинематографом.

На практике нарушители часто пользовались отсутствием у фотографа регистрации авторского права на свое произведение. В двух случаях споры рассматривались Сенатом, который в очередной раз был вынужден констатировать, что хотя фактически налицо воровство чужого труда, данное деяние не является контрафакцией (ст. 1684 Уложения о наказаниях) в силу несоблюдения жалобщиками формальных требований ст. 29 прим. 2 к ст. 420 т. X Свода законов.

*Открытка фотографа М. Дмитриева с надписью:
«Право худож. собственности заявлено Импер. Акад. Худож.».*

Первый известный нам случай рассмотрения Сенатом подобных дел датируется 1899 г., когда фотограф М.П. Дмитриев¹¹ попытался привлечь издателя И.Д. Сытина за незаконную перепечатку 16 сделанных им фотографий с видами Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки¹². Н. Морозов также сообщает, что Сытиным были заимствованы фотографии из

т.н. «Волжской коллекции» М.П. Дмитриева, собранной во время его долгого путешествия с фотоаппаратом по Волге, стоившего ему более 40 тыс. руб.¹³ В другом случае пострадал ревельский фотограф — губернский секретарь Тетерин, сделавший фотографии с видами города. Собственники эстампных магазинов Ричард фон дер Лей и Федор Гис без разрешения автора использовали эти фотографии и напечатали в Швеции несколько альбомов, а также бланков открытых писем для продажи¹⁴.

Пример М.П. Дмитриева важен еще и потому, что он — один из немногих фотографов, кто еще с начала XX в., несмотря на сложность процедуры, осуществлял регистрацию собственных произведений. Так, на его открытках с видами Нижнего Новгорода (видимо, после случая с Сытиным) появляется надпись: «Право художественной собственности заявлено Импер. Акад. Худож.». Такие же пометки появляются и на паспорту фотографа. Кроме того, проставляется номер фотографии по охранному каталогу.

В редких случаях фотографом делалась публикация о принадлежащем ему праве художественной собственности на произведения в периодических изданиях. Подобные объявления, например, были помещены в «Московских ведомостях»: «Императорская Академия художеств, на основании 322-й ст. XIV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) Уст. Ценз., объявляет, что за неклассным художником, фотографом Михаилом Пановым ... утверждено исключительно право художественной собственности на издание различными способами и продажу снятых им в 1877 г. с натуры в Дунайской действительной армии фотографических снимков: 1) Портрет Его Императорского Величества (в двух видах), 2) Портрет Велико-го Князя Главнокомандующего, 3) Его Высочества со штабом, 4) Вид палатки Его Высочества, 5) Вид Главной квартиры Государя Императора, 6) Виды: военно-походного телеграфа, Главной квартиры Главнокомандующего и пяти военных госпиталей»¹⁵.

Статья 60 Закона об авторском праве 1911 г. (при включении его в т. X Свода законов получившая номер 695⁶⁰) обязывала указывать на фотографиях фамилию, имя и отчество фотографа, его местожительство (или наименование фирмы, или издателя фотографии), а также дату выпуска в свет фотографического произведения¹⁶. Этот фактически уже давно существовавший обычай теперь был узаконен (иногда издатель также делал надпись «репродукция воспрещается»).

Следовательно, факт отмены регистрации прав художественной собственности в Императорской Академии художеств Законом 20 марта 1911 г. позволяет говорить о новом дополнительном способе атрибуции фотографических изображений, в частности почтовых открыток.

Согласно § 7 Положения о собственности художественной авторское право на изображение, сделанное по заказу частных лиц (в т.ч. портрет), принадлежало заказчику, если не было оговорено иное. В отношении произведений, изображающих высочайших особ, право художественной собственности можно было получить только путем его дарования императо-

ром по особому всеподданнейшему докладу министра двора. Несколько подобных примеров удалось обнаружить С.И. Григорьеву. Впервые право на фотографии императорской четы было даровано Александром II фотографам А.И. Деньеру и И.Ф. Александровскому в 1864 г., позднее — придворному фотографу С.Л. Левицкому, академику живописи А.П. Соколову, а с 1894 г. исключительные права на произведения стали передаваться не только их создателям, но и распространителям (владельцу магазина эстампов Фельтену, придворному фотографу А.К. Ягельскому и др.).

Как ни странно, но именно дело о контрафакции послужило причиной отказа в дальнейшем от передачи авторских прав создателям изображений подобного рода. С жалобами на незаконную перепечатку фотографий неоднократно обращался С.Л. Левицкий, а в декабре 1898 г. началось дело А.С. Суворина и А.К. Ягельского. В одном из номеров газеты «Новое время» напечатало фотографии великих княгинь, право художественной собственности на которые принадлежало А.К. Ягельскому. Тот впоследствии обратился с заявлением к судебному следователю, желая получить «отступное» за причиненные убытки. На деле же никакого ущерба А.К. Ягельскому нанесено не было: газетные вырезки никак не могли соперничать с роскошными дорогими фотографиями, издаваемыми придворным фотографом. Вице-президент Академии художеств граф И.И. Толстой в своем заключении, составленном по запросу канцелярии министра двора, признавая наличие за А.К. Ягельским авторских прав (подтверждающие документы, как мы знаем, хранились именно в Академии художеств), одновременно с этим добавлял, что «претензии фотографа чрезмерны и носят несколько шантажный характер». Исход дела не известен, но более право художественной собственности никому не предоставлялось, дабы более не стеснять коммерсантов в распространении изображений августейшей фамилии¹⁷.

Таким образом, можно утверждать, что в исследуемом нами периоде происходит выделение фотографии из группы произведений, составляющих «художественную собственность» в самостоятельную категорию, а также от регистрационной системы защиты таких произведений к уведомительной.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 32. Отд. 1. № 31732.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 21. Отд. 1. № 19569.

³ См.: Свод законов Российской империи. Издание неофициальное / сост. А.М. Нюрнберг. Кн. 3. Т. X–XII. М., 1910. Стб. 191.

⁴ См.: Там же. Стб. 191.

⁵ См.: Собр. узак. и распор. Правит. 1911. № 61.

⁶ Там же. Стб. 190. См. также образец акта об охране художественной собственности: Вольман И.С. Нотариальное положение. СПб., 1909. С. 455.

⁷ См.: Пилленко А. Регистрация художественных произведений // Право. 1902. № 23. Стб. 1166–1171.

⁸ См.: Миллер П. Фотографическая собственность // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 9. С. 77.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Несовершенство фотографической техники того времени заставляло прибегать мастеров к разного рода ухищрениям, например, использованию ретуши (облака в видовых съемках того периода в большинстве случаев — нарисованные).

¹¹ Дмитриев Максим Петрович (1858–1948) — русский фотограф XIX в., основоположник жанра публицистической фотожурналистики. Известен также работами в жанре социальной фотографии.

¹² См.: Судебная практика. IV Отделение уголовного касс. департамента Пр. Сената // Право. 1899. № 52. Стб. 2518–2519; см. также: Об охране фотографической собственности // Вестник права. 1900. № 6. С. 232.

¹³ См.: Морозов Н. Объектив времени // Сириус. 2008. № 7. С. 91.

¹⁴ См.: Судебные отчеты. Правительствующий Сенат. Заседание уголовн. касс. департамента 2 мая // Право. 1913. № 19. Стб. 952–956. Данное дело интересно еще и тем, что при его расследовании было проведено одно из первых экспертных исследований, связанных с установлением факта незаконного копирования фотографических изображений. Эксперт Астафьева смогла установить наличие идентичного миниатюрного штампа фотографа на изданиях истца и ответчика (см.: Об охране фотографической собственности // Вестник права. 1900. № 6. С. 225–226).

¹⁵ Московские ведомости. 1878. 8 марта. С. 1.

¹⁶ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 31. Отд. 1. № 34935.

¹⁷ См.: Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 179–184.

А.А. Васильев*

СЛАВЯНОФИЛЫ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ

В мировоззрении представителей славянофильского движения единственной возможной формой правления для России может быть самодержавие. Даже одно время сомневающийся И.В. Киреевский признавал: «Русский человек любит своего царя. Это действительность несомненная, потому что очевидная и ощутительная для каждого»¹. Русский народ, отказавшийся от политической жизни ради духовного спасения, в земном мире нуждается во власти — хранительницы мира от зла и пороков. Но коль скоро весь народ отстраняется от власти, то естественно, что государство вверяется в руки одного человека, который ни с кем не разделяет своих властных полномочий. В государственном плане идеал для славянофилов — неограниченное законом самодержавие, чутко оберегающее духовный мир русского народа от проникновения зла, политиканства, материального порока.

Внимательное прочтение трудов славянофилов относительно самодержавия позволяет сформулировать ряд характерных черт самодержавного строя.

1. Русское самодержавие обусловлено христианским сознанием народа, ищущего не земного, а божественного, святого, духовного в мире. Самодержавие для славянофилов — отражение народного духа, доверившего власть верховному и неограниченному закону властителю ради освобождения себя от тягостей политической жизни. В силу чего политический идеал славянофилов можно назвать народной монархией. Народный характер русского самодержавия А.С. Хомяков выразил в следующих словах: «Когда после многих кру-

* Васильев Антон Александрович — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук.

шений и бедствия русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем (таково высокое происхождение императорской власти в России), народ вручил своему избраннику всю власть, какую облечен был сам, во всех ее видах. В силу избрания, Государь стал главою народа в делах церковных, так же как и в делах гражданского управления»².

Сын А.С. Хомякова, Дмитрий Алексеевич, так трактовал своеобразие русской политической формы: «Таким путем получаются два народных типа: один, нуждающийся в Самодержавии духовном и не терпящий его в области политической: это Запад эллино-римской культуры; и другой — Восток с Россией во главе, твердо стоящий за самодержавие гражданское, но не терпящий никакого властного вмешательства в дела духа и даже почти не понимающий такового. В одном случае Самодержавие государственное и республика в области духа; а в другом Самодержавие духовное и республика в области гражданской»³.

2. *Власть самодержца не ограничена юридическими нормами, поскольку между народом и царем не может быть формальных гарантий, а существует нравственная связь — доверие друг к другу.* Вот что по этому поводу писал Ю.Ф. Самарин: «Мы твердо убеждены, что все современные толки о перемене формы правления не что иное, как пустая болтовня, чуждая не только правды, но даже искренности. России нужно не то. После освобождения крестьян, которое могло быть исполнено успешно и мирно только самодержавной властью, нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т. д., и т. д. И все это не только возможно без ограничения самодержавия, но скорее и легче совершится при самодержавной воле, чуждой страха и подозрительности, понимающей свою несокрушимую силу и потому внимательной к свободному выражению народной мысли и народных потребностей»⁴.

В дальнейшем ряд мыслителей подхватили идею неограниченности самодержавной власти. Так, М.Б. Смолин на основе работ Л. Тихомирова, В.Д. Каткова, П.Е. Казанского формулирует мысль: «Законы для Верховной Власти имеют — очевидно — лишь нравственное значение. Как только нравственная правда закона перестает работать, как только закон перестает обеспечивать поддержание правды в обществе, так в отношении такого закона Верховная Власть теряет необходимость самоограничиваться и либо изменяет, либо отменяет его вовсе. Самодержец владеет Верховной Властью не для утехи вседозволенностью, а для исполнения своего долга и пробуждения других к его исполнению. Поэтому, собственно, будучи огра-

ническим самой сущностью монархического принципа, Самодержец должен быть образцом служения долгу, правде»⁵.

3. *Самодержавная власть передается по наследству, тем самым ограждая приход к власти с помощью насилия и борьбы не способных нести тяжкое бремя государственного дела.* «Наследственность высшей власти — особенно по душе русскому человеку, — указывает Д.А. Хомяков, — во-первых, потому, что еще более удаляет от необходимости совершать избрание, то опять-таки форма политического действия, и во-вторых, потому, что наследственность власти дает союзу с ее народом характер “ограниченности всего строя”, при которой личные черты властителя сглаживаются фактом “прирожденности”, следовательно, гармоничной связи, которая по народному понятию, крепче, чем связь только утилитарная, при которой власть будто бы поручается всегда лучшему. Лучший для народа тот, кто органически вырос во властителя, хотя бы другой был и умнее и способнее: ибо относительные достоинства человека не исчерпываются одним формальным умом»⁶.

4. *Самодержавная власть ограничивается, обрамляется нравственным долгом царя и доверием народа. Можно сказать, что между царем и народом в России сложилась органическая нравственная связь, которая оберегается как самодержцем, так и обществом.* Царь не всевластен и не абсолютен в своем государевом деле. Его забота — благо народа всеми силами и средствами. Нравственное ограничение самодержавного строя И.С. Аксаков раскрыл в своей речи: «Не скрыта от мудрости немощь человеческого естества, возможность греховных уклонений или падений, да и не ищет он безрассудно совершенства в делах земных, но споспешествует им молитвою, нравственным подвигом жизни, ждет, долготерпит и, веруя в благую мощь Божией правды, неуклонно верует и в святую душу и совесть человеческой. “Верой в человека” любят рядиться порой на Западе так называемые гуманисты, но эта их вера лишена нравственной божественной основы, а потому посрамляется ежедневно. Ни в одном народе не живет эта вера с такой силой, как в Русском; высшим ее проявлением и служит полнота власти, которой облечены его самодержцы. Не бездушным, искусно сооруженным механизмом является власть в России, а с человеческой душой и сердцем... В том-то вся и сущность союза царя с народом, что божественная нравственная основа жизни у них едина, единый Бог, единый Судия, един Господень закон, единая правда, единая совесть. На совести, на вере в Бога и на страхе Божиим утверждаются их взаимные отношения, и вот почему ни для царской власти, ни для народного послушания не существует иных ограничений, кроме заповедей Господних»⁷.

По мысли славянофилов, юридические гарантии в отношении власти бессильны и превращают нравственное общение царя и народа в формальные, узкие и хрупкие правовые связи. Там, где имеет место внешняя правда (закон), теряется живое, органическое доверие между людьми. Общество и власть противопоставляются друг другу, поскольку между ними нет больше

доверия. Таким путем пошла Европа, выдвинув теорию общественного договора, чтобы в условиях борьбы, отчуждения и недоверия найти взаимовыгодный компромисс.

Сила самодержавия в России не в законе и принуждении, а в вере народа. К. Аксаков восклицал: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет ничего доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале. Да и что стоят условия и договоры, коль скоро нет силы внутренней? ... Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, потому что она всегда верила в него и не прибегала к договорам»⁸.

Любопытно, что с точки зрения славянофильского учения концепции общественного договора и правового государства не выдерживают критики. Юридическое самоограничение власти договорами или законами — колосс на глиняных ногах, который в любое мгновение может рухнуть. Юридические рамки не выражают совесть и веру человека, от которых зависит каждый поступок как власти, так и народа. По сути, правовое государство — это политический миф, обеспечивающий мнимое и лишь кажущееся уважение народа к власти в западных странах. Действительно, разве не способна власть, издавшая закон, его отменить? Какие юридические гарантии помешают ей снять с себя ограничения? Границы задаются зовом человеческой совести, которая одна способна сдерживать внутренние порывы зла.

5. Самодержец — человек, несущий гнет власти, а потому почитаемый народом как человек нравственного подвига. И.С. Аксаков справедливо указывал: «Русский венец или жезл правления не игралище периодических выборов, не предмет добычи для борющихся партий — способом насильственного или искусственного захвата. При благословенном наследственном образе нашего правления Царь приемлет власть не своим честолюбивым или властолюбивым хотением, а по произволению Божьему, приемлет как бремя, как служение, как подвиг, Богом ему сужденный»⁹. В русском отношении к власти нет патологической тяги, жажды господства над людьми и самообожания. Власть дана не для удовольствия и выгод, а для служения обществу. В противном случае это не власть, а вырождение, нравственная деградация.

Национальное мироощущение по поводу власти А.С. Хомяковым описывалось так: «Государство, скрепляясь в своем единстве для исполнения потребности разумной и неотвратимой, никогда не теряет из вида своего несовершенства и, сохраняя язык и чувство смирения, не допускает в себя ни гордости, ни самоуспокоения. Ему неизвестны ни древние триумфы, ни торжества самодовольной силы, ни притязания на святость, как в Святой Римской Империи... В народе пороки, следствие невежества или увлечения страсти, не оправдывали себя пред судом совести или закона божественного призраками самосозданных законов, и никогда личное или общественное самодовольство не наряжало себя в мишурный блеск мнимоправедной гордости»¹⁰.

По сути, бремя власти, вверенное царю, превращает его жизнь в подвижничество, схожее с русским старчеством, только в области земного порядка. Н.В. Устрялов так охарактеризовал нравственное бремя самодержавного правителя: «И вот царь, живой русский человек, человек из народа, берет на себя народом на него возложенное бремя власти, государственования. Во имя служения Земле он как бы отрекается от себя и посвящает себя тем делам государственным, которым так чужд по природе всякий русский человек... На венец царя славянофилы смотрели как на своего рода мученический венец, жертвенный символ самоотречения»¹¹.

А.С. Хомяков в стихах отразил тягость власти венценосного самодержца:

*А ты, в смиреннии глубоком
Венца принявший тяготу,
О, охраняй неспящим оком
Души бессмертной красоту!*

6. *Функции царя ограничиваются охраной порядка и мира от внешних угроз и проявления зла людей. Обществу, земле предоставлена свобода духа и быта.* Д.А. Хомяков отношения между государством и обществом раскрыл в следующих рассуждениях: «Древнерусское понятие о земле и государстве было такое живое, что ни народ, ни царь ни минуты не задумывались насчет взаимоотношения этих двух факторов государственного строя. Земля очень хорошо понимала что есть государево дело; и что ей в это дело мешаться не подобает без приглашения; но и Царь очень понимал, что такое великое земское дело, и знал, что цель его великого государева дела состоит в том, чтобы дать Земле жить своею земскою жизнью. Древнерусские Самодержцы так и смотрели на вещи: они не боялись в народе властолюбия, а напротив, зная, как народ чуждается власти, и вместе с тем зная, как необходимо общение умственное с народом для правильного “бега родного корабля”, понуждали его к разрешению государственных дел, от которых этот самый народ был склонен “сверх меры уклоняться”»¹².

7. *Самодержавие должно опираться на православные идеалы.* Безбожная власть славянофилами отвергалась как власть порочная, дьявольская. Принципы отделения церкви от государства, светского государства, предусмотренные Конституцией России 1993 г., славянофилы восприняли бы как ложные, расходящиеся с национальным духом России и ее историей. Власть, не имеющая религиозной основы, мертва и обречена на катастрофу. Такая власть не имеет духовной перспективы, ограничена земными заботами и не устремлена к высоким нравственным задачам общественного развития. И.С. Аксаков писал о православных началах русской власти в речи по случаю коронавания императора Александра III: «Сегодня, во имя Бога и под страхом Божиим, приял единый человек тягчайшее, хотя и освященное бремя — дар полновластия над братьями-человеками... О, то был дивный и вещий миг, когда, как бы удрученный такою непомер-

ною тягостью, нововенчанный Царь, могущественнейший из владык мира, облеченный во все знаменья земного величия, повергся в прах пред величием Божиим как бранный, немощный человек, как раб Божий, и, смиряясь пред неисследимым о нем смотрением Господа, коленопреклоненно, во услышание всем, молил Царствующим: да наставит, да управит Его в великом служении сем, да восполнит Его человеческую немощь, да вразумит Его — “что есть угодно пред отчима Твоима и что есть право в заповедях Твоих, Господи!” Казалось, будто в сей миг, из самой глубины веков, коих этот древний храм живой свидетель, простерлись над царственной головой незримые благословляющие длани... Когда же вслед за сим, как бы укрепленный силой выше, воздвигся Он во всем сиянии и блеске своего сына, — коленопреклонялись в свой черед все предстоявшие в храме, и устами первосвященника, от имени всего Русского народа, вознесли горячую мольбу к Милосердному Судии царей и поданных — да “не посрамит Господь народного чаяния” и ниспошлет духа правды и истины, дар разума и премудрости Тому, кому народ веряет свою судьбу и несет дар самоотверженной преданности и послушания... Это было воистину венчание Царя с Землей, обмен их обетов Господу и друг другу, обетов любви и верности... Это светлый праздник взаимных уз!»¹³.

В литературе, посвященной политическим идеям славянофилов, высказывается мнение о том, что славянофилы к признакам самодержавия относили «широкие социальные функции государства»¹⁴. Вряд ли с такой интерпретацией можно согласиться. Прежде всего, славянофилы четко размежевали государево дело по охране мира и поддержанию порядка и свободу духа и быта земли. Во-вторых, славянофилы были против неуместного вмешательства государства в общественную жизнь. Активный защитник самоуправления и свободы общества И.С. Аксаков писал: «Всякая попытка организовать общество политически противоречила бы самому существу общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало внешнего принуждения. При всем том общество такое имеет значение в организме народа, граждански живущего, что без него бессилен народ и несостоятельно государство»¹⁵. Внешнее принуждение, мелочная юридическая регламентация общественных устоев убивает свободу духа и жизни народа, превращает их в механические, бездушные операции. Поэтому государство должно ограничиваться сферой обороны страны, охраны общества от всплесков зла, теми областями, где целесообразно применение принуждения.

Изучение трудов славянофилов и их последователей позволяет назвать ряд достоинств самодержавия как формы правления русского государства. Прежде всего, самодержавие дает народу свободу духовной жизни. Любая другая форма правления требовала бы участия народа в государственной жизни и отвлекала бы его от христианской веры. Н.В. Устрялов верно подметил: «Ясно, что при таких условиях неограниченная власть может быть облечена только в монархическую форму, ибо всякая другая форма в большей или меньшей

степени предполагала бы участие народа в высшем правительственном организме»¹⁶.

Кроме того, сила самодержавия заключается в том, что за судьбы государства перед народом и Богом несет личную нравственную ответственность самодержец. В других формах правления ответственность государства размывается и исчезает. «Самодержавие, — пишет Д.А. Хомяков, — конечно, устраняет некоторые дурные стороны представительного правления. Главное его достоинство заключается в личной нравственной ответственности власти. Но ведь нельзя сказать, чтобы представительное правление “принципиально” уничтожало это начало: оно его ослабляет в лице государя и переносит на ответственного министра»¹⁷. Важно иметь в виду, что речь идет о нравственной, а не юридической ответственности самодержца. Юридически самодержец не несет ответственности за свои поступки, поскольку его власть неограниченная и верховная. Славянофилы, оставаясь верными себе, говорили о нравственном долге царя, который добровольно связывает монарха узами народного доверия и служения обществу. Юридически вызвать любовь к народу невозможно, поэтому следует уповать исключительно на совесть самодержавного правителя.

Другим достоинством самодержавия является стабильность, устойчивость, преемственность власти, переходящей по наследству к детям самодержца. Наследственный характер власти обеспечивает мирный переход престола без политических интриг и борьбы, что характерно для выборов в республиканских государствах. Вместе с тем наследник вбирает в себя опыт государственного искусства и к моменту венчания на царство готов к тяготам государствования¹⁸.

Следующим достоинством самодержавного правления является его народный характер. Между царем и народом существует духовная, нравственная связь, вера друг в друга, которая сильнее всяких юридических гарантий и договоров. Такая вера обеспечивает небывалый авторитет и любовь к царю, единство народа и царя, приближает царя к трудностям народной жизни. Д.А. Хомяков так раскрывает это преимущество монархии: «При таком духовном состоянии народа или, точнее, при таком настроении народного духа, не может быть места подозрению между властью и им. Народ не подозревает власть в наклонности к абсолютизму, ибо он считает власть органической частью самого себя, выразительницей его самого, неотделимой от него; и потому самому ему не придет никогда в голову мысль об ее формальном ограничении, пока он не поймет возможности того, что власть может от него отдделиться, стать над ним, а не жить в нем. Власть вполне народная свободна и ограничена в одно и то же время: свободна в исполнении всего, клонящегося к достижению народного блага “согласно с народным об этом благе понятием”; ограничена же тем, что сама вращается в сфере народных понятий, точно так, как всякий человек ограничен своею собственной личностью: в нем одновременно соединяются свобода и несвобода. Если власть

в ее носителе не отрешилась от духовной личности народа, то она ограничена, следовательно, своею принадлежностью к народу и единением с ним. Власть, уверенная в этой связи, не внешней, а внутренней, с народом, никогда не может подозревать в нем каких-либо опасных поползновений на так называемые политические права, ясно и умом и чувством понимая, что ее собственное бытие основано на нежелании народа властвовать»¹⁹.

Органичное, нравственное единство царя и народа описал Ю.Ф. Самарин: «Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность; такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему у нас оно так сильно. За что дорожит Россия правительством, чем правительство сильно, тем самым определяется его историческое призвание, характер его действий, пределы его власти; пределы, полагаемые не хартией, не буквою конституции, но самым существом его, которое глубоко и живо сознается духом народным. Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню, оторвать корень правительства от корня народного и пересадить его на другую, искусственно созданную почву, — об этом могут помышлять только или враги правительства и России, или те близорукие друзья его, для которых наше прошедшее непонятно, настоящее мертво, а будущее страшно»²⁰.

Наконец, подвиг царя, бремя власти придают им священные черты. Как отмечалось выше, славянофилы расходятся с богословской точкой зрения на божественное происхождение власти самодержавного правителя. Но, тем не менее, подвижничество царя делает его миссию святой, поскольку он отрекается от душеспасительных дел ради народа, жертвует собой для духовного спасения других. В этом смысле его жертва близка к жертве Иисуса. Таким образом, русский царь приобретает мистический ореол избранности.

В работе Д.А. Хомякова верно отражена эта мысль славянофилов: «Отсюда истекает тот чисто нравственный (а потому “священный”) характер, который имеет в глазах русского народа Самодержавие. Оно не представляется ему “de droit divin” в западном смысле: священно оно по своему внутреннему значению. Царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа. Начало принуждения, неизбежное в государственном домостроительстве (хотя, конечно, не в нем одном заключается суть государственного союза), служащее в нем орудием осуществления высшего идеала, т. е. свержения государственного, — начало не благое и поэтому претящее непосредственно каждому отдельному человеку, составляющему народ и особенно Русский. Тот, кто берет на себя, на пользу общую, подвиг орудования мечом и тем избавляет миллионы от необходимости к нему прикасаться, конечно, по идее (не всегда на деле) — подвижник, положивший душу свою за други свои: “больше же сея любви никто же иметь”. Поэтому царь представляется на-

роду выразителем начала любви к нему, любви по возможности абсолютной; а это, конечно, функция священная, и сам Царь священен как проявитель этого священного начала. Власть, понятая как бремя, а не как привилегия, — краеугольная плита самодержавия христианского... Но самодержавие священно, так сказать, из себя, и эта его священность как идея возможна лишь там, где и все и каждый видят во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили прелести ее»²¹.

Священность власти царя в силу его жертвы вошла в плоть и кровь русского национального сознания. В противном случае было бы трудно объяснить иррациональную преданность русского народа после свержения монархии руководителям советской власти — В.И. Ленину, И.В. Сталину и другим, а также в постсоветскую эпоху президенту страны. Высокий политический рейтинг доверия, по различным социологическим опросам, несмотря на ошибки и провалы власти, показывает устойчивую нравственную веру в высшую власть, олицетворяемую главой государства. Говоря словами И.А. Ильина, русский народ по-прежнему верен своему монархическому правосознанию, любви к верховному правителю²².

Славянофильское понимание самодержавия как идеальной государственной формы России не следует смешивать с реалиями XVIII—XIX вв. По признанию славянофилов, близкой к идеалу самодержавия была Московская Русь, в особенности при первых царях из династии Романовых. Реформы Петра I русское государство превратили в абсолютизм по европейскому образцу.

Общая оценка петровских преобразований дана Ю.Ф. Самариным. Его мысль заслуживает того, чтобы ее привести полностью: «*Российское государство и русская земля*, правительство и народ так давно и так далеко разошлись друг с другом, что теперь они как будто раззнакомились; народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком, для народа понятным»²³.

Та форма правления, которая сложилась при Петре I и его преемниках, славянофилами не рассматривалась в качестве самодержавия. Секуляризация церковных земель, общественной жизни, создание разветвленной системы органов управления, полиции и цензуры, внедрение громоздких и формальных процедур делопроизводства наводили на мысль об абсолютизме в России. Д.А. Хомяков заметил: «*Вся суть реформ Петра сводится к одному — к замене русского Самодержавия абсолютизмом. Самодержавие, означавшее первоначально просто единодержавие, становится у него римско-германским императорством*»²⁴.

Разница между самодержавием и абсолютизмом может при первом приближении показаться незначительной. Но на самом деле между ними пропасть велика. Самодержавие царем и народом, ищущим высшего духовного мира, воспринимается как служебное орудие обеспечения народного блага. Абсолютизм же идеологически строится на мысли о самоценности власти, ее непогрешимости и величии. Политика становится доми-

нирующей областью жизни, а государство стремится к главенству в делах земли.

При самодержавии существует нравственное средоточие между царем и народом. В условиях абсолютистского государства связь между ними разрывается и союз прекращает существование²⁵. Непосредственное и живое общение между царем и народом заменяется канцелярской волокитой и борьбой с бюрократией. М.А. Широкова верно связывает политический идеал славянофилов с отсутствием бюрократии как промежуточного звена между государством и обществом, между народом и самодержавным правителем. Она пишет: «Государственная машина России — имперский чиновничье-бюрократический аппарат — был создан в петровскую эпоху с целью, по примеру Запада, максимально рационализировать отношения между властью и обществом. Однако — славянофилы постоянно подчеркивали это — политический тип отдельного человека и политическая культура общества в целом в России совершенно иные, чем в Западной Европе. А следовательно, слепое заимствование того, что на Западе может давать относительные улучшения, “частную выгоду”, для России губительно и недопустимо. Бюрократия встала между государством и обществом, отделила народ от его избранника — царя, превратив тем самым самодержавие в абсолютизм»²⁶.

Д.А. Хомяков четко провел различие между абсолютизмом и самодержавием, указывая, что «царь есть отрицание абсолютизма именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной»²⁷.

При абсолютизме монарх не считает себя связанным, ограниченным какими-либо обязанностями и тем более народным мировоззрением. К сожалению, в российской императорской практике зачастую народ воспринимался как невежественная толпа, которой надо помыкать. Не зря император Николай I говорил: «все должно исходить только отсюда (показывал на грудь император)».

Наконец, самодержавие сочетается с народным самоуправлением и свободой быта и духовной жизни²⁸. Абсолютизм же уничтожает самоуправление и вмешивается в общественный быт, контролирует свободу духовной жизни. Позднейший последователь славянофильства И. Солоневич верно замечал: «В самом деле, даже по признаниям левых историков московское самодержавие все время работало для самоуправления, а когда самодержавие пало (Смутное Время), то оно было восстановлено самоуправлением. Когда самодержавию удалось справиться с крепостным правом, оно сейчас же возродило самоуправление. В Московской Руси и самодержавие, и самоуправление неизменно поддерживали друг друга: и только наследие крепостного права изувечило эту традицию... Но в петербургской атмосфере русской жизни наше “средостение”, т. е. наша интеллигенция, или, что то же, наша бюрократия, покушалась — как бюрократия — на права самоуправления и — как интеллигенция — на права са-

модержавия. В результате мы остались и без самодержавия, и без самоуправления»²⁹.

¹ Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 33–34.

² Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 36.

³ Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. Монреаль, 1982. С. 122.

⁴ Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 314.

⁵ Смолин М.Б. Идеал Самодержавия как православный тип русской государственной власти // Православная государственность: 12 писем об Империи: сборник статей / под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб., 2003. С. 228.

⁶ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 122.

⁷ Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего // Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 261.

⁸ Аксаков К.С. Собр. соч. М., 1889. Т. I. С. 18.

⁹ Аксаков И.С. Указ. соч. С. 262–263.

¹⁰ Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008. С. 405–406.

¹¹ Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин. 1925. С. 14.

¹² Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 125–126.

¹³ Аксаков И.С. Указ. соч. С. 259.

¹⁴ Широкова А.В. Политическая доктрина ранних славянофилов: автореф. дис. ... канд. пол. наук. Барнаул. 1999. С. 22.

¹⁵ Аксаков И.С. Народ, государство, общество // Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 89.

¹⁶ Устрялов Н.В. Указ. соч. С. 17.

¹⁷ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 123.

¹⁸ Величко А.М. Философия русской государственности. СПб., 2001. С. 232.

¹⁹ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 125.

²⁰ Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 285–286.

²¹ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 132–133.

²² См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 314–354.

²³ Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 300–301.

²⁴ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 103.

²⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2005.

²⁶ Широкова М.А. Основные черты самодержавия как политического идеала в славянофильской философии политики // Философские дескрипты: сборник статей. Вып. 5. Барнаул, 2006. С. 275–276.

²⁷ Величко А.М. Указ. соч. С. 236–258.

²⁸ См.: Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 128–142.

²⁹ Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 52–53.

И.М. Мацкевич*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ (ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРИМИНОЛОГА И.С. НОЯ)

Задача любой общественной науки определять критерии добра и зла, создавать глубинные мировоззренческие установки. Главной задачей науки, что применимо в полной мере к криминологии, является установление истины. При этом назначение науки — задавать направления человеческой деятельности¹, отражать объективную истину, используя обновленный аппарат знания о своем предмете. Сам же предмет науки не может быть стабильным. Он находится в постоянном движении, развитии, становлении, как и сам процесс познания. В свою очередь движение зависит от двух решающих факторов: 1) прогресса научного знания; 2) социально-го запроса общества².

Как справедливо говорил Франц фон Лист (1851–1919), основатель Международного союза уголовного права, который на учредительном собрании в 1889 г. констатировал появление международной преступности и призвал полицейские службы разных стран к согласованным действиям по ее подавлению), нам нужно знать преступный мир, если мы думаем вести с ним борьбу, а, не исследовав его научно, мы никогда не узнаем его³.

Наши суждения о преступности зависят от нашего методологического подхода⁴.

Проблема изучения преступности и связанных с ней явлений и процессов — трудноразрешимая задача еще и потому, что в ее основе лежит не столько сама проблема, сколько подходы к ее решению, как это ни странно звучит, имеющие зачастую гораздо более важное значение, чем то, что исследуется. Дело в том, что подходы к изучению преступности всегда остаются ангажированными (от фр. *engager* — давать в залог, приглашать на танец, нанять артиста, принять, обязаться, в современном значении — быть необъективным, тенденциозным) и, если хотите, зави-

* Мацкевич Игорь Михайлович — профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук.

симыми от политической конъюнктуры. Причем, раньше это не только не скрывалось, но и постоянно подчеркивалось. Так, И.С. Ной утверждал, что «...самим фактом совершения Великой Октябрьской социалистической революции в Советском государстве были подорваны социальные корни преступности...»⁵.

Под методологией при этом понималось учение о методе научного познания мира, применение принципов диалектического и исторического материализма к процессу познания мира. Следовательно, под методологией в криминологии понималось применение принципов марксистско-ленинской философии к процессу познания преступности, личности преступника и мер предупреждения преступности⁶.

В настоящее время нередко приходится слышать, что криминологи свободны в выборе средств при изучении преступности, что не может быть по следующим причинам: 1) криминологи опираются на данные других наук; 2) используют статистические показатели, к формированию которых не имеют никакого отношения; 3) вынуждены взаимодействовать с представителями правоохранительных структур (в широком значении слова «взаимодействовать»), что неизбежно приводит к искусственному подлаживанию результатов под их ожидание. В противном случае ни один криминолог не получит в дальнейшем доступа к интересующей его информации, хранящейся, например, в материалах уголовного дела. Таким образом, сегодня ангажированность криминолога намеренно дезавуируется (от фр. *desavouer* — отказываться от сказанного или сделанного, объявлять о несогласии с чем-либо, с кем-либо, с мнением своего представителя, со своим собственным мнением). Поэтому прав А.А. Конев, когда говорит, что методы науки обусловлены историческим и социокультурным контекстом и предопределены господствующим в данную эпоху мировоззрением⁷.

Методологией называют систему принципов научного исследования. Благодаря методологии определяется, в какой мере собранные факты могут служить реальным и надежным основанием объективного знания. Методология не столько связана с сущностью знания, сколько с операциями, при помощи которых конструируется знание. Поэтому методологией принято называть совокупность исследовательских процедур, техники и методов, включая приемы сбора и обработки данных⁸.

Я.И. Гилинский выделяет следующие принципы научного познания:

1) принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм (процессы интеграции научных дисциплин). Тем самым подчеркивается, что развитие науки характеризуется единством противоположных тенденций — дифференциацией и интеграцией научных знаний. Основные закономерности социального бытия (включая преступность как социальный феномен) предстают как инобытие всеобщих закономерностей самодвижения (самоорганизации) материи, мира, мироздания, как модификация, доразвитие их фундаментальных свойств;

2) принцип универсальности общенаучных методов познания действительности (возможность применения в криминологии теории хаоса

(И. Пригожин, 1960, 1980, 1986) катастроф (Р. Том, 1972), понятия бифуркации и т. д.). С этим принципом тесно связан принцип верификации, заключающийся в требовании сведения теоретических суждений к совокупности протокольных предложений, фиксирующих опытные эмпирические данные. Верификация бывает прямой (данные могут быть проверены), косвенной (предполагаются установление логических отношений между несколькими верифицируемыми утверждениями)⁹;

3) принцип относительности (никогда нельзя достичь полного и окончательного знания об исследуемом объекте). Любое описание всегда неполно и избирательно. Часто рассматриваемый принцип еще называют принципом неопределенности, который сформулировал Вернер Карл Гейзенберг (нем. Werner Karl Heisenberg (1901—1976), выдающийся немецкий физик, создатель «матричной квантовой механики» своего имени). Согласно принципу неопределенности одновременное измерение двух т. н. сопряженных переменных, таких как положение и импульс движущейся частицы, неизбежно приводит к ограничению точности. Чем более точно измерено положение частицы, тем с меньшей точностью можно измерить ее импульс и наоборот. В предельном случае абсолютно точное определение одной из переменных ведет к полному отсутствию точности при измерении другой. Неопределенность — не вина экспериментатора, она является фундаментальным следствием уравнений квантовой механики. Гейзенберг заявил, что пока справедлива квантовая механика, принцип неопределенности не может быть нарушен. Тем самым со времен научной революции он впервые провозгласил, что существуют пределы научного познания. Также сюда следует отнести принцип неполноты, автором которого является Курт Фридрих Гедель (нем. Kurt Frederick Godel (1906—1978) — австрийский логик, философ и математик). Принцип неполноты заключается в том, что если арифметическая формальная система не противоречива, то она не полна, если она полна — она противоречива. При этом если формальная система непротиворечива, то невозможно это доказать средствами, формализуемыми в самой этой системе. Другими словами, в содержательных формальных системах имеются неразрешимые или мнимые предположения, которые одновременно являются недоказуемыми и непроверяемыми¹⁰. Кроме того, важным дополнением является то обстоятельство, что представители социальных наук взаимодействуют с объектом исследования и нарушают условия его существования (проблема: субъект — прибор — объект). Криминологи «встроены» в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты) и неизбежно подвержены обратному влиянию с его стороны;

4) принцип дополнительности (лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект)¹¹. Авторство данного утверждения принадлежит датчанину Нильсу Бору (1885—1962), который выдвинул принципы соответствия и дополнительности. Принцип соответствия означает, что квантовомеханическое описание макроскопического мира должно соответствовать его

описанию в рамках классической механики. Принцип дополнительности, в свою очередь, заключается в том, что волновой и корпускулярный характер вещества и излучения представляет собой взаимоисключающие свойства, хотя оба этих представления являются необходимыми компонентами понимания природы. Приняв сосуществование двух очевидно противоречащих друг другу интерпретаций, мы вынуждены обходиться без визуальных моделей. Помимо прочего, этот принцип утверждает зависимость результата от избираемых методов и средств. Поэтому ни одна научная теория не может считаться окончательной, непогрешимой, аподиктической¹².

Таким образом, была создана замкнутая система т. н. копенгагенской интерпретации. В октябре 1927 г. Гейзенберг и другой датский физик Макс Борн объявили принципы копенгагенской интерпретации полностью завершенной.

В.В. Налимов говорил: «Принцип дополнительности меняет наше научное видение Мира — постепенно оно становится все более и более полиморфным. Мы готовы одно и то же явление видеть в разных ракурсах — описывая его теперь не конкурирующими друг с другом моделями. Даже математическая статистика, традиционно устремленная на выбор лучшей — истинной — модели, готова теперь согласиться на существование множества равноправных моделей»¹³.

Получение научного знания достигается в ходе непрерывного процесса углубления и совершенствования представлений о явлениях, изучаемых криминологией, более широкого охвата криминологически значимых явлений и процессов. Для того чтобы получаемые и, главное, правильно систематизируемые криминологические сведения были более совершенны и точны, необходимо достичь единства криминологической теории и методов исследования. Особенность научного познания состоит в том, что получение достоверных результатов должно организовываться на правильной методологической основе¹⁴.

Криминологические методы всегда используются в совокупности. При этом важны не сами методы, а то, как криминолог умело ими манипулирует. Подобное манипулирование осуществляется по схеме: выбор инструментария, получение данных, обработка полученных данных, вычленение эмпирического факта, получение теоретического факта, эмпирическое обобщение, теоретическое обобщение.

Многообразные методы излагаются в конкретных криминологических исследованиях, обрабатываются и шлифуются в процессе исследований. От используемых методов, в конечном счете, зависят глубина понимания проблемы и результаты исследований¹⁵.

Важнейшим принципом построения методологии должно стать избежание искусственной манипуляции полученными криминологами в ходе исследования данными (имеется в виду вольное или невольное интерпретирование (истолковывать, толковать, раскрывать смысл чего-либо) полученных выводов в зависимости от политической, идеологической, псевдонаучной сиюминутной конъюнктуры, складывающейся на момент огла-

шения результатов, к которым пришел криминолог). Вот почему огромное значение имеет правильный подход к использованию методов криминологических исследований. Франц Лист по этому поводу говорил: «Жалко только, что не достает нам главной вещи — добросовестного исследования фактов»¹⁶.

Методология означает теорию человеческой деятельности. Само происхождение термина ведет начало от греческого слова *μεθοδῆς* — верный путь или путь исследования, иногда *methodos* употребляется в качестве синонима понятиям «теория», «учение». Интересно, что *methodos* — это также слово метод, под которым понимается способ достижения какой-либо цели, решение конкретной задачи, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения (познания) действительности. В философии метод — способ построения и обоснования системы философского знания¹⁷.

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова методология означает тот или иной порядок, образ действий, метод, применяемый при исполнении какой-либо работы, для достижения какой-либо цели.

В словаре русского языка С.И. Ожегова методология понимается как: 1) учение о научном методе познания, принципы и способы организации теоретической и практической деятельности; 2) совокупность методов применяемых в какой-либо науке¹⁸.

В свою очередь, от слова «методология» или «метод», как мне представляется, происходит французское слово *manière* (манера), под которым понимается: а) обычный для данного лица, вошедший в привычку образ действия; б) характерные для живописца, скульптура, музыканта (я скажу — исследователя, т. е. человека, занимающегося научными исследованиями, подвергающего что-либо научному изучению) технические и стилистические приемы, отражающие его индивидуальность и стиль; в) внешние формы поведения в обществе. Схожее по своему значению немецкое слово «манера» (*manier*) означает, способ, образ действия, средство¹⁹.

В то же время методология понимается или слишком широко, или слишком узко. Компромиссным подходом является многоуровневый подход, согласно которому различаются: а) общие методы научного познания — анализ, синтез, восхождение от абстрактного к конкретному; б) общие для многих наук междисциплинарные методы познания — системный и организационный анализ, кибернетический, синергетический подходы; в) теория и методы конкретной науки; г) методика, совокупность операций и процедур конкретных исследований²⁰.

Таким образом, большое значение имеют следующие системообразующие понятия: 1) методология — учение о путях, методах научного исследования проблемы, имеющей теоретико-прикладной характер; 2) метод — прием, способ исследования: а) метод познания — типичный прием, применяемый в криминологии для исследования преступности, ее состояния, причин и условий, личности преступника и мер предупреждения преступности; б) способ — действие или система действий, применяемых

при исполнении какой-либо работы, при осуществлении чего-либо²¹ (способ — образ, порядок, прием, сноровка, средство, манера, метода, тактика)²²; 3) методика — совокупность методов исследования.

В социологии под методом понимается основной способ сбора, обработки и анализа данных. Методика — совокупность технических приемов, связанных с данным методом, включая частные операции, их последовательность и взаимосвязь. Процедурой обычно называют последовательность всех операций, общую систему действий и способов организации исследований (как видим, под процедурой здесь понимается не совсем то, о чем говорит Я.И. Гилинский). Кроме того, существует понятие «социологическая техника», означающая совокупность специализированных приемов для эффективного использования того или иного метода. Как известно, под юридической техникой понимается совершенно другое. К слову сказать, в определениях одних и тех же понятий в социологии и в криминологии присутствуют серьезные разночтения²³.

В теории права методология понимается, как правило, в двух значениях: 1) как учение о методах познания и преобразования действительности; 2) как совокупность методов познания. В свою очередь, метод — это сознательный способ достижения определенного результата, осуществления определенной деятельности для решения вполне конкретных задач. Метод нужен для соблюдения известной последовательности действий на основе четко осознаваемого плана в самых различных видах познавательной и практической деятельности. Разработка и применение метода связаны с рационализацией человеческой деятельности, включая важнейшую ее часть — познавательную деятельность. Также применение определенных методов связано с размышлением над предпосылками ее осуществления²⁴.

Очевидно, речь в данном случае идет о планировании, что для криминологии чрезвычайно актуально. Криминолог, в силу специфики своей деятельности, не может не планировать свои исследования. Более того, часто бывает, что от последовательности его научных изысканий, от правильного чередования используемых методов будет зависеть объективность всего исследования. Другими словами, мало верно выбрать методы исследования, не менее важно применять их в правильной последовательности. «Исследование начинается с составления программы с указанием задач исследования, исходных методологических и теоретических положений, предмета изучения, подлежащих проверке гипотез, объекта и метода исследования»²⁵.

Кроме того, нельзя ошибаться и с количеством применяемых методов. «Количество конкретных методов определяется потребностями криминологических исследований. Этим методов должно быть столько, сколько необходимо для всестороннего изучения преступности...»²⁶.

И.Л. Честнов справедливо утверждает, что само представление об объекте и его характеристике зависит от того, с помощью какого метода оно исследуется. Методы, как и предмет науки, имеют сложную объект-субъектную структуру: с одной стороны, они объективны, поскольку об-

условлены предметом и контекстом познания, с другой стороны, субъективны, поскольку выбираются конкретным исследователем. В то же время выбор метода зависит от позиции исследователя, а сам выбор еще не предопределяет результат. Если социальный феномен не осознается и не представлен в виде символа (знака), то он не может быть включен в систему социальных взаимодействий и поэтому с этой точки зрения не существует, хотя может быть материально и присутствует²⁷.

Таким образом, методология в криминологии — это совокупность методов, с помощью которых исследуется ее предмет. «Органическое единство теоретических воззрений и системы методов, соответствующее сложности изучаемой реальности и служащее инструментом познания этой реальности, именуется методологией»²⁸.

Как правильно говорил П.И. Гришаев, основой любого криминологического учения являются философские идеи²⁹. На это также обращал внимание И.С. Ной, который утверждал (справедливости ради следует сказать вслед за другими учеными), что в слабом философском обосновании коренятся многие недостатки юридических исследований³⁰.

Большое значение для развития методологии криминологии имел позитивизм как самостоятельное философское направление. Позитивизм (от лат. *positivus* — положительный и фр. *positivisme* того же значения) — направление в методологии науки, объясняющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические исследования. Позитивизм оказал на методологию естественных и общественных наук, особенно во второй половине XIX в., огромное влияние. Основоположником позитивизма является французский философ Огюст Конт ((фр. *Auguste Comte*, 1798—1857), который и предложил этот термин. Впрочем, существует точка зрения, что термин «позитивизм» впервые употребил К.А. де Сен-Симон (Клод Анри де Рувра граф де Сен-Симон (фр. *Claude Henn de Rouvroy, Comte de Saint-Simon*, 1760—1825) для обозначения метода науки. Одно можно сказать наверняка: Конт был учеником Сен-Симона. Суть нового метода заключалась в требовании подтверждения научных суждений фактами — эмпирическими данными³¹. В своей книге «Дух позитивной философии», вышедшей в 1844 г., Конт представил человечество как растущий организм, проходящий в своем развитии три стадии: детство, юношество и зрелость.

Впрочем, несмотря на признание очевидных заслуг представителей позитивизма в развитии общественных наук, сейчас далеко не все считают это направление правильным. «Так, позитивизм О. Конта и Г. Спенсера смыкается с нигилизмом и релятивизмом Ф. Ницше. С позиции позитивизма: «Индивид не что иное, как абстракция, если он не член Великого Существа» (О. Конт). Трагическая история XX в. показала, что если мы общество устраивали по рецептам позитивизма, то на каком таком основании это «Великое Существо» (т. е. Общество) должно еще различать и прислушиваться к голосу «растворенного» в нем человека, заявляющего о каких-то «неотчуждаемых» правах личности?»³².

Конкретные криминологические проблемы решаются, в зависимости от их масштаба, либо широкими комплексными исследованиями, либо частными, локальными исследованиями. При этом любые из них необходимо вести по скоординированным программам и использовать надежные и сопоставимые методы исследования³³.

Структуру научно-исследовательской программы согласно Имре Лакатосу (Imre Lakatos — английский ученый венгерского происхождения, настоящее имя — Аврум Липшиц) образуют: 1) положительная эвристика (способы новых исследований); 2) отрицательная эвристика (определение того, каких путей следует избегать); 3) жесткое ядро (исходные фундаментальные допущения); 4) защитный пояс (вспомогательные гипотезы, которые могут пересматриваться)³⁴. Лакатосу принадлежат очень важные слова о том, что проверка обычного доказательства часто представляет собой весьма деликатное предприятие, и, чтобы напасть на «ошибку», требуется столько же интуиции и счастья, сколько и для того, чтобы натолкнуться на доказательство. Открытие таких «ошибок» в неформальных доказательствах иногда может потребовать десятилетий, если не столетий. Неформальная квазиэмпирическая математика не развивается как монотонное возрастание количества несомненно доказанных теорем. Ее движение вперед возможно только через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики, при помощи логики доказательств и опровержений. Огромное влияние на эти процессы, как следует из вышесказанного, должно отдаваться научной интуиции.

«Поскольку преступление и наказание — явления социальные, их изучение, прежде всего, предполагает использование данных социологии»³⁵.

Трудно переоценить то место, которое занимает метод социологических исследований в методологии уголовно-правовой науки. Лишь с его помощью возможно познание социальной роли конкретных уголовно-правовых норм и институтов. Использование данного метода в современной уголовно-правовой науке подняло ее на качественно новый уровень развития³⁶.

Как известно, предметом правового регулирования являются общественные отношения: в обществе, связи людей, их организаций и групп. Метод правового регулирования — совокупность юридических приемов, средств и способов, которыми регламентируются определенные, качественно обособленные виды общественных отношений³⁷.

В этом смысле криминология не вполне юридическая наука. И определяется это не тем, что в ее предмет входят не общественные отношения, или, говоря точнее, общественные отношения, косвенным образом связанные с правом (преступность складывается из преступлений, т. е. деяний, запрещенных уголовным законом, но в то же время представляет собой в большей степени явление социальное, чем правовое). Главное, что методология криминологии не только складывается не из методов правового регулирования, а использует не юридические приемы, средства и способы для изучения преступности.

Исходя из вышеизложенного, видно, в чем заключаются основные проблемы, связанные с методологией криминологии. Проблемы методологии в криминологии стоят шире, чем это может показаться, они глубоко системны и противоречивы и в каком-то смысле постоянно ставят под сомнение само существование криминологии как самостоятельной науки, во всяком случае применительно к ее месту в системе юридических наук. Более того, это вопрос места криминологии в системе всех наук, тем более, что, как известно, в США, например, криминология является социологической наукой (с подачи Питирима Сорокина — родился 23 января 1889 г. в с. Турья Яренского уезда Вологодской губернии, умер 11 января 1968 г. в г. Винчестер (штат Массачусетс) (Commonwealth of Massachusetts) США, кстати, один из основоположников современной социологии).

Как понимать криминологию: как социологию преступности или как самостоятельную науку? Еще один вечный методологический вопрос: что должно обеспечивать криминологическое исследование — достоверность знаний или удобный вид знаний? Криминологию часто упрекают в отсутствии собственного познавательного инструментария, а отсюда говорят о ее несамостоятельности и, следовательно, как можно прочесть между строк, несостоятельности. Разберемся с этим вопросом через конкретные методы, которые использует криминолог в своих исследованиях. Вопреки сложившимся традициям, сначала я их перечислю, а затем постараюсь классифицировать. Делаю это умышленно, поскольку через данную классификацию я вернусь к главной методологической проблеме отечественной криминологии — ее самостоятельности и месте среди юридических наук. При этом общенаучные методы (исторический, сравнительный, восхождение от абстрактного к конкретному, системно-структурный анализ и другие) я в данном контексте не рассматриваю.

1. Наблюдение — это целенаправленное, организованное восприятие и регистрация поведения объекта. Наблюдение, как и самонаблюдение, — старейший метод. Как правильно говорит германский криминолог Г.-Й. Шнайдер, наблюдение — это целенаправленный и методически контролируемый учет событий³⁸. В.В. Панкратов различал непосредственное, включенное и косвенное наблюдение³⁹. Наблюдение бывает: а) систематическим; б) несистематическим. Различают: а) сплошное; б) выборочное наблюдение. Также применяется: а) включенное; б) свободное наблюдение. В свою очередь, включенное наблюдение имеет модификацию — «трудовой метод»: объединение наблюдения и самонаблюдения, например, проверка показаний на месте (как мне представляется, в последнем случае речь не может идти о процессуальном порядке проверки показаний на месте). Включенное наблюдение заключается в том, что объект исследования не осознает, что за ним наблюдают. Исследователь должен войти в чужую культуру и стать в ней своим, но в то же время должен сохранять различия для объективности исследования. Процедура исследования методом наблюдения включается в себя: а) определение предмета наблюдения; б) выбор способа; в) составление плана наблюдения; г) ис-

пользование конкретного метода обработки результатов; д) определение недостатков выбранного метода; е) обработку и интерпретацию полученных результатов⁴⁰.

2. Беседа. Различают: а) клиническую беседу (лицом к лицу); б) интервью — целенаправленный опрос (интервью является «псевдобеседой»). В ходе интервью исследователь должен помнить о плане разговора, нельзя допускать утраты психологической дистанции между ученым и испытуемым. Интервью подразделяется на: а) прямое; б) анкетное⁴¹, хотя, с моей точки зрения, анкетирование — это самостоятельный вид беседы. Полагаю, что термин «беседа» здесь не имеет прямого смыслового значения, и беседа может быть проведена заочно посредством раздачи анкет.

3. Статистика — это один из центральных методов исследования: 1) криминолог должен владеть высококачественной информацией, получение которой является одной из оперативных задач уголовной статистики; 2) данные уголовной статистики служат средством постоянного контроля за подчиненными службами; 3) без качественной уголовной статистики невозможно совершенствование сферы законотворчества; 4) без достоверных статистических данных не обходится ни одно научное исследование, связанное с предупреждением преступности⁴². Проблема заключается в отсутствии у криминолога возможности влиять на сбор статистических данных. Но, с другой стороны, это позволяет ему быть свободным в выборе средств, при их анализе и интерпретации. Можно даже утверждать, что здесь криминологи в течение долгих лет разработали собственную методику исследования уголовной статистики, включая те данные, которые по разным причинам не попадают в сводные таблицы. Более того, как это не парадоксально звучит, криминологи научились обходиться без этих данных, поскольку давно и успешно применяют методику проведения криминологического анализа ситуации на уровне как отдельно взятого региона, так и на уровне всей страны. Между прочим, я неоднократно предлагал ввести вместо давным-давно отжившей, т. н. «палочной» системы учета показателей эффективности работы правоохранительных органов, ежеквартальный криминологический мониторинг района (города, области), по результатам которого отчитывается конкретный руководитель милиции, прокуратуры и т. д.

4. Анализ документов. Исследуются материалы уголовных дел, материалы, имеющиеся в контролирующихся органах, материалы судебных экспертиз, травматологических пунктов, больниц, различные документы об экономических преступлениях⁴³ (бухгалтерские экспертизы, материалы аудиторских проверок и т. п.). В последнем случае большое значение имеют материалы Счетной палаты России, которые позволяют на основе качественных и максимально объективных данных, полученных профессионалами высокого уровня, провести масштабный криминологический анализ экономической ситуации в стране. Подлежат изучению неформальные документы, такие как, например, письма, дневники. При этом письма осужденных довольно часто используются в качестве источников инфор-

мации не только у нас в стране, но и за рубежом⁴⁴. Бывает, что криминологи исследуют художественную литературу, особенно когда действия, описываемые в книгах, основаны на реальных событиях⁴⁵. Интересно, что ученые стали отказываться от изучения преступности на основе документов и оценок полиции, т. к. в этом случае взгляд на преступность означает взгляд на проблему глазами преступников⁴⁶.

5. Эксперимент. Исследователь не дожидается, пока наступят интересующие его процессы, а сам создает условия для их наступления. Эксперименты подразделяются на: а) лабораторный, который проводится в специальных условиях с применением технических приспособлений. Испытуемый знает, что над ним проводится эксперимент, поэтому далеко не всегда можно точно зафиксировать при исследовании, например, личности ее характер. Я уверен, что среди правонарушителей много людей с артистическими способностями и установить истинное поведение испытуемого бывает просто невозможно. Кроме того, лабораторный эксперимент часто не приемлем по моральным соображениям⁴⁷; б) естественный, который, как видно из названия, проводится в естественных условиях, но испытуемые не знают о проведении эксперимента⁴⁸; в) реальный, связанный с эмоциональным напряжением участников. Ситуация должна быть предельно индивидуализирована и доведена до конфликта. При этом в ней должен присутствовать сторонний наблюдатель⁴⁹. Очевидно, что реальный эксперимент требует тщательной подготовки и может быть применен только, во-первых, с участием самых опытных исследователей, и, во-вторых, на основе досконального соблюдения установленных законом процедур; г) вербальный, который по характеру и способу проведения близок к реальному, поскольку ситуация и вопросы к участникам эксперимента те же, но сам эксперимент только описывается, но не осуществляется в действительности. При проведении эксперимента следует учитывать, что на его результаты оказывают влияние: а) мотивация испытуемого; б) ошибки отношения к наблюдаемому; в) эффект Плацебо (от слова лат. *Placebo Domino in regione vivorum* — физиологически инертное вещество, используемое в качестве лекарственного препарата, положительный лечебный эффект которого связан с бессознательным психологическим ожиданием пациента, когда испытуемые считают, что лечение врача помогает им, хотя как такового лечения нет, и выздоравливают); г) эффект Хоторна (Хоторнский эффект — от англ. Hawthorne effect, по названию города Хоторн, где на фабрике «Вестерн Электрик» был поставлен ряд социально-психологических экспериментов, проводившихся группой ученых под руководством Элтона Мэйо) — условия, в которых новизна, повышенное внимание к себе приводят к искаженному, слишком благоприятному результату. Участники эксперимента действуют более усердно, чем обычно, только благодаря осознанию того, что они причастны к эксперименту; д) эффект аудитории Г. Зайонца (*Zajonc* — родился в 1923 г., американский социальный психолог польского происхождения, автор динамической теории социального содействия и теории эмоций), когда при-

существование любого внешнего наблюдателя изменяет поведение испытуемого. Наиболее наглядно это проявляется применительно к спортсменам, которые показывают более высокие результаты, когда выступают на публике⁵⁰. Сюда же как разновидность рассматриваемого метода я отношу метод распознавания образов. С точки зрения надежности и достоверности полученных результатов его использование представляет собой довольно трудоемкий процесс, требует высокой квалификации исследователей, высокой организационной подготовки самого исследования, а также привлечения специалистов, прежде всего, математиков и программистов. Кстати, профессор Морис Дюверже (фр. Maurice Duverger — родился в 1917 г., французский ученый, профессор политической социологии Парижского университета, с 1989 по 1994 г. — член Европейского парламента, избран в качестве независимого кандидата по списку Итальянской Коммунистической партии) определяет экспериментирование как спровоцированное и направленное наблюдение. Данный тезис лишь подтверждает взаимозависимость используемых криминологией методов, но вряд ли справедлив с точки зрения содержания и формы.

6. Психология. Американский ученый Д. Морено использовал социометрический метод при предсказании исхода поединка боксеров, полагая, что на исход боя влияют не только физические особенности и техника спортсменов, но и состояния, соотносимые с межличностными ситуациями каждого из них за пределами ринга. В этом исследовании были заложены основы представлений о социальном атоме. Кроме того, существенным фактором, который сказался на результатах исследования, оказался коэффициент спонтанности каждого, выведенный Морено на основе наблюдений. Особенно тщательно он подходил к изучению особенностей тренировок боксеров, к тому, как работает тело каждого из них, выражая уверенность в адекватности монистического подхода. Что касается развития социометрических и психодраматических методов, его прогноз полностью оправдался, и в 1942 г. ученый открыл в Нью-Йорке институты социометрии, социодрамы, психодрамы и организовал Американское общество психодрамы и групповой психотерапии. Он предположил, что источники симпатий и антипатий являются у людей врожденными, таинственным результатом «tele» — способностью притягивать к себе людей или отталкивать их. Например, каждому ребенку предоставляется возможность сделать выбор из 3—5 человек из класса для какого-либо мероприятия, причем указывать желаемых следует в том порядке, в каком они предпочитают. Учителя предлагают детям рассаживаться по партам в соответствии с их пожеланиями. У психодрамы (от лат. drama — действие) присутствует собственный инструментарий: а) сцена (жизненное пространство); б) субъект (должен быть самим собой); в) режиссер (постановщик, терапевт, аналитик); г) штат помощников (дополняют работу режиссера); д) публика. Испытуемые попеременно выступают то в качестве актеров, то в качестве зрителей. При этом их роли направлены на моделирование жизненных ситуаций, в которых они сами были активными участниками.

К психологическим методам следует отнести тесты. Тест — кратковременное, одинаковое для всех испытуемых задание, по результатам которого определяются наличие и уровень развития определенных психических качеств человека. Различают: а) прогностические тесты (выявляют устойчивую иерархию личностных свойств, позволяют предвидеть поведение человека); б) диагностические (констатируют психическое состояние испытуемого на момент обследования). Разработчики тестов пришли к следующим выводам: 1) возможно непосредственное влияние тестовых испытаний на судьбу человека; 2) тесты, как и процедуру их проведения, всегда можно совершенствовать; 3) сфера тестового контроля должна предполагать проверку процедуры их проведения. Тесты классифицируются на: а) тесты личности (измерение интеллектуальных способностей); б) тесты интеллекта (измерение уровня интеллектуального развития). Тесты подразделяются на: а) тесты достижений (конечная оценка по завершении обучения); б) тесты способностей (устанавливается потенциал испытуемого). Тесты бывают: а) описательные (произвольный ответ); б) объективные (предлагается вариант ответа). Наконец, различают следующие тесты: а) нормативно-ориентированные (универсальный инструмент оценки знаний, большие массы тестируемых — нет описания причин неудачи); б) критериально-ориентированные (ориентирован на специфическую область знаний, например, тесты юристов)⁵¹.

К психологии я отношу психолингвистику — междисциплинарное направление, соединяющее в себе достижения лингвистики и психологии и проясняющее способы использования человеком языка. Например, интент-анализ позволяет выявлять позиции субъекта в зависимости от особенностей его речи. При этом используются следующие средства: а) семантический дифференциал (три универсальных фактора, с помощью которых можно измерять различные проявления человеческой деятельности: оценку, силу и активность); б) кластерный анализ фразеологизмов (свободная классификация некоторого количества фразеологизмов с последующим объяснением основания такой классификации); в) множественные идентификации (исследование степени корреляции объекта психолингвистического эксперимента (политика, набор поступков, собственное поведение) с выделенными типовыми социально значимыми ситуациями)⁵².

Также в качестве психологического метода необходимо рассмотреть интерпретативный анализ. Его суть заключается в том, что социальный мир представляет собой мир постоянной рефлексии, когда каждый принимает на себя роль обобщенного другого (оценка себя с точки зрения социума). Автор идеи Дж. Г. Мид предлагает весь мир поделить на два вида типизации, с точки зрения поведения человека: 1) «для того, чтобы» — направлен в будущее, испытуемый должен действовать так, чтобы общество не отвергло в будущем; 2) «потому что» — испытуемый объясняет собственное поведение с позиции опыта поколений⁵³.

7. Биография. Биографический метод позволяет изучить личный опыт человека на разных стадиях, этапах его жизни, как правило, в экстраор-

динарных ситуациях, в переломном моменте. При этом используются различные средства: личные документы, эпистолярный жанр, автобиография, глубинное интервью. Я активно использовал этот метод при составлении криминологических портретов преступников. Благодаря изучению биографии конкретного правонарушителя удается установить не только личностную мотивацию его поведения и истоки его противоправных действий (социальные упущения в детстве, объективные плохие условия воспитания, неблагоприятное окружение и т. п.), но и то, как само общество в лице представителей государственных правоохранительных и других органов способствовало или, наоборот, мешало человеку стать преступником. Характерно, что ни, условно говоря, «позитивные» представители общества, ни «негативные» не оставляют в биографии преступников в большинстве случаев никаких следов⁵⁴.

Таким образом, криминологические методы используются для изучения, предупреждения, раскрытия преступлений. Современный криминолог должен уметь ставить задачу исследования. Ему не обязательно обладать доскональными познаниями во всех областях науки, хотя, безусловно, его кругозор должен быть максимально широк. При этом при подготовке к исследованию криминолог должен иметь в виду единство трех уровней усвоения правовых идей и ценностей: 1) воззренческий (достаточное информирование); 2) эмоциональный (определенная вовлеченность в правовые отношения); 3) поведенческий (готовность действовать)⁵⁵.

При проведении исследования криминологу необходимо установить: 1) предмет исследования; 2) объект исследования; 3) задачи; 4) рабочие гипотезы; 5) квалификацию исследователей и специалистов; 6) возможную интерпретацию полученных данных.

Криминолог должен уметь приглашать нужных специалистов. При этом интерпретировать их выводы ему следует самому, иногда даже вопреки мнению специалистов. В своих выводах он не связан с мнением специалистов, как и судья, который при вынесении приговора лишь опирается на результаты экспертизы, но принимает решение по своему усмотрению. Важно помнить, что криминолог несет персональную ответственность не только за подготовительную и организационную работу, но и за конечные результаты исследования, которые он делает самостоятельно. При этом методы, используемые в криминологии, необходимо классифицировать на две большие группы: 1) теоретические; 2) практические. Причем, с моей точки зрения, в настоящее время необходимо развивать и совершенствовать практические методы и проводить больше криминологических исследований, имеющих прикладной характер.

В свою очередь, методология в отечественной криминологии — это техническое описание. Здесь не надо теоретизировать. Необходимо точно и грамотно разрабатывать техническое задание. Криминологи должны предлагать и постоянно совершенствовать алгоритм действий при изучении того или иного явления, а составляющие элементы такого своеобразного технического задания — это методы, приемы и способы исследования. При этом

не следует принижать значение конкретных специалистов (я имею в виду личностные профессиональные характеристики, а не область знания). Выбор знающего и высокопрофессионального специалиста — едва ли не главная удача криминолога и залог проведения качественного исследования.

Исходя из изложенного, я предлагаю рассмотреть следующие принципы построения методологии в криминологии: 1) объективность; 2) достоверность; 3) достаточность; 4) точное использование методов; 5) правильную последовательность использования выбранных методов; 6) привлечение необходимых специалистов; 7) избежание манипулирования полученными результатами.

В заключение необходимо вернуться к главной методологической проблеме отечественной криминологии — проблеме ее самостоятельности. Тем более, что, как видно, криминология не обладает собственными методами, и я бы уточнил, понимая, что в этом утверждении будет явное преувеличение, собственной методикой исследования. Избежать сложной ситуации, в которой находится криминология, можно, если признать устоявшийся взгляд на нее как на самостоятельную междисциплинарную науку. Однако в современных условиях этого явно недостаточно. При объективном желании получить определенный ответ наблюдается уход от такого ответа. И это не случайно.

В течение долгого времени представители отечественной криминологии, во-первых, были лишены возможности знакомиться в оригинальных (не переводных) текстах с достижениями мировой криминологической мысли; во-вторых, были исключены из мирового научного обмена; в-третьих, не проводили масштабных криминологических исследований (результаты работы Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре СССР не могли компенсировать этот недостаток, поскольку в большинстве случаев не предавались огласке, а значит, не могли быть обсуждены широкой научной общественностью). Я.И. Гилинский говорит о следующих причинах, почему российская криминология в течение многих десятилетий существовала в условиях изоляции от мировой науки: языковой барьер; отсутствие денежных средств для поездок в другие страны; низкие финансовые возможности закупки профессиональной иностранной литературы; отсутствие переводной зарубежной литературы⁵⁶.

Следовательно, криминология «оказалась вещью в себе». И если, например, уголовное право в силу объективно присущего ему догматического характера, при таких условиях могло успешно развиваться, то криминология без практических исследований превратилась в науку, которой стало нечем заниматься. Теоретические изыскания (особенно в понятийном аппарате) в криминологии не могут продолжаться бесконечно. Отсюда методологический кризис отечественной криминологии. «Любая теоретическая система знания имеет смысл лишь постольку, поскольку она не только описывает и объясняет некоторую предметную область, но одновременно является инструментом поиска нового знания»⁵⁷.

Подтверждается это и моими наблюдениями по новым диссертационным исследованиям, которые защищаются в последние несколько лет. В основном это — литературная беллетристика не самого хорошего уровня (детективы читать интереснее, там хотя бы не всегда известен конец). Хуже того, наблюдаются очевидные нелепости, когда криминологи (соискатели ученых степеней) ошибаются в правовом понятийном аппарате, предлагают заведомо ошибочные квалификации в УК, настаивают на изменениях в законодательстве, даже не понимая, что своими предложениями полностью меняют его структуру. В общем, называя вещи своими именами, делают глупости.

Поэтому в последнее время все чаще наблюдаются ответвления в сторону семейной, пенитенциарной и других криминологий, чего, кстати, не происходит за рубежом. Там все эти направления успешно развиваются в рамках единой криминологии.

С моей точки зрения, отечественная криминология не является междисциплинарной наукой. Это одна наука, которая объективно сформировалась в рамках двух наук — уголовного права и социологии. Таким образом, существует криминология, которая искусственно, но в то же время объективно в силу различных исторических причин разделилась на два больших направления (не социологическое и правовое, как вроде бы можно было бы предположить): теоретическое и практическое. При этом, к сожалению, практическая криминология развивается в основном в рамках социологии. Я говорю, «к сожалению», потому что социологи не владеют понятийным юридическим аппаратом, более того, часто они его умышленно игнорируют, что пагубным образом сказывается на интерпретировании полученных результатов. Искусственная оторванность специалистов в области права и социологии друг от друга мешает дальнейшему развитию криминологии. Хуже того, криминологи среди юристов тоже не выглядят уверенно, поскольку они как бы «зависли» между юриспруденцией и социологией, в полной мере не владея знаниями ни той, ни другой науки. В этом смысле специалисту в области уголовного права гораздо проще стать криминологом, чем криминологу специалистом в области уголовного права.

Выход из создавшегося положения может быть только один — качественно повышать уровень криминологов и соответственно криминологических исследований. Не бояться активно включаться в вопросы социологии (я бы предложил провести совместный «круглый стол» с известными социологами на предмет взаимодействия криминологии и социологии преступности), широко привлекать в своих исследованиях специалистов из других областей знаний, включая представителей технических специальностей и, прежде всего, «айтишников» (от англ. IT — information technology — информационные технологии). Именно во взаимодействии с последними, мне видится серьезный резерв для прорыва в получении новых знаний отечественной криминологией. «Криминология — не просто формальная дисциплина, направленная на решение сегодняшних проблем уголовного правосудия. С появлением новых проблем она будет меняться»⁵⁸.

Что касается непосредственно криминологии, то я полагаю, что она является юридической наукой, которая в зависимости от решаемых ее представителями задач подразделяется на: теоретическую и прикладную. Именно юридическая, а не социологическая, поскольку решение ее главной задачи — предупреждение преступности — невозможно без совершенствования и грамотного применения законов. При этом по характеру используемых методов и стоящих перед ней проблем она должна быть больше прикладной, чем теоретической. Именно больше прикладных интересных исследований хотелось бы пожелать коллегам.

- ¹ См.: Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 31.
- ² См.: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 5–6.
- ³ См.: Франц фон Лист. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2009. С. IV.
- ⁴ См.: Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 35.
- ⁵ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 11.
- ⁶ См.: Гришаев П.И. Советская криминология. М., 1975. С. 21.
- ⁷ См.: Конев А.А. Актуальные проблемы современной науки криминологии. Н. Новгород, 2005. С. 57–60.
- ⁸ См.: Ядов В.А. Указ. соч. С. 31.
- ⁹ См.: Честнов И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: учебное пособие. СПб., 2004. С. 47.
- ¹⁰ См.: Гедель К. Об одном еще не использованном расширении финитной точки зрения // Математическая теория логического вывода. М., 1967.
- ¹¹ См.: Гишинский Я.И. Криминология: курс лекций. СПб., 2002. С. 21–22.
- ¹² См.: Честнов И.Л. Указ. соч. С. 46.
- ¹³ Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995. С. 355.
- ¹⁴ См.: Курс советской криминологии / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. М., 1985. С. 25–26.
- ¹⁵ См.: Криминология / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 56.
- ¹⁶ Франц фон Лист. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁷ См.: Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова, М.С. Гилярова, Е.М. Жукова, Н.Н. Иноземцева, И.Л. Кнуныца, П.Н. Федосеева, М.Б. Храпченко. М., 1981. С. 806.
- ¹⁸ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 352.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 256.
- ²⁰ См.: Гишинский Я.И. Криминология: курс лекций. С. 19–20.
- ²¹ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 755.
- ²² См.: Гришаев П.И. Указ. соч. С. 26.
- ²³ См.: Ядов В.А. Указ. соч. С. 38.
- ²⁴ См.: Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. С. 33–34.
- ²⁵ Методика изучения территориальных различий преступности и их причин / под ред. А.И. Долговой. М., 1989. С. 19.
- ²⁶ Гришаев П.И. Указ. соч. С. 29.
- ²⁷ См.: Честнов И.Л. Указ. соч. С. 43.
- ²⁸ Курс советской криминологии / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 25–26.
- ²⁹ См.: Гришаев П.И. Указ. соч. С. 28.
- ³⁰ См.: Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 203.
- ³¹ См.: Честнов И.Л. Указ. соч. С. 45.
- ³² Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008. С. 26.
- ³³ См.: Курс советской криминологии / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 26.
- ³⁴ См.: Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4.
- ³⁵ Ной И.С. Указ. соч. С. 212.
- ³⁶ См.: Там же.
- ³⁷ См.: Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 278–279.

- ³⁸ См.: Шнайдер Г.-Й. Криминология. М., 1994. С. 130.
³⁹ См.: Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972. С. 79–81.
⁴⁰ См.: Конев А.А. Указ. соч. С. 57–61.
⁴¹ Там же. С. 62–63.
⁴² См.: Волкова Т.Н., Рахмаев Э.С. Статистика в курсе криминологии. Рязань, 2009. С. 9–11.
⁴³ См.: Методика изучения территориальных различий преступности и их причины / под ред. А.И. Долговой. С. 18.
⁴⁴ См.: Гилинский Я.И. Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб., 2009. С. 303.
⁴⁵ См.: Алексеев А.И. Музы и право. М., 2003.
⁴⁶ Шнайдер Г.-Й. Указ. соч. С. 53.
⁴⁷ См.: Конев А.А. Указ. соч. С. 78.
⁴⁸ См.: Там же. С. 86.
⁴⁹ См.: Там же. С. 88.
⁵⁰ См.: Там же. С. 97.
⁵¹ См.: Там же. С. 68–76.
⁵² См.: Честнов И.Л. Указ. соч. С. 57–64.
⁵³ См.: Там же. С. 57–64.
⁵⁴ См.: Мацкевич И.М. Портреты знаменитых преступников. М., 2005.
⁵⁵ См.: Пристанская О.В., Юцкова Е.М. Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности. М., 1989. С. 8–9.
⁵⁶ См.: Гилинский Я.И. Глобализация, девиантность, социальный контроль. С. 190–191.
⁵⁷ Ядов В.А. Указ. соч. С. 32.
⁵⁸ Криминология / под ред. Джозефа Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 52.

В.Ю. Савин*

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП И ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ

Совершение преступления организованной группой или преступным сообществом существенно повышает степень общественной опасности организации занятия проституцией. В настоящее время бизнес по оказанию сексуальных услуг все больше приобретает черты организованного, попадая под контроль или «иницируясь» преступными группами. Значительно повышается опасность проституции при участии преступного сообщества в организации данной деятельности. Указанные причины побуждают к необходимости дополнения ч. 3 ст. 241 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как «*деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или преступным сообществом*». Опасная тенденция повышения уровня организованности, профессионализма организации занятия проституцией уже отмечалась в отечественной науке¹. При этом организованность проявляется двояко — и как сам процесс организации оказания сексуальных услуг клиенту, и как установление контроля над проституцией, агентствами по оказанию сексуальных услуг со стороны организованной преступности².

Подавляющее большинство работников органов внутренних дел (89,5 %), по результатам опроса, проведенного А.П. Исиченко, О.А. Ва-

* Савин Владимир Юрьевич — руководитель следственного отдела по Волжскому району г. Саратова СУ СК при прокуратуре РФ по Саратовской области, советник юстиции, соискатель кафедры уголовного права Саратовского юридического института МВД РФ.

гиным и О.А. Корольковой, считают закономерной связь организованной преступности и рынка сексуальных услуг в России³. В материалах ГИЦ МВД РФ зафиксированы 24 сообщения об участии в организации занятия проституцией организованных преступных групп⁴. Реальные же цифры нам представляются несоизмеримо высокими.

Специфика участия организованных преступных групп в организации занятия проституцией позволяет участникам групп тщательно распределять обязанности с учетом индивидуальных характеристик каждого члена группы. Так, Ж.С. Козлова в апреле 2006 г., не имея постоянного источника дохода, имея преступный умысел на организацию проституции в г. Ханты-Мансийске и Ханты-Мансийском районе, из корыстных побуждений, с целью незаконного обогащения создала устойчивую организованную преступную группу с целью совершения нескольких преступлений, направленных на вовлечение в занятия проституцией других лиц.

В апреле 2006 г., с целью реализации своего преступного умысла Ж.С. Козлова, имевшая в прошлом опыт работы в сфере оказания интимных услуг за вознаграждение, обладая такими индивидуальными особенностями личности, как уверенность, общительность, коммуникабельность, наделенная качествами лидера, путем вовлечения О.А. Шефер, а в мае 2006 г. А.Н. Авдюшкина и И.Х. Аликаева на совершение нескольких преступлений, направленных на вовлечение в занятия проституцией других лиц, создала организованную преступную группу (далее — по тексту ОПГ).

Члены организованной преступной группы О.А. Шефер, А.Н. Авдюшкина и И.Х. Аликаева, Ж.С. Козловой подбирались с учетом их личности, корыстной заинтересованности с целью получения незаконного обогащения в результате свершения преступлений на основе дружеских отношений.

В ОПГ Ж.С. Козлова строго распределила роли всех членов преступной группы следующим образом:

О.А. Шефер с учетом ее индивидуальных психологических особенностей личности, отсутствием моральных принципов, коммуникабельности, подбирала и склоняла к занятию проституцией несовершеннолетних лиц, проживающих в п. Новосилецк Таврического района Омской области, воспитывающихся в неблагополучных семьях с низким материальным уровнем жизни, для оказания интимных услуг за вознаграждение.

А.Н. Авдюшкин с учетом его индивидуальных психологических особенностей личности, общительности, коммуникабельности, отсутствии моральных принципов, подбирал и склонял к занятию проституцией несовершеннолетних в г. Ханты-Мансийске Тюменской области девушек для оказания интимных услуг за вознаграждение.

И.Х. Аликаев с учетом его индивидуальных психологических особенностей личности, общительности, коммуникабельности, отсутствии моральных принципов, имеющий физическую подготовку и профессиональные навыки в охранной деятельности, обеспечивал охрану преступной деятельности, в т.ч. разрешение возможных конфликтных ситуаций, осу-

ществлял присмотр за девушками, отвечал за сбор и хранение денежных средств вознаграждения, полученных от клиентов девушек, вовлеченных в проституцию, осуществлял функции сутенера в отношении девушек, впоследствии полученные от клиентов денежные средства передавал организатору (ОПГ) Ж.С. Козловой для последующего их распределения среди участников означенной организованной преступной группы⁵.

Прибыль от проституции приносит преступным структурам доход, приближающийся к уровню доходности торговли оружием или наркотиками. Уровень криминогенных связей и организации сообщества позволяет оказывать серьезное противодействие правоохранительным органам; разворачивать свою деятельность в значительных масштабах, налаживать международные связи и заниматься «поставками» русских девушек зарубеж. Зачастую деятельность криминальных структур, начинающаяся с «контролирования» проституток (вовлечение в занятие проституцией, организация занятия проституцией) перерастает в торговлю людьми с целью их сексуальной эксплуатации. Уже сейчас в Турции, Египте, Европейских странах значительное число проституток (а по некоторым данным — основная часть) составляют девушки из России и иных стран СНГ. По данным ОБСЕ и МОМ (Международной организации по миграции) ежегодно из России и стран СНГ вывозятся с целью продажи порядка 50 000 девушек и женщин⁶.

Вместе с тем действующее законодательство своеобразно подходит к решению вопроса о повышении ответственности за групповое совершение преступлений, связанных с организацией занятий проституцией и вовлечением в занятия проституцией, не предусматривая в качестве квалифицирующего признака совершение указанных преступлений организованной группой или преступным сообществом. Конечно, как указывают авторы вышеназванного аналитического сборника, в отдельных случаях членам организованных преступных групп, паразитирующих на проституции, удастся инкриминировать ст. 210 УК РФ⁷. Однако согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В ст. 241 УК РФ только квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 3 данной статьи, можно отнести к категории тяжких. Сомнительно, чтобы преступные сообщества могли иметь основной своей целью только организацию проституции несовершеннолетних.

Организация занятия проституцией может служить для преступных сообществ побочным источником доходов. При этом, конечно, участники преступных сообществ должны нести ответственность и по ст. 210 УК РФ и за совершенные преступным сообществом конкретные преступления. В отношении организации занятия проституцией, совершенной орга-

низованной группой, возникает следующая проблема: ст. 241 УК РФ, регламентирующая ответственность за организацию занятия проституцией, вообще не содержит повышающего ответственность группового признака. Согласно ч. 7 ст. 35 УК РФ, совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ. Поскольку совершение указанных преступлений организованной группой, преступным сообществом вообще не предусмотрено законодателем в качестве квалифицирующего признака, то и ответственность может наступить только в пределах, предусмотренных ч. 1 ст. 241 УК РФ (при наличии иных квалифицирующих признаков — также и по иным частям указанной статьи). То есть ответственность членов организованной группы, преступного сообщества за совершение указанного преступления оказывается равной членам группы лиц, совершивших преступление по предварительному сговору или преступнику, единолично совершившему это преступление, что, на наш взгляд, не соответствует принципу справедливости, декларированному в ст. 6 УК РФ.

¹ См., например: Арсланбекова Р.А. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004 С. 16.

² См.: Исиченко А.П., Вагин О.А., Королькова О.А. Практика борьбы с организованной преступной деятельностью в сфере оказания сексуальных услуг: Аналитический обзор / под общ. ред. С.И. Гирько. М., 2003. С. 4–5.

³ См.: Исиченко А.П., Вагин О.А., Королькова О.А. Указ. соч. С. 5.

⁴ По материалам, предоставленным ГИЦ МВД РФ.

⁵ Ханты-Мансийский АО. Обвинительное заключение по уголовному делу № 200602811/25. URL: <http://obvzak.ru/load/21-1-0-161> (дата обращения: 15.02.2010).

⁶ См.: Маныч Е.Г. Проституция: криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 4.

⁷ См.: Исиченко А.П., Вагин О.А., Королькова О.А. Указ. соч. С. 10.

А.Ю. Чурикова*

ХАРАКТЕР И ЦЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Великобритания является ярким представителем англо-саксонской правовой семьи, в рамках которой отмечается существование исконно состязательного типа уголовного процесса¹, иначе его еще называют обвинительным типом уголовного судопроизводства², что подчеркивает особую значимость обвинения.

В Англии и Уэльсе до 1985 г. обвинение по уголовным делам поддерживалось либо должностными лицами полиции, либо поручалось адво-

* Чурикова Анна Юрьевна — аспирант, преподаватель кафедры уголовного процесса ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

катам, выбранным и оплаченным полицией, при этом нанятые для поддержания обвинения адвокаты обязаны были следовать директивам полиции. Уголовное преследование могло и все еще может осуществляться частными лицами, но, как отмечают зарубежные авторы, это явление крайне редкое³.

В 1985 г. был принят Закон об уголовном преследовании за преступления, согласно которому обвинительная функция была поручена новому органу — Королевской прокурорской службе (далее — КПС (CPS — the Crown Prosecution Service)), начавшей свою деятельность с 1986 г.

В российской научной юридической литературе нет специальных исследований, посвященных рассмотрению и анализу деятельности прокуроров в уголовном процессе Великобритании. Краткое рассмотрение вопросов относительно места и роли прокуроров в уголовном судопроизводстве Англии и Уэльса можно встретить в юридической литературе, посвященной анализу зарубежного уголовного процесса, при этом точки зрения российских авторов в вопросах о целях деятельности и функциях прокуроров в Великобритании зачастую противоречат исследованиям зарубежных ученых.

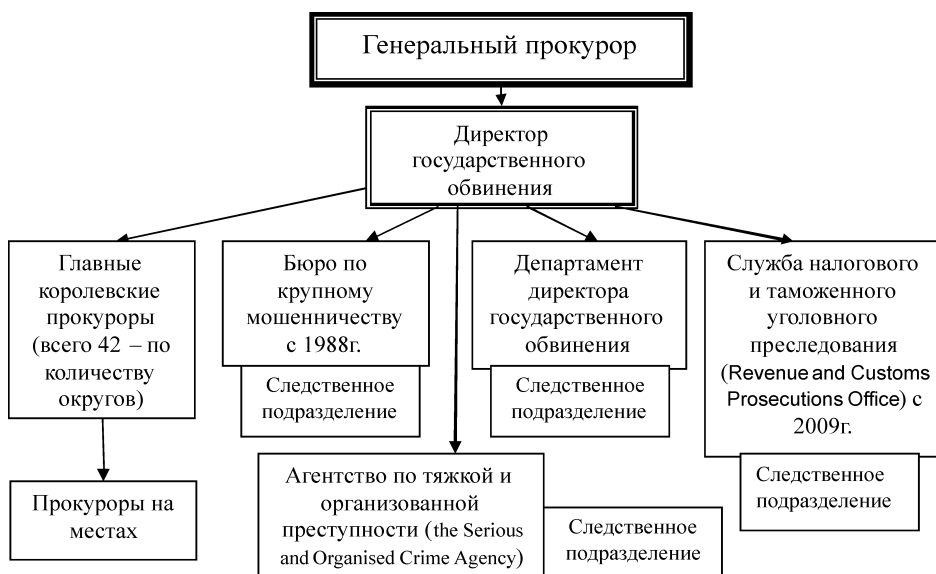
Например, К.Б. Калиновский отмечает, ссылаясь на работу Т.В. Апаровой⁴, что в Англии «государственное обвинение по тяжким преступлениям осуществляет через своих помощников директор публичных преследований, который назначается генеральным атторнеем»⁵. Зарубежные же авторы указывают на то, что в настоящее время практически по всем уголовным делам обвинение поддерживается прокурорами, там же, где это невозможно в силу отсутствия должного количества сотрудников, для поддержания обвинения Директором государственного обвинения нанимаются адвокаты для поддержания обвинений⁶. Сведения, приведенные Джузеппе Дэ Федерико, находят свое подтверждение при анализе Кодекса королевских прокуроров, в котором сказано, что Королевская прокурорская служба «создана в 1986 г. для осуществления уголовного преследования по делам, расследуемым полицией»⁷.

Некоторые разногласия в современной российской юридической литературе вызывает вопрос о возможности расследования английскими прокурорами уголовных дел. Так, в частности, С.С. Алексеев указывает, что «предварительное расследование производится должностными лицами полиции, следственными аппаратами департамента Директора публичных преследований, Государственной обвинительной службой (с 1986 г.), возглавляемой Генеральным атторнеем»⁸. К.Б. Калиновский, в свою очередь, не указывает Государственную обвинительную службу (иначе Королевская прокурорская служба) в качестве субъекта осуществления предварительного расследования, отмечая лишь, что в Англии предварительное расследование наряду с полицией вправе осуществлять Дирекция публичных обвинений⁹. В работе В.Н. Додонова и В.Е. Крутских содержатся противоречивые сведения по данному вопросу. Так, данные авторы указывают и то, что сами прокуроры осуществляют следствие¹⁰, и что предварительное

расследование в Великобритании осуществляется не самими прокурорами, а полицией и лишь в некоторых случаях — следственными аппаратами департамента Директора публичных преследований и Бюро по крупному мошенничеству¹¹.

Подобная неопределенность в российской юридической литературе по поводу полномочий прокуроров в Великобритании, возможно, обусловлена довольно сложной, на первый взгляд, структурой органов прокуратуры, сложившейся после 1985 г.

Должность Директора государственного обвинения и сам департамент Директора государственного обвинения существовали в Великобритании с 1880 г., т. е. задолго до учреждения Королевской прокурорской службы¹². Данный департамент занимался расследованием и поддержанием обвинения по тяжким и особо тяжким делам. После принятия Закона «Об уголовном преследовании за преступления» 1985 г. департамент Директора государственного обвинения вошел в КПС. В настоящее время структуру КПС можно представить в виде следующей схем:

В департамент Директора государственного обвинения, Бюро по крупному мошенничеству, Службу налогового и таможенного уголовного преследования, Агентство по тяжкой и организованной преступности входят следственные подразделения, которые и осуществляют расследование соответствующих преступлений. Прокуроры же расследований не осуществляют. Такая структура в условиях исключения из функций прокуроров расследования уголовных дел представляется, на наш взгляд, не очень удачной, т. к. способствует тому, что заявленный принцип «беспристрастности» прокуроров при рассмотрении уголовных дел и невмешательство их в ход расследования¹³ все больше становятся формальной декларацией. Очевидно, такая структура КПС обусловлена тем, что она является от-

носителем недавно сформированным органом государственной власти, и базой ее учреждения послужил департамент Директора государственного обвинения.

Подобную схему организации прокуратуры можно отметить в настоящее время в Российской Федерации: существуют Генеральная прокуратура и Следственный комитет при Генеральной прокуратуре и, несмотря на то, что Следственный комитет при Генеральной прокуратуре, следователи которого производят расследование по определенной категории уголовных дел, является органом прокуратуры и структурно к ней относится, сами прокуроры расследований уголовных дел не производят. В Российской Федерации подобная структура также является малоэффективной, т. к. при декларируемой процессуальной независимости (ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — далее УПК РФ) следователи Следственного комитета при прокуратуре подпадают под административную зависимость от прокуроров. Подобная схема организации прокуратуры в Российской Федерации, как отмечается представителями высших органов государственной власти, является временной и обусловлена поэтапным учреждением единого Следственного комитета¹⁴.

Анализ правовых актов Великобритании и различных точек зрения зарубежных процессуалистов по вопросам деятельности прокуроров в уголовном процессе Англии и Уэльса позволяет сделать вывод, что появившийся в уголовном судопроизводстве прокурор не стал воплощением обвинительной власти и «адвокатом-обвинителем» от жертвы¹⁵. Хотя такой подход на первый взгляд казался бы очевидным, исходя из состязательных традиций английского судопроизводства, он не был воспринят в уголовном процессе Великобритании. По образному высказыванию Кеира Стармера, «прокурор играет уникальную роль в системе уголовного судопроизводства»¹⁶. «Ядром» деятельности прокуроров в уголовном процессе Англии и Уэльса являются обязательства: защитить общество, преследуя по суду твердо и справедливо, открытым, прозрачным и независимым способом; поддерживать жертв и свидетелей, позволяя, поощряя и поддерживая их действенное участие во всех стадиях уголовного судопроизводства; отправлять правосудие в каждом случае; уважать и защищать права всех лиц затронутых решениями, принимаемыми в сфере уголовного судопроизводства, вне зависимости, являются ли они жертвами, свидетелями или обвиняемыми¹⁷. Это «ядро» определяет концепцию организации деятельности прокуроров в уголовном судопроизводстве Англии и Уэльса.

Работа КПС регулируется в соответствии с директивами уголовной политики, которые обязательны для королевских обвинителей. Эти обязательные для исполнения предписания сформулированы Директором государственного обвинения в сотрудничестве с Генеральным прокурором и содержатся в ряде документов:

1) Кодексе королевских прокуроров, который является официальным документом и содержит предписания общего порядка¹⁸;

2) руководствах для королевских прокуроров, отражающих детальные инструкции по возбуждению уголовного преследования, обеспечению анонимности свидетелей, поддержки жертв и свидетелей, получению наилучших сведений при проведении опросов жертв и свидетелей и т.д., также являющихся официальными документами¹⁹;

3) правилах процедур до предъявления обвинения, которые ежегодно обновляются и содержат в себе предписания, регулирующие поведение сотрудников полиции, прокуратуры и других ведомств, участвующих в уголовном процессе²⁰.

Согласно Кодексу королевских прокуроров (далее — Кодекс) Королевская прокурорская служба является главным государственным органом уголовного преследования по Англии и Уэльсу. КПС является организацией национального уровня и подразделяется на 42 округа. Каждый округ возглавляет Главный королевский прокурор. Все округа, за исключением полностью охватывающего Лондон, соответствуют одному полицейскому округу.

КПС работает в тесном взаимодействии с полицией, но независимо от нее. «Независимость королевских прокуроров имеет основополагающее конституционное значение. Справедливость, беспристрастность и добросовестность решений по уголовным делам способствует обеспечению правосудия в отношении потерпевших, свидетелей, обвиняемых и общества в целом» (Кодекс. Преамбула).

Справедливость, независимость и объективность в Кодексе выделяются в качестве основополагающих принципов деятельности прокуроров (п. 2.2). Подчеркивается, что «уголовное преследование даже по малозначительным делам влечет серьезные последствия для всех участников — потерпевших, свидетелей и обвиняемых» (п. 1.1), поэтому справедливость и последовательность решений, принимаемых королевскими прокурорами относительно уголовного преследования, имеет особое значение.

Между тем в отличие от прокуроров в Западной континентальной Европе прокурор в Англии и Уэльсе почти полностью исключен из процесса установления обстоятельств дела на предварительном расследовании, которое остается в большинстве случаев исключительной прерогативой полиции.

Но такое положение означает лишь, что прокуроры самостоятельно не производят расследований уголовных дел, в сам же ход расследования они имеют право вмешиваться и активно влиять. Кодекс предписывает королевским прокурорам инструктировать и консультировать следственные органы на всех этапах следствия и уголовного преследования. Это может касаться направлений расследования и требований к доказательной базе, а также включать оказание помощи по процедурам, предшествующим предъявлению обвинения. Королевские прокуроры должны своевременно выявлять и по возможности устранять недостатки доказательной

базы, в связи с чем они вправе требовать дополнения материалов дела доказательств (п. 2.4).

Порядок консультирования прокурорами сотрудников полиции и других агентств в ответ на их запросы подробно регламентирован в Правилах процедур до предъявления обвинения²¹. Королевские прокуроры обязаны давать консультации сотрудникам полиции и других агентств по их запросам, произведенным в письменной (возможна передача по e-mail и факсу) и (или) устной форме (по телефону) (п. 4.1.1 Процедуры 09426 — консультации до предъявления обвинения). Однако устные, в т. ч. и по телефону (в целях повышения эффективности процедуры расследования), консультации подлежат в дальнейшем обязательной фиксации в письменной форме²².

Такая форма организации взаимодействия между прокурорами и органами, ведущими предварительное расследование, выглядит логичной и обоснованной, т. к. позволяет дополнить материалы уголовного дела необходимыми сведениями в процессе самого расследования, скоординировать путем дачи консультаций ход расследования, что существенно повышает эффективность досудебного производства, ибо именно прокуроры выдвигают и обосновывают в дальнейшем обвинение.

Обращение органов предварительного расследования за консультациями к прокурорам, ответственным за уголовное преследование как в досудебных, так и в судебных стадиях уголовного процесса, вообще является логичным. Именно прокуроры решают, будет ли поддерживаться уголовное преследование в суде, поэтому, если не координировать ход предварительного расследования с прокурорами, оно может оказаться неэффективным, ведь могут быть не установлены многие сведения, необходимые с точки зрения прокуроров, что повлечет возвращение дел на дополнительное расследование, а как следствие, волокиту и нарушение прав личности. Как было показано, в Великобритании такое положение учтено при формировании схемы взаимодействия прокуроров с органами предварительного расследования. В уголовном судопроизводстве Российской Федерации необходимость консультирования органов предварительного расследования либо возможность требования дополнения материалов уголовного дела в ходе предварительного следствия доказательствами законодательно не установлена. Но то, что прокурор в Российской Федерации, подобно королевским прокурорам в Великобритании, решает вопрос о поддержании уголовного преследования в суде, вызывает необходимость консультирования с прокурорами по процессуальным вопросам, что и подтверждается на практике. Так, согласно проведенному интервьюированию прокурорских работников прокуратур Фрунзенского и Саратовского районов г. Саратова должностные лица органов дознания и предварительного следствия практически по всем расследуемым ими уголовным делам обращаются за консультациями по процессуальным вопросам, связанным с выдвижением подозрения и обвинения, к прокурорам, осуществляющим надзор за уголовно-процессуальной деятельностью.

В Великобритании королевские прокуроры, в отличие от прокуроров в Российской Федерации, самостоятельно принимают решение о том, предъявлять ли тому или иному лицу обвинение в совершении уголовного преступления и как квалифицировать данное преступление (п.3.1 Кодекса). Только в некоторых случаях, по малозначительным и рутинным делам, решение о предъявлении обвинения принимается сотрудниками полиции.

Законодатель в 1985 г. исключил прокурора из предварительного расследования с целью обеспечения оценки прокурором сведений, собранных полицией, «квази-судебным» способом, надеясь предотвратить эмоциональную вовлеченность прокурора в поиск преступника, которая может повлиять на объективность в оценке сведений, собранных в течение предварительного расследования (цель состояла в том, чтобы избежать любого проявления синдрома «охотника» со стороны прокурора в осуществлении уголовного преследования²³). Поэтому прокурор, независимо от полицейских запросов или ожиданий и только на основании инструкций, содержащихся в Кодексе и руководствах, самостоятельно решает вопрос, достаточно ли доказательств, собранных полицией или следственными подразделениями, чтобы лицо было подвергнуто обвинению и публичному судебному разбирательству.

Решения о предъявлении обвинения могут быть приняты королевскими прокурорами на основании двух видов проверки:

1) в большинстве случаев такое решение принимается на основании Полной проверки (п.3.1 и разд. 5 Кодекса);

2) в исключительных случаях, когда после предъявления обвинения подозреваемого предполагается содержать под стражей, но доказательства, необходимые для применения Полной проверки, все еще отсутствуют, применяется Пороговая проверка (п. 3.3, 3.4, разд. 6 Кодекса). Если решение о предъявлении обвинения принято королевским прокурором на основании Пороговой проверки, то при первой разумной возможности дело подлежит Полной проверке с учетом хода расследования (п. 3.4 Кодекса).

Такую схему можно сравнить с существующими в уголовном процессе Российской Федерации формами выдвижения обвинения в ходе дознания:

1) основной формой выдвижения обвинения является составление обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ), который к тому же является итоговым процессуальным документом, в котором формулируется обвинение, в досудебном производстве;

2) в исключительных случаях (ст. 224 ч. 3 УПК РФ), связанных с избранием в отношении подозреваемого в качестве меры пресечения заключения под стражу и невозможности вынесения обвинительного акта в установленные сроки, так же как и в Великобритании, подозреваемому предъявляется промежуточное обвинение путем вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 224 ч. 3 гл. 23 УПК РФ).

Полная проверка материалов расследования в досудебном производстве Великобритании прокурором производится в два этапа:

1) оценка доказательств;

2) оценка необходимости уголовного преследования с точки зрения общественных интересов.

На этапе оценки доказательств королевские прокуроры должны убедиться, что имеющихся доказательств достаточно, чтобы каждое обвинение в отношении каждого обвиняемого имело «реальную судебную перспективу» (п. 5.2 Кодекса). Они должны учесть возможные доводы защиты и их вероятные последствия для обвинения. Реальная судебная перспектива является объективной оценкой, которая предполагает, что жюри присяжных, магистратский суд или судья, рассматривающий дело единолично, надлежащим образом проинструктированные в соответствии с законодательством, вероятнее всего признают обвиняемого виновным по предъявленному обвинению, чем невиновным (п. 5.3 Кодекса). Эта оценка отличается от той, которую обязаны применять сами уголовные суды. Суд может признать обвиняемого виновным только при наличии у суда уверенности в виновности обвиняемого.

Кодекс предписывает королевским прокурорам принимать решение о достаточности доказательств для уголовного преследования, оценивая их по двум критериям:

1) пригодности (данный критерий соответствует в российском уголовном процессе критериям оценки доказательств с точки зрения их относимости и допустимости);

2) достоверности.

Критерий очевидной достаточности требует, чтобы прокурор проверил все сведения (доказательства), собранные полицией на достаточность, которая гарантировала бы, что есть «реалистичная перспектива обвинительного приговора в отношении каждого обвиняемого по каждому обвинению». Такое положение соответствует принципу, что никакой гражданин не должен обвиняться, если доказательства ненадежны и неубедительны. По этому вопросу Королевская комиссия, подготовившая реформу 1985 г., ясно определила, что любой другой подход будет «и несправедлив для обвиняемого, и бесполезной тратой ограниченных ресурсов пенитенциарной системы»²⁴.

Если прокурор сочтет собранные полицией доказательства по делу достаточными и убедительными, он приступит ко второму этапу оценки относительно того, находится ли уголовное преследование в общественном интересе согласно признакам, которые приводятся в Кодексе. Прокурор также должен решить независимо от полицейских запросов, каково должно быть формальное обвинение.

При принятии решения о целесообразности уголовного судебного преследования королевские прокуроры рассматривают и альтернативы уголовному преследованию. В соответствующих случаях может быть рассмотрена возможность применения подходящих процедур реабилитационного, репаративного или восстановительного правосудия (разд. 8 Кодекса). Для совершеннолетних подозреваемых альтернативы уголовному пресле-

дованию включают простое предупреждение и условное предупреждение (п. 8.2 Кодекса).

Схожая правовая модель, когда прокурор практически лишен возможности вмешиваться в ход предварительного расследования и лишь по его итогам решает вопрос о возможности дальнейшего поддержания обвинения, существует в настоящее время в уголовном процессе России. Однако в Великобритании прокурор лично, независимо и не опираясь ни на чье мнение, по итогам исследования собранных по делу доказательств приходит к убеждению о необходимости выдвижения обвинения и продолжения уголовного преследования лица в суде, при этом он самостоятельно формулирует и выдвигает обвинение, основываясь на анализе собранных по делу сведений. Прокурор в уголовном судопроизводстве Российской Федерации такой независимости мнения и суждений полностью лишен, т. к. вынужден опираться на обвинение, уже сформулированное лицом, которое вело предварительное расследование по уголовному делу (ст. 221, 226 УПК РФ).

Прокуроры в уголовном процессе Великобритании, действуя самостоятельно в представлении интересов общественности, должны в действительности принимать во внимание все сведения, а не только подтверждающие обвинение²⁵. В. Ричардсон указывает, что «прокурор несет ответственность за обеспечение того, чтобы уголовное дело расследовалось справедливо по отношению к обвиняемому»²⁶.

Обязанность прокурора действовать в отношении обвиняемых справедливо предполагает, что прокурор должен осуществлять свои полномочия, придавая вес соображениям, выходящим за рамки состязательного характера уголовного судопроизводства. Обязанность действовать справедливо сдерживает прокуроров от необходимости осуждения любой ценой. Это касается не только процедурных вопросов осуществления уголовного преследования, но и определения «общественный интерес», к которому относятся такие факторы, как возраст и состояние здоровья обвиняемого и сроки давности, при решении вопроса об уголовном преследовании (п. 5.10 Кодекса). Такая обязанность вытекает из признания того, что, несмотря на важность осуждения и наказания виновных, эта цель ставится в зависимость от высших идеалов справедливости²⁷. Но, как верно, на наш взгляд, отмечают Джеффри Флатман и Майрко Багарик, требование справедливости при осуществлении прокурором своей деятельности не должно заканчиваться интересами обвиняемого, оно простирается также и на других лиц, участвующих в процессе уголовного судопроизводства, особенно жертвы²⁸.

В связи с этим в уголовном процессе Великобритании прокурор согласно закону обязан принимать во внимание интересы жертвы²⁹, особенно при принятии решения об осуществлении уголовного преследования либо его прекращении³⁰. Однако широкое понятие справедливости, которое применяется прокурорами при осуществлении своей деятельности к обвиняемым, вызвало некоторые сложности при определении взаимодействия прокурора с жертвами преступлений, в результате чего прокуро-

ру приходится обеспечивать постоянный баланс между интересами общества, жертвы и обвиняемого³¹.

Указанная обязанность прокуроров Англии и Уэльса в некотором роде сродни выполняемой прокурором в Российской Федерации функции надзора за соблюдением закона органами предварительного расследования при осуществлении ими уголовного преследования. Прокуроры в России путем осуществления надзора добиваются соблюдения прав и законных интересов личности, законности и справедливости процедуры в досудебном производстве. Несмотря на существенное ограничение надзорных полномочий прокурора в уголовном процессе России, именно осуществление им указанного надзора может рассматриваться, на наш взгляд, как гарантия обеспечения справедливости в досудебном производстве и утверждения прокурором обвинительного акта или обвинительного заключения лишь в случае их законности и обоснованности.

Стоит отметить, что существующая в настоящее время модель деятельности прокурора в досудебных стадиях по уголовным делам Англии и Уэльса подвергается критике по следующим основаниям:

1) Кодекс сформулирован в таких общих условиях, что только в редких случаях решения прокуроров могут быть подчинены судебному контролю;

2) существуют различия в применении Кодекса и руководств в различных областях страны. Контроль, введенный в последние годы, чтобы достигнуть однородности в их применении, пока не дал желаемого результата;

3) неопределенность роли прокурора в уголовном процессе Великобритании ввиду отсутствия четко намеченной цели его деятельности³². Эта проблема была поднята Комитетом Правосудия Палаты общин Великобритании в его сообщении от 6 августа 2009 г. относительно Королевской прокурорской службы. Комитет отметил, что: «цели и задачи Королевской прокурорской службы должны быть ясными и также должно быть ясно, как они касаются целей Системы уголовного судопроизводства в целом, ... «опасно, что деятельность Королевской прокурорской службы иногда определяется отношениями ее с другими организациями, а не ее собственными целями или ясностью о ее роли в пределах системы уголовного судопроизводства»³³. Анализируя такое положение вещей, Директор государственного обвинения Великобритании Кеир Стармер пришел к заключению, что вообще «нет никакой ясности о роли КПС в пределах системы уголовного судопроизводства»³⁴;

3) «независимость» оценки прокурором результатов расследований и запросов, сделанных полицией, — одна из принципиальных целей реформы 1985 г. — не дала ожидаемого эффекта. Во-первых, из-за относительной немногочисленности прокуроров (около 2200 сотрудников) полное исследование сведений, предоставляемых полицией на основе условий, установленных в Кодексе и руководствах, является для прокуроров чрезмерной нагрузкой. Во-вторых, как отмечают английские процессуалисты, появилась тенденция среди прокуроров начинать уголовное преследование

по наиболее серьезным преступлениям, даже когда не соблюден критерий достаточности доказательств. Интересно отметить, что некоторые авторы приписывают это явление сходящейся ориентации полиции и Королевской прокурорской службы, происходящей от самого характера ролей, которые они играют: поскольку «они оба, в конце концов, на той же самой стороне»³⁵. Действительно, в силу психологической природы человека у прокуроров формируется и, по сути, должен формироваться некий обвинительный уклон, ведь они изучают материалы расследования, в которых последовательно собраны сведения, изобличающие лицо в совершении преступного деяния. Естественно, что при ознакомлении с такими материалами лицо будет склонно принять обвинительную позицию, даже если каких-то сведений не хватает, ведь доказательства обвинения изложены, как правило, логично и последовательно, в результате отсутствие некоторых сведений воспринимается на психологическом уровне человеком как некое исключение, скорее подтверждающее правило (т.е. в данном случае — обвинение).

Подобная ситуация существует и в российском уголовном процессе, но она наносит значительно больший урон правам и законным интересам личности, ведь с последовательно изложенными и структурированными материалами уголовного дела, с готовым решением о виновности лица в совершении преступления подробно ознакомляется на стадии подготовки и назначения судебного разбирательства судья, который впоследствии и будет рассматривать данное уголовное дело. И зачастую тот «обвинительный образ», который сформировался у судьи при изучении материалов уголовного дела на стадии подготовки и назначения судебного разбирательства, переносится на само судебное разбирательство и в итоге ведет к чуть ли ни дословному дублированию им обвинительного заключения или акта в выносимом приговоре.

В настоящее время в уголовном процессе Великобритании продолжается построение правовой модели деятельности прокурора в досудебном производстве, полностью ориентированной на обеспечение справедливости не только процедуры, но и конечного результата, т. е. достижения законными способами установления объективной истины. При этом активно претворяется в жизнь наметившаяся тенденция к увеличению полномочий прокурора в досудебном производстве³⁶.

¹ Некоторыми авторами отмечается, что состязательность уголовного процесса в таких странах, как США и Великобритания, «почти религия». См., например: *Смирнов А.В.* Типология уголовного судопроизводства. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

² См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1995. С. 21.

³ См.: *Giuseppe Di Federico.* The Independence and Accountability of the Public Prosecutor in search of a difficult equilibrium. The cases of England, France and Italy. P. 4. URL: <http://www.serve.com/pfc/policing/dpp/ppbill01.pdf> (дата обращения: 21.12.2009); *Ashworth A.* The Criminal Process. An evaluative study. Oxford, 1998. P. 35. Некоторые российские авторы по-прежнему утверждают о преобладании частно-исковой формы осуществления уголовного преследования в уголовном процессе Англии. См., например: *Шестакова С.Д.* Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 29. Данное утверждение в современных условиях является ошибочным, на что также указывают современные российские исследователи зарубежных правовых систем. См., например: *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 62–64; *Стойко Н.Г.* Типологическое изучение английского, германского, французского и российского уголовного процесса // Правоведение. 2005. № 3. С. 122.

⁴ См.: Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учебное пособие. Петрозаводск, 2000. С. 26; Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996. С. 92, 96.

⁵ Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 25, 26.

⁶ См., например: *Giuseppe Di Federico*. Op. cit.

⁷ The Code for Crown Prosecutors. Published: 2004. November. The Code is a public document. It is available on the CPS website: www.cps.gov.uk. Кодекс королевских прокуроров дата публикации: ноябрь 2004 г. Кодекс является публичным документом и размещен на сайте Королевской прокурорской службы: www.cps.gov.uk (в том числе в официальном переводе на русский язык). URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 20.01.2010).

⁸ Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. С.С. Алексеева. М., 1995. С. 351.

⁹ См.: Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 27.

¹⁰ См.: Додонов В.Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование / под ред. С.И. Герасимова. М., 2001. С. 41.

¹¹ См.: Там же. С. 45.

¹² См.: *Starmer K.* QC Public prosecution service annual lecture — the role of the prosecutor in a modern democracy. 21.10.2009. London. URL: <http://www.cps.gov.uk/role.html> (дата обращения: 20.01.2010).

¹³ The Code for Crown Prosecutors. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 20.01.2010).

¹⁴ См.: Чайка Ю.Я. Прокуратура — государственный поверенный в делах законности // Закон. 2008. № 11.

¹⁵ О роли и месте прокурора в уголовном процессе Великобритании см. подробнее: Defining the role of the prosecutor. The Crown Prosecution Service: Gatekeeper of the Criminal Justice System — Justice Committee Contents. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm/cmjust.htm> (дата обращения: 02.01.2010); *Jackson J.* The Role of the Public Prosecution Service within the Administration of Justice / URL: <http://www.arab-niaba.org/publications/hr/cairo/roleprosecution-jackson-e.pdf> (дата обращения: 04.01.2010).

¹⁶ *Keir Starmer*. Op. cit.

¹⁷ См.: Ibid.

¹⁸ The Code for Crown Prosecutors. Ibid.

¹⁹ См., например: The Director's Guidance on Witness Anonymity. December 2009 // www.cps.gov.uk (дата обращения: 20.01.2010); Director's Instructions to CPS Associate Prosecutors Instructions Issued by the Director of Public Prosecutions to Associate Prosecutors of the Crown Prosecution Service Pursuant to Section 7A of the Prosecution of Offences Act 1985 as Amended. 23 February 2009. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 20.01.2010); The Director's Guidance on Charging. Guidance to Police Officers and Crown Prosecutors Issued by the Director of Public Prosecutions under S37A of the Police and Criminal Evidence Act 1984. February 2007. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 20.01.2010).

²⁰ См.: 09426 Procedure — Pre-charge (CPS) Advice — Role of Duty Prosecutor. URL: <http://www.cps.gov.uk> (дата обращения: 06.01.2010) и др.

²¹ См., например: 09426 Procedure — Pre-charge (CPS) Advice — Role of Duty Prosecutor. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 06.01.2010); 09423 Procedure — Pre-charge (CPS) Advice — Bail Considerations and File Submission. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 06.01.2010); 09424 Procedure — Pre-charge (CPS) Advice — Pre-arrest Investigation. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 06.01.2010); 09425 Procedure — Pre-Charge (CPS) Advice — Offence Referral Criteria. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 06.01.2010).

²² См.: 09426 Procedure — Pre-charge (CPS) Advice — Role of Duty Prosecutor. URL: www.cps.gov.uk (дата обращения: 06.01.2010).

²³ См.: Code For Prosecutors (1994). URL: <http://www.england-legislation.hmso.gov.uk/stat> (дата обращения: 17.01.2010).

²⁴ Crown Prosecution Service, Code For Prosecutors (1994) s 7.1; Office of Director of Public Prosecutions (Vic) 1996-7. URL: <http://www.england-legislation.hmso.gov.uk/stat> (дата обращения 17.01.2010).

²⁵ См.: *Whitehorn* (1983) 152 CLR 567, 663-4; Уголовное преследование в суде в уголовном судопроизводстве представляет государство в лице прокурора. Обвиняемый, суд и общество имеют право ожидать, что в выполнении его функции уголовного представления обвиняемого он будет действовать со справедливостью и отрешенностью и всегда с целью установления объективной истины в соответствии с процедурами и стандартами, соблюдение которых требует закон, что в судебное разбирательство будет добавлен акцент справедливости. The Hon Justice *Geoffrey Flatman* and *Dr Mirko Bagaric* The Victim And The Prosecutor: The Relevance Of Victims In Prosecution Decision Making. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/DeakinLRev/2001/2.htm> (дата обращения: 15.01.2010).

²⁶ *Richardson* [1974] HCA 19; (1974) 131 CLR 116, 119 (emphasis added). The Hon Justice *Geoffrey Flatman* and *Dr Mirko Bagaric* The Victim And The Prosecutor: The Relevance Of Victims In Prosecution Decision Making. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/DeakinLRev/2001/2.htm> (дата обращения: 15.01.2010).

²⁷ См.: The Hon Justice *Geoffrey Flatman* and *Dr Mirko Bagaric*. Ibid.

²⁸ См.: Ibid.

²⁹ См., например: Public Prosecutions Act 1994 (Vic) ss 24(4), 36 (3), 38 (3)(a), 41 (2).

³⁰ См., например: Crown Prosecution Service, Code For Prosecutors (1994) s 6.5; Office of Director of Public Prosecutions (Vic) 1994–95.

³¹ См. подробнее исследования на тему положения жертвы в уголовном процессе Великобритании и ее взаимодействия с прокурором: *Whitrod R.* Victim Participation in Criminal Proceedings — A Progress Report (1986) 10 Criminal Law Journal 77; *Tobolowsky P.* Victim Participation in the Criminal Justice Process: Fifteen Years After the President's Task Force on Victims of Crime (1999) 25 Criminal and Civil Confinement 212; *Nicholson G.* Victims' Rights, Remedies, and Resources: A Maturing Presence in American Jurisprudence (1992) 23 PAC. Law Journal 815; New South Wales Law Reform Commission, Sentencing, Discussion Paper 33 (1996) 411-12; *CJ Sumner H.* Victim Participation in the Criminal Justice System (1987) 20 ANZ Journal of Criminology 195; The Hon Justice *Geoffrey Flatman* And *Dr Mirko Bagaric.* The Victim And The Prosecutor: The Relevance Of Victims In Prosecution Decision Making. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/DeakinLRev/2001/2.html> (дата обращения: 15.01.2010).

³² См.: *Starmer K.* Op. cit.

³³ The Crown Prosecution Service: Gatekeeper of the Criminal Justice System — Justice Committee Contents. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm/cmjust.htm> (дата обращения: 16.01.2010).

³⁴ *Starmer K.* Op. cit.

³⁵ *Jackson J.* The Role of the Public Prosecution Service within the Administration of Justice. URL: <http://www.arab-niaba.org/publications/hr/cairo/roleprosecution-jackson-e.pdf> (дата обращения: 16.01.2010).

³⁶ Например, прокурорам недавно предоставлено право предварительного (досудебного) опроса свидетелей для проверки достоверности сведений, установленных полицией. О необходимости предоставления прокурорам такого полномочия см.: *Jackson J.* The Role of the Public Prosecution Service within the Administration of Justice. URL: <http://www.arab-niaba.org/publications/hr/cairo/roleprosecution-jackson-e.pdf> (дата обращения: 16.01.2010).

А.В. Калинин*

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Вопросы процессуальной независимости и самостоятельности следователей не раз являлись предметом исследования ученых-процессуалистов¹, вызывали дискуссии у научных и практических работников². В большинстве этих работ основной мыслью проходит необходимость независимости и самостоятельности следователя в российском уголовном процессе. Действительно, процессуальная самостоятельность следователя и его личная ответственность за проведение следствия служат необходимыми условиями успешности и законности расследования дела. Особое значение данное положение имеет для следователей в структуре МВД, ведь именно ими расследуется абсолютное большинство уголовных дел (до 90%)³.

Положение о самостоятельности следователя декларировалось и декларируется как в УПК РФ⁴, так и в УПК РСФСР⁵. В ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР было установлено, что «при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случа-

* *Калинкин Алексей Владимирович* — заместитель директора Следственно-криминалистического института, преподаватель кафедры уголовного процесса ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

ев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение». В настоящее время в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ сказано, что следователь уполномочен «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа». Оценивая такую процессуальную самостоятельность следователя, А.М. Ларин писал, что записанная в законе независимость следователя на практике лишь пустой звук⁶. На это же указывали и составители Концепции судебной реформы в РСФСР, отмечая, что «провозглашенная законом процессуальная самостоятельность следователя является декларацией, лишенной реальных гарантий»⁷.

Данная ситуация связана с тем, что закон предусматривал право прокурора давать следователю указания по любым вопросам расследования. Эти указания являлись обязательными. Только в некоторых случаях следователь был вправе не согласиться с ними и представить дело вышестоящему прокурору, который поручал расследование другому следователю или отменял указания. Нельзя не согласиться с Б.Я. Гавриловым, который писал по этому поводу, что «анализ полномочий прокурора и суда в аспекте их соотношения с процессуальным статусом следователя позволяет утверждать, что статус следователя по новому УПК РФ существенно снизился. Из достаточно самостоятельной процессуальной фигуры органа предварительного следствия, которым он был по УПК РСФСР, нынешний следователь низведен до уровня должностного лица, наделенного лишь отдельными полномочиями по самостоятельному производству некоторых следственных и иных процессуальных действий... он лишен права на самостоятельное принятие процессуальных решений по 40 узловым вопросам, поскольку принятие процессуальных решений о производстве значительного количества следственных действий осуществляется судом или в отдельных случаях, соответственно, с согласия прокурора или начальника следственного отдела»⁸.

Такая ситуация начала меняться с внесением изменений в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”»⁹. Прошло уже более двух лет с момента вступления в силу данного Закона, существенным образом изменившего процессуальные полномочия прокуроров, предусмотревшего создание Следственного комитета и появление такой значимой процессуальной фигуры, как руководитель следственного органа, наделенный более широким кругом полномочий, нежели начальник следственного отдела. Наибольшую значимость такое перераспределение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа имело, пожалуй, для работников органов МВД, т. к. во многом изменило привычный ход осуществления ими своей деятельности. В связи с этим возникает вполне за-

кономерный вопрос: как повлияли эти существенные изменения на процессуальную независимость следователей, стали ли следователи органов МВД процессуально более самостоятельными в принятии решений, чем ранее?

До вступления указанных изменений в законную силу при принятии любого более-менее значимого решения по уголовному делу следователь должен был данное решение согласовать сначала непосредственно со своим руководителем, а затем с прокурором. И нередко на практике были случаи, когда мнения следователя и его непосредственного начальника совпадали, но противоречили мнению прокурора, а решение принимать следователю приходилось, основываясь на мнении прокурора. Таким образом, утрачивался авторитет непосредственного руководителя следователя, ведь спорить с прокурором простому следователю, да и начальнику следственного отдела при МВД было как-то не положено. В конечном итоге это приводило к тому, что у следователя просто пропадало желание самостоятельно инициировать какое-либо следственное действие или принимать ответственное решение по делу. Следователь знал, что в любом случае его мнение учтено не будет и ему просто укажут как надо делать.

Положение следователей МВД осложнялось еще и тем, что они, в отличие от следователей прокуратуры, находились в разных зданиях с работниками прокуратуры и очень часто на значительном расстоянии друг от друга. Чтобы утвердить документ (получить согласие на возбуждение уголовного дела, согласовать ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и т. д.), следователю необходимо было добираться до прокурора, на что тратилось большое количество времени. А могло оказаться, что прокурора нет на месте или он занят неотложными делами. В такой ситуации следователь мог провести в приемной прокурора весь день, а затем вернуться без положительного результата, т. к. прокурору просто не понравился стиль изложения документа и его необходимо переделать, не меняя при этом сути. На этот факт неоднократно указывалось практическими работниками, когда ими критиковался процессуальный порядок получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, т. к. работа следователя по «горячим следам» на стадии возбуждения уголовного дела и на первоначальных этапах расследования практически сводилась к нулю¹⁰. Согласование с прокурорами решений о возбуждении уголовного дела, о проведении следственных действий и принятии иных процессуальных решений (таких, как заключение под стражу, производство обыска и т.д.), правомочия по рассмотрению которых принадлежат в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ исключительно суду, требовало колоссальных затрат рабочего времени, сил практических работников, а также материальных средств государства, ведь требуется оплата проезда и рабочего времени, проведенного в пустом ожидании.

Бывали на практике случаи, когда следователи шли к прокурору посоветоваться или составить необходимый документ, при этом минуя своего непосредственного начальника. Данное поведение следователем объяс-

нялось следующим образом: «зачем советоваться со своим руководством, когда все равно все будет так, как прокурор скажет». Такая ситуация вела к утрате процессуальной самостоятельности и независимости следователя при принятии им решений, а также нивелировала значимость процессуальной фигуры «начальник следственного отдела». Практика принятия самостоятельных решений следователями постепенно упразднялась и они стали превращаться в пишущие машины, выводящие на бумагу устные указания прокурора. В литературе такую ситуацию, при которой следователи полагаются на «мудрость» прокурора, принимающего окончательное решение, и слагают с себя ответственность за принятие законного и обоснованного решения, стали называть «процессуальным иждивенчеством»¹¹.

В настоящее время, когда круг полномочий руководителей следственного органа при МВД значительно расширился, прокурор, напротив, утратил значительную часть своих полномочий и фактически перестал быть руководителем предварительного следствия. Наконец упростилась процедура возбуждения уголовного дела. Следователю больше не требуется согласовывать с прокурором принятие данного решения. Однако появились другие сложности. Так, согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ прокурор «вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, отменить постановление о возбуждении уголовного дела». Стоит учесть, что в соответствии с той же ч. 4 ст. 146 УПК РФ руководитель следственного органа, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно направить прокурору лишь копию постановления о возбуждении уголовного дела. Следовательно, чтобы принять решение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, прокурору необходимо истребовать, получить и ознакомиться с материалами, послужившими основанием для возбуждения уголовного дела. И если на ознакомление с данными материалами прокурору отводится 24 часа, то вот сроки их получения законом не оговариваются, а ведь в это время производятся следственные действия, следователь получает и закрепляет доказательства по т. н. «горячим следам». При этом законодательно не урегулирован и в связи с этим остается неразрешенным вопрос о доказательственном значении сведений, полученных следователем с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, до отмены данного постановления прокурором. Этот вопрос крайне актуален и значим в практической деятельности. Ведь большинство сведений, полученных на первоначальном этапе предварительного расследования, являются невосполнимыми.

Неоспоримым плюсом произошедших преобразований, как нам представляется, служит то, что сейчас непосредственный руководитель следователя имеет право на утверждение значимых решений по делу. Следователь не боится лишней раз зайти и посоветоваться со своим начальником, отстоять свою точку зрения перед своим руководством (что он вряд ли бы позволил себе сделать перед прокурором). Теперь установлена действенная процедура обжалования следователем требований и указаний проку-

рора, даваемых в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. В случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора. Такая правовая регламентация дает следователю возможность отстоять свои решения и доказать правильность их принятия. А руководитель следственного органа, как справедливо заметил С.А. Шейфер, «в этом случае становится своеобразным арбитром, разрешающим конфликт между следователем и прокурором и может «отказать» прокурору, проинформировав его о своем несогласии с его требованиями»¹².

Опытные и грамотные руководители следственного органа дают возможность следователям самостоятельно принимать решения по делу и, если есть необходимость, помогают им советом. Совещания руководителя следственного органа с подчиненными ему следователями проводятся регулярно, где и разбираются насущные проблемы. Следователи задают вопросы, на которые руководитель следственного органа теперь может ответить самостоятельно, не обещая следователям, что он узнает по данному вопросу мнение прокурора.

Однако внесенными в УПК РФ изменениями не разрешены и не могут быть разрешены многие проблемы, с которыми сталкиваются следователи МВД в повседневной практической деятельности.

Еще в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. отмечалось, что «сложилась практика, когда преступления (особенно хозяйственные) фактически раскрывают оперативные службы до возбуждения уголовного дела. Ответственность за раскрытие преступлений несут оперативные службы МВД — уголовный розыск, подразделения по борьбе с хищениями и другими правонарушениями. Работники этих служб оказывают давление на следователя, поскольку они состоят в одном с ним управлении (отделе) внутренних дел и подчинены одному начальнику»¹³. Эта ситуация не изменилась и в 2010 г. Следователи при органах внутренних дел, в отличие от своих коллег в других ведомствах, в наибольшей степени связаны с оперативными работниками. Следователи при РОВД (РУВД) находятся в сложном подчинении. Они подчинены руководителю следственного органа, в котором работают, вышестоящему руководителю следственного управления при областном (краевом) УВД и начальнику РОВД (РУВД), при котором состоят. При этом их непосредственный руководитель — руководитель следственного органа по должности является заместителем начальника РОВД (РУВД), т. е. начальника органа дознания, таким же точно заместителем, как и начальник криминальной милиции, начальник милиции общественной безопасности. Естественно, что при таком подчинении нередко возникают ситуации, когда следователю предлагают доказывать лишь ту версию, которая возникла при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Ему показывают оперативные материалы, привлекают к участию в ОРМ. Нередко его вынуждают принять поспешное реше-

ние о привлечении лица в качестве обвиняемого и об избрании меры пресечения. Парадоксально в этой связи выглядит и то, что такой следователь может давать поручения и указания по уголовным делам своему непосредственному начальнику, возглавляющему орган дознания и обязанному содействовать следователю.

Давление, оказываемое на следователей при РОВД (РУВД), усиливает и тот факт, что их материальная база — служебный автотранспорт, рабочие кабинеты, оборудование и т. д. полностью зависят от начальника органа дознания, т. е. начальника РОВД (РУВД). Очевидно, что все это неизбежно дает повод для повседневного незаконного вмешательства в следственную работу, не оставляя места для процессуальной самостоятельности следователя.

Таким образом, на наш взгляд, существующая правовая регламентация деятельности прокуроров, следователей, руководителей следственных органов, хотя и способствует повышению уровня процессуальной самостоятельности и независимости следователей Следственного Комитета при МВД, требует дальнейшего совершенствования. Очевидно, что в действительности процессуальная независимость и самостоятельность следователей станет возможной лишь после разделения оперативной и следственной работы, разрешения вопроса об их административном подчинении, в связи с чем возникает необходимость в комплексном подходе к реформированию законодательства.

¹ См., например: *Гончаров И.Д.* Развитие советского законодательства о процессуальном положении следователя: дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1974; *Клейн А.А.* Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992; *Степанов Б.Б.* Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006; *Олисов Р.Ю.* Соотношение процессуальной самостоятельности следователя и прокурорского надзора в отечественном досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006 и др.

² См., например: *Ларин А.М.* Следствие: каким ему быть? // *Человек и закон.* 1996. № 10. С. 53; *Кожевников И.Н.* Упорядочить полномочия следователя // *Российская юстиция.* 1997. № 12. С. 22–24; *Гаврилов Б.Я.* Самостоятельность следователя сегодня: реальность или миф? // *Юридический консультант.* 2000. № 3. С. 4–8; *Патапеня Н.* Изменения УПК // *Официальный сайт Управления Внутренних Дел по Камчатскому краю.* URL: <http://uvd.kamchatka.ru/Announcements/693.aspx> (дата обращения: 02.02.2010); *Соловьев Н.* Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК. URL: <http://www.lawmix.ru/cont/6471/> (дата обращения: 02.02.2010); *Следователи МВД готовятся к получению независимости от прокуроров* // *Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья.* URL: <http://law.vl.ru/articles/showart.php> (дата обращения: 02.02.2010) и др.

³ По данным, приведенным заместителем начальника Следственного комитета при МВД Н. Шелепановым, см.: *Следователи МВД готовятся к получению независимости от прокуроров* // *Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья.* URL: <http://law.vl.ru/articles/showart.php> (дата обращения: 02.02.2010).

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 22 ноября 2001 г.) (в ред. от 17 декабря 2009 г. № 324-ФЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с кодексом) (в ред. от 27 августа 1993 г.) // *Ведомости ВС РСФСР.* 1960. № 40, ст. 592.

⁶ См.: *Ларин А.М.* Указ. соч. С. 53.

⁷ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 176–177.

⁹ См.: Официальный сайт Российской газеты. URL: <http://www.rg.ru/2007/06/08/> (дата обращения: 03.02.2010).

¹⁰ См., например: Шейфер С., Бобров А. Процессуальная самостоятельность следователя: мнение практиков // Законность. 2006. № 5. С. 31–34; Патапеня Н. Изменения УПК // Официальный сайт Управления Внутренних Дел по Камчатскому краю. URL: <http://uvd.kamchatka.ru/Announcements/693.aspx> (дата обращения: 02.02.2010) и др.

¹¹ Темираев О. Процессуальная самостоятельность следователя // Законность. 2000. № 4. С. 28.

¹² Шейфер С.А. Надзор прокурора за законностью дознания и предварительного следствия // Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11–12 октября 2007 г. (Санкт-Петербург) // Официальный сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://www.iauj.net/modules.php?name=Pages&go=page&pid=378> (дата обращения: 12.12.2009).

¹³ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ю.В. Вохмянина*

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НЕЗАКОННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Согласно действующему законодательству алкогольная продукция — это пищевая продукция, которая произведена с использованием этилового спирта, полученного из пищевого сырья или спиртосодержащей пищевой продукции с содержанием этилового спирта более 1,5 % объема готовой продукции¹. Таким образом, закон определяет алкогольную продукцию с точки зрения ее химического состава, а также сырья для ее производства. Думается, для эффективной борьбы с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции такого определения не достаточно, поскольку получается, что для признания продукции алкогольной необходимо сначала провести химическую экспертизу, чтобы подтвердить, что осуществляется именно производство алкогольной продукции, а затем доказать незаконность процесса производства. При этом оборудованного для производства цеха, подготовленной тары с этикетками вино-водочных изделий, складированных акцизных марок для доказательства незаконного производства не достаточно. Обращаем на это внимание, поскольку данное положение имеет принципиальное значение не только для целей криминологического исследования, но и для криминалистики и уголовного процесса.

Итак, «химическое» по содержанию определение алкогольной продукции, думается, не совсем приемлемо для целей борьбы с незаконным ее производством.

Для возможности практической идентификации алкогольной продукции при проверке склада необходимо для начала, на наш взгляд, определить признаки, которым должна соответствовать алкогольная продукция

* Вохмянина Ю.В. — аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина.

при ее внешнем осмотре. Таковыми можно назвать следующие: 1) бутылированную жидкость с соответствующей укупоркой (крышкой, пробкой и т. д.); 2) незаконно используемый товарный знак (этикетка). Думается, именно эти признаки говорят об осуществлении процесса производства незаконной алкогольной продукции. Законность же производства по российскому законодательству подтверждается наличием акцизной марки. Следовательно, по нашему мнению, для целей борьбы с незаконным производством алкогольной продукции необходим иной подход законодателя к пониманию алкогольной продукции как предмета противоправного производства. В данном случае необходимо доказывать только незаконный характер такого производства.

Законное производство алкогольной продукции предполагает соблюдение требований, предъявляемых к: а) производителю, б) сырью для производства, в) товару как результату производства. Деятельность предприятий и неформальных групп физических лиц с нарушением указанных требований и составляет в целом сферу незаконного производства алкогольной продукции. Соответственно, деятельность по незаконному производству алкогольной продукции следует понимать как обособленный подвид «теневой» экономической (производственной) деятельности с нарушением вышеуказанных требований законодателя².

Такая производственная деятельность может осуществляться в двух вариантах: во-первых, как конспирация самой деятельности, во-вторых, как частичное сокрытие доходов от вполне законного производства (сущностная, экономическая характеристика).

1. Скрываемое (конспиративное) производство относится к криминальной экономической деятельности, запрещенной законом³. Таковой является производство алкогольной продукции неуполномоченным на то субъектом, например, в домашних, кустарных условиях. Это производство осуществляется без лицензий и разрешений с использованием нелегально изготовленного или незаконно приобретенного сырья (спирта), как правило, на основе налаженных каналов поставок сырья, и заранее известных точек сбыта⁴. Такое производство утаивается от контролирующих государственных органов.

В силу тайного характера «кустарное» производство алкогольной продукции в подпольных цехах осуществляется не только без внешнего налогового контроля, но и без элементарного технологического, и, что самое страшное, без санитарного. При этом качество и безопасность сырья и условий производства определяются лишь потребностями рынка (зачастую такого же нелегального, как и производство) и корыстными мотивами производителя. Неоднократно отмечались случаи отравления от суррогатной алкогольной продукции людей, в т.ч. со смертельным исходом.

2. Деятельность по производству алкоголя с частичным сокрытием доходов осуществляется на легальных предприятиях. Производителями разработано множество схем ухода от учетов объемов производства, крепо-

сти продукции, мощности заводов — характеристик производства, подлежащих налогообложению. При этом в официальной документации не отражаются: а) объемы и качество закупаемого сырья; б) масштабы реального производства; в) поставщики и покупатели продукции. Это т. н. «теневое производство».

В свою очередь, незаконное производство алкогольной продукции можно классифицировать на следующие виды: 1) кустарное производство алкогольной продукции (о чем уже говорилось), которая выдается за продукцию, произведенную легальным образом (своего рода контрафактная продукция, вопиющим образом нарушающая права потребителя и таящая в себе реальную угрозу его жизни и здоровью); 2) выпуск товаров с подделкой товарных знаков, когда изготавливаемая алкогольная продукция при соблюдении рецептур производства выдается за продукцию другого производителя (нарушение правил конкуренции и антимонопольного законодательства, нарушение интересов и подрыв экономических возможностей законных добросовестных производителей); 3) наконец, сокрытие производства от налогообложения (преступная деятельность, нарушающая, в первую очередь, экономические интересы государства и налогоплательщиков).

Таким образом, незаконное производство алкогольной продукции — это изготовление фальсифицированной алкогольной продукции с сокрытием ее от всевозможных учетов, возможно, с использованием некачественного, в т.ч., непищевого сырья.

Как считает В.В. Радаев, «важно развести понятия неформальной и криминальной экономики, обозначающие различные сегменты рынков»⁵. Наиболее широким понятием в этом смысле выступает неформальная экономика, которая представляет собой совокупность хозяйственных отношений, не отражаемых в официальной отчетности и формальных контрактах или отражаемых заведомо неадекватным образом⁶.

Для анализа качественных характеристик незаконной деятельности по производству алкогольной продукции воспользуемся структурой теневой экономики, приведенной в работе В.В.Радаева⁷.

Исходя из уровня конспирации, незаконная деятельность по производству алкогольной продукции может быть классифицирована на следующие виды:

1. Сокрытие самого предприятия. Деятельность организаций и групп лиц, которая предполагает сокрытие самого предприятия (осуществление регулярной организованной хозяйственной деятельности по производству алкогольной продукции без регистрации) в нарушение ст. 170 УК РФ «О незаконном предпринимательстве».

2. Сокрытие отдельных хозяйственных операций. Производственная деятельность предприятий, предполагающая неотражение хозяйственных операций в договорах и отчетности, проведение их по «теневым» схемам. Такая деятельность направлена на собственно сокрытие доходов (уход от налогов).

3. Соккрытие найма рабочей силы (отказ от оформления трудовых договоров).

Таким образом, незаконное производство начинается с нарушения организационных требований к производителю: форма регистрации, постановка на необходимые виды учета, лицензионные требования.

С другой стороны, деятельность по незаконному производству алкогольной продукции можно классифицировать по объекту, на который направлена противоправная деятельность:

1. Деятельность, посягающая на экономические интересы государства:

а) нарушение правил маркировки, означающее неуплату акцизного сбора за производство подакцизного товара; б) действия, подпадающие под квалификацию ст. 171.1 УК РФ «О нарушении порядка осуществления предпринимательской деятельности по производству алкогольной продукции», связанном с ее обязательным маркированием, сертификацией, обязательной регистрацией, лицензированием и аккредитацией производителей; в) нарушение требований к статусу юридического лица с минимально-определенным уставным фондом (думается, установление этого ограничения связано с общим курсом государства на укрупнение производителей алкогольной продукции как одного из главных направлений борьбы с нелегальным рынком в рассматриваемой сфере и усилению контроля над ним)⁸; г) незаконная и неоформленная сдача в аренду оборудования по производству спирта и алкогольной продукции.

2. Деятельность, осуществляемая в нарушение требований экологической безопасности: а) использование оборудования, не прошедшего соответствующую экологическую экспертизу; б) производство алкогольной продукции при отсутствии оборудования по переработке отходов спиртового производства (т.н. барды).

3. Деятельность по производству алкогольной продукции с нарушением требований к потребительским качествам такой продукции: а) использование этилового спирта из непищевого сырья (посягает на гарантии прав и интересов потребителей, в т. ч., на качественную и безопасную алкогольную продукцию в нарушение ст. 238 УК РФ; б) отсутствие акцизных марок, содержащих в т. ч. сведения о качестве и безопасности алкогольной продукции; в) нарушение требований к потребительской таре, обеспечивающей возможность визуального определения факта ее вскрытия. Потребительская тара предполагает также наличие этикетки, иных товарных знаков, а также крышки (пробки). Их подделка нарушает исключительные права производителя алкогольной продукции по ее индивидуализации, и подобные действия подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ.

Рассмотренные требования прямо закреплены в Федеральном законе от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (п. 3.1 ст. 12)⁹.

Исходя из изложенного видно, что большая часть всех уголовных составов, связанных с незаконным производством алкогольной продукции, отнесена законодателем к преступлениям в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), и лишь один состав — к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности (глава 25 УК РФ, ст. 238). Таким образом, борьба против незаконного производства алкогольной продукции, на практике у нас является борьбой против незаконной экономической деятельности, а не борьбой за здоровье людей.

Непременным признаком легальности алкогольной продукции является нанесенная на бутылку акцизная марка. Подлинность марок должна определяться на трех уровнях¹⁰: 1) уровень потребителя, который определяет подлинность марок визуально; 2) уровень контролирующего органа, который определяет подлинность марок по наличию элементов защиты, в т.ч. с помощью приборов; 3) уровень эксперта (изготовителя), который определяет подлинность марок по всем элементам защиты, в т.ч. по элементам защиты, известным только изготовителю.

В свою очередь, можно предложить следующие виды незаконной деятельности по производству алкогольной продукции, исходя из уровня и качества подделок соответствующей продукции: 1) деятельность по производству алкогольной продукции с нарушениями, видимыми и определяемыми потребителем; 2) изготовление такой продукции, подделку которой может определить лишь контролирующий орган, в том числе с помощью специально произведенных исследований и экспертиз; 3) деятельность по производству алкогольной продукции с нарушением таких защитных знаков, которые распознать сможет только сам производитель (использование технологий ноу-хау).

Последняя классификация имеет, на наш взгляд, большое практическое значение для дальнейшей разработки мер противодействия производству незаконной алкогольной продукции, т. к. она ориентированна на конкретных субъектов, занимающихся противоправной деятельностью.

Итак, изучение проблем незаконного производства алкогольной продукции позволяет утверждать, что этот криминологически значимый феномен является неотъемлемой частью теневой экономической незаконной деятельности, лиц уклоняющейся от уплаты налогов и сборов, которые при этом дестабилизируют рыночную систему государства, и наносят ей огромный материальный и идеологический вред. Но главная опасность описанной выше деятельности — это реальная угроза жизни и здоровью людей.

¹ См. ст. 2, 8, 9, 11 Федерального закона от 22 ноября 1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4553.

² См. ст. 8, 9, 11 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4553; ст. 1 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2, ст. 150.

³ См.: *Латов Ю.В.* Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М., 2001. С. 316; (Научные доклады; вып. 125); *Бекряшев А.К., Белозеров И.П.* Теневая экономика и экономическая преступность: электронный учебник. УЦИ Омского ГУ, 2001. URL: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/ch1p1.htm> (дата обращения: 20.03.2010); *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2007. С. 316–318.

⁴ См.: *Дмитриев О.В., Клейменов М.П.* Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования / отв. ред. М.П. Клейменов. М., 2005. С. 103–117; *Мишин Г.К.* Проблема экономической преступности. Опыт междисциплинарного изучения. М., 1994; *Экономическая преступность* / пер. со шведского Б. Свенссон; под ред. и со вступ. ст. М.А. Могунова. М., 1987; *Латов Ю.В.* Указ. соч. С. 215–250.

⁵ *Радаев В.В.* Теневая экономика в СССР/России: основные сегменты и динамика // Восток. 2000. № 1. С. 89–97.

⁶ См.: Там же. С. 91.

⁷ См.: Там же.

⁸ По смыслу Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р. URL: http://www.fsrar.ru/policy_of_sobriety/konceptcia (дата обращения: 16.03.2010).

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4553.

¹⁰ См. п. 3 Приложения № 11 к Приказу Минэкономразвития и торговли России от 25 января 2006 г. № 12 «Об утверждении образцов, перечня реквизитов и элементов защиты акцизных марок для маркировки алкогольной продукции» (зарегистрировано в Минюсте России 1 февраля 2006 г. № 7437) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 7.

Т.В. Соловьева*

ИСПОЛНИМОСТЬ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СВОЙСТВО СУДЕБНЫХ АКТОВ

Вопрос об исполнимости судебных актов был предметом не одного научного исследования. Однако при всем многообразии работ понятие «исполнимость» рассматривалось только с позиций определенной отрасли права¹.

Для того чтобы провести классификацию судебных актов по критерию исполнимости, необходимо судебный акт рассматривать в широком смысле. А именно: судебный акт — это властное предписание суда любого уровня судебной системы Российской Федерации.

Общеизвестно, что к судам судебной системы Российской Федерации относятся федеральные суды (Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд, Конституционный Суд РФ и др.) и суды субъектов РФ, результатом правосудной деятельности которых является судебный акт.

В юридической науке существует множество точек зрения относительно понятия «исполнимость судебного акта». Так, под исполнимостью судебного акта, как считал Н.Б. Зейдер, следует понимать возможность принудительного исполнения этого акта, т.е. осуществление специальными государственными органами ряда мероприятий, которые направлены на реализацию судебного акта помимо воли обязанного по этому акту лица².

А.Ф. Клейнман считал, что даже «самое хорошее решение, если оно не исполняется, теряет всякий смысл и превращается в клочок бумаги»³.

По мнению Е.А. Порошина, исполнимость нормативного правового акта — это обусловленная совокупностью содержательных и формально-юридических факторов способность нормативного правового акта порождать, изменять и прекращать правоотношения. Различие в результатах фактического действия нормативных правовых актов обусловлено значением их исполнимости. Практически целесообразно выделение исполнимых и неисполнимых нормативных правовых актов⁴.

О.В. Исаенкова полагает, что понятие исполнимости шире понятия обязательности и включает в себя новый вид деятельности (исполнитель-

* Соловьева Татьяна Владимировна — доцент кафедры гражданского процесса ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук, докторант.

ный процесс) и новые правоотношения с участием новых субъектов — органов исполнения. Было бы не совсем верно полагать, что судебное решение само по себе переводит один процесс (рассмотрение и разрешение дела по существу) в другой (программу действий) и является «переходным моментом», после которого все действия направлены на его реализацию, а некоторые из них приобретают исполнительный характер. Переходным моментом выступает момент вступления решения в силу, а не само решение суда⁵.

В то же время суды не могут быть безучастными и безразличными в вопросе об исполнении выносимых ими постановлений. В этой связи целесообразным и теоретически оправданным является возложение на суд ответственности за исполнимость принимаемых им постановлений⁶.

Таким образом, исполнимость судебного акта — это свойство, которое порождает деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, граждан и других субъектов права по приведению данного акта в действие.

Судебный акт только тогда будет считаться справедливым, когда его можно будет привести в исполнение. В том случае, если из содержания судебного акта не ясен порядок его исполнения, можно сказать, что он является ничтожным. Следовательно, все судебные акты, независимо от судов какого звена судебной системы они исходят, должны в резолютивной части содержать указание на порядок их исполнения.

В зависимости от органа, вынесшего судебный акт, может и различаться порядок исполнения. Например, каждое постановление Конституционного Суда РФ содержит в резолютивной части следующую формулировку: «постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами». Определение Конституционного Суда РФ в резолютивной части содержит следующую формулировку: «подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда РФ». Из указаний закона следует, что акт Конституционного Суда РФ после провозглашения и опубликования считается исполненным.

В общих чертах такой порядок исполнения (официальное опубликование) применяется и к постановлениям Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Особенность исполнения решений Европейского Суда связана с порядком их вынесения и свойствами, которые обладают эти решения. Постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное против определенного государства, всегда содержит две группы санкций: меры индивидуального характера (например, возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностного лица), которые, как правило, выражаются в денежном эквиваленте, и меры общего характера, направленные на изменение внутреннего законодательства, с целью недопущения подобных нарушений в будущем, той страны, в отношении которой вынесено решение. Следовательно, и исполняться такое решение будет раз-

личными органами государственной власти. Меры индивидуального характера будут осуществляться Министерством финансов РФ путем списания денежных средств с казны Российской Федерации, а меры общего характера исполняются законодательными органами, например, путем внесения изменений в нормативные акты либо путем признания определенных актов не соответствующими Конституции РФ.

Что же касается актов (судебных решений) районных судов, то в их резолютивной части содержится определенный (конкретизированный) порядок исполнения для каждого конкретного случая. Например, в случае признания права собственности на автомобиль, находящийся во владении ответчика, последний должен передать его во владение истца. Только после передачи автомобиля судебный акт будет считаться исполненным.

Проведя краткий обзор процедур исполнения судебных актов в зависимости от органов, их принявших, можно прийти к логическому выводу, что абсолютно все судебные акты должны отвечать критерию исполнимости.

По признаку исполнимости можно выделить самоисполнимые судебные акты и судебные акты, исполнимые специализированными органами.

Самоисполнимые судебные акты — это акты судебных органов, не имеющие законодательно установленного порядка исполнения, и момент их исполнения можно считать момент вступления их в законную силу после официального опубликования. Самоисполнимый акт должен обладать следующими признаками:

- 1) резолютивная часть судебного акта должна содержать в себе регулятивную норму права;
- 2) судебный акт должен обладать способностью быть исполненным субъектами права;
- 3) судебный акт должен обладать прямым действием, не требуя издания нового акта.

Однако после принятия такого судебного акта и вступления его в законную силу должен быть проведен ряд мероприятий, направленных на его реализацию:

- своевременное доведение содержания принятых актов до сведения исполнителей;
- официальное толкование акта уполномоченными государственными органами, должностными лицами;
- разъяснение содержания акта;
- финансовое, материально-техническое, правовое и организационно-техническое обеспечение реализации актов;
- обеспечение соблюдения сроков реализации акта (если такие сроки установлены).

К числу самоисполнимых судебных актов можно отнести:

1. Судебные акты Конституционного Суда РФ. Статья 81 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ

влечет ответственность, установленную федеральным законом. Иными словами, акты Конституционного Суда РФ также подлежат исполнению.

2. Судебные акты Верховного Суда РФ. В соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов РФ, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

3. Судебные акты Высшего Арбитражного Суда РФ. В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» вступившие в законную силу судебные акты — решения, определения, постановления арбитражных судов, обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

Стоит упомянуть о самоисполнимых актах, которые хотя и являются таковыми по сути, однако требуют для полной реализации издания дополнительного акта. В этой связи, думается, стоит выделять абсолютные самоисполнимые акты и формальные самоисполнимые акты. Например, формально самоисполнимым актом будет являться постановление Конституционного Суда РФ о признании недействующим нормативно-правового акта, которое требует издания нового нормативного акта для устранения пробела в законодательстве.

Примером абсолютно самоисполнимого судебного акта Верховного Суда РФ будет являться постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 12 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»⁷, в п. 20 которого указано, что необходимо признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1982 г. № 3 «О применении судами Российской Федерации законодательства, регулирующего рассмотрение гражданских дел в кассационной инстанции» с дополнением, внесенным постановлением Пленума от 22 декабря 1992 г. № 19, в редакции постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11, с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 26 декабря 1995 г. № 9, а также исключить п. 18 из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Формально самоисполнимым актом Верховного Суда РФ будет являться постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 9 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в ста-

тью 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»⁸, в п. 1 которого указано, что необходимо внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Судебные акты, исполнимые специализированными органами, — это такие судебные акты, для реализации которых необходимо проведение определенных мероприятий специализированными органами государственной власти. При этом такие акты можно подразделить на две группы:

1. В зависимости от необходимости выдачи исполнительного документа:

1.1. судебные акты, для исполнения которых не требуется выдачи исполнительного документа. В качестве примера можно назвать судебный приказ, который, по сути, является исполнительным листом. Кроме того, не требуется выдачи исполнительного документа для исполнения решения Европейского Суда по правам человека;

1.2. судебные акты, для исполнения которых, необходима выдача исполнительного документа:

1.2.1. исполнительного листа для решений судов общей юрисдикции РФ;

1.2.2. определения о признании решения иностранного суда, иностранного арбитража, приговора иностранного суда в части взыскания материального ущерба, решения иностранного третейского суда.

2. В зависимости от органа, осуществляющего исполнительные действия:

2.1. Федеральная служба судебных приставов РФ — орган государственной власти, на который возложены основные функции по обеспечению исполнения судебных актов. Как правило, это акты судов общей юрисдикции — судебные решения, для исполнения которых выдается исполнительный лист, служащий основанием для возбуждения исполнительного производства судебным приставом-исполнителем;

2.2. Министерство финансов РФ — является органом государственной власти, на который возложена обязанность по исполнению судебных актов за счет средств федерального бюджета, которые предусмотрены для исполнения судебных актов законом о бюджете на соответствующий год;

2.3. органы исполнительной власти. Например, в случае, если суд признает нормативный акт незаконным, вступившее в законную силу решение суда о признании акта либо отдельной его части незаконными должно быть опубликовано в средстве массовой информации, в котором был опубликован данный нормативный правовой акт, о чем следует указать в резолютивной части решения (ст. 253 ч. 3 ГПК РФ). В случае, если оспаривалось решение, действие или бездействие органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностных лиц и дру-

гих, суд обязан направить копию решения соответствующему органу или должностному лицу не позднее трех дней после вступления решения в законную силу (а в случае обращения решения к немедленному исполнению — после вынесения решения) для устранения допущенного нарушения (ст. 258 ч. 2 ГПК РФ);

2.4. орган Федерального казначейства, в котором должнику открыты и ведутся лицевые счета получателя средств федерального бюджета и в который направляется судебный акт; исполнение осуществляется за счет имеющихся лимитов бюджетных обязательств, объемов финансирования должника либо — в случае их недостаточности — за счет средств федерального бюджета, выделяемых должнику вышестоящим распорядителем для исполнения судебного акта, в случае если это денежное обязательство бюджетного учреждения⁹.

Для реализации права на судебную защиту необходимо, чтобы судебный акт, независимо от какого суда судебной системы он исходит, соответствовал критерию исполнимости. Обеспечению исполнимости судебных актов может способствовать осуществление следующих положений:

1) государство должно обеспечивать выполнение своих судебных актов удобными для него способами;

2) в случае необходимости для полной реализации необходимо проведение законодательных мероприятий;

3) реализация должна осуществляться на основе принципа добросовестного исполнения;

4) суды, принимая решения, должны учитывать возможность их исполнения в рамках существующего законодательства.

¹ См., например: *Невский И.А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005; *Порошин Е.А.* Исполнимость нормативных правовых актов: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006; *Котов О.Ю.* Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на гражданское судопроизводство. М., 2001; *Нечаева Ж.В.* Эффективность исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2007.

² См.: *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 170.

³ См.: *Клейнман А.Ф.* Гражданский процесс: учебник для юридических школ. М., 1937. С. 76.

⁴ См.: *Порошин Е.А.* Указ. соч. С. 9.

⁵ См.: *Исаенкова О.В., Гришина Я.С.* Судебные акты по делам, возникающим из публичных правоотношений: законная сила и исполнимость. URL: <http://www.portal-law.ru/articles/ipoe/2521> (дата обращения: 30.11.2009).

⁶ См.: *Невский И.А.* Указ. соч. С. 3–18.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 12 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=5393 (дата обращения: 1.12.2009).

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 9 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в статью 3 Федерального закона "О мировых судьях в Российской Федерации" и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации"». URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=5745 (дата обращения: 1.12.2009).

⁹ *Пигунов Д.М.* Совершенствование порядка исполнения судебных актов о взыскании денежных средств за счет казны // Бюджет. 2008. № 6. С. 77.

Т.Л. Давидович*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЧЛЕНА СЕМЬИ В ЖИЛИЩНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Жилищном кодексе РФ (далее — ЖК РФ) отсутствует единое определение члена семьи (в ст. 31 и 69 ЖК РФ речь идет о членах семьи собственника и нанимателя жилого помещения, критерии установления семейно-правовой связи различны)¹. Проблема закрепления общего понятия «член семьи» поднималась еще в советской юридической литературе в связи с необходимостью определить правовое положение членов семьи члена кооператива. Для ее решения предлагалось закрепить в жилищном законодательстве единое понятие «член семьи»².

Подобная проблема существует и в действующем жилищном законодательстве. ЖК РФ определение понятия «член семьи» члена кооператива не содержит, не говорит и о том, на основании каких норм ст. 31 или 69 ЖК РФ следует устанавливать членство в семье. Определять круг членов семьи члена кооператива, не выплатившего пай полностью, на основе ст. 31 ЖК РФ предлагает И.В. Качалова³.

Статьи 31 и 69 ЖК РФ устанавливают различные признаки членства в семье и говорят о трех категориях членов семьи: супруг, дети и родители собственника или нанимателя; другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы; в исключительных случаях — иные граждане. Признаки членства в семье совпадают только у первой категории членов семьи собственника и нанимателя жилого помещения по договору социального найма (необходимость совместного проживания). Что касается других родственников и нетрудоспособных иждивенцев, то ст. 31 и 69 ЖК РФ устанавливают различные критерии: ст. 69 требует ведения общего хозяйства. Кроме того, если в ст. 31 законодатель использует словосочетание «могут быть признаны», т.е. решение вопросов членства ставит в зависимость от усмотрения собственника и суда, то в ст. 69 они «признаются» членами семьи нанимателя при соблюдении указанных требований. Если говорить об «иных лицах», то ст. 31, в отличие от ст. 69, не говорит о судебном порядке признания членами семьи.

Наличие в ЖК РФ различных определений понятия «член семьи» можно объяснить тем, что критерии членства в семье связываются законодателем с неодинаковым правовым положением членов семьи собственника и нанимателя. Об этом свидетельствует тот факт, что состав членов семьи, их права и обязанности закреплены в ст.ст. 31 и 69 ЖК РФ и имеют аналогичное название: «Права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении»; «Права и

* Давидович Татьяна Леонидовна — аспирант кафедры гражданского права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», преподаватель кафедры гражданского права.

обязанности членов семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма»). Тем самым законодатель устанавливает прямую связь между характером прав и обязанностей членов семьи собственника и нанимателя и установлением критериев их членства в семье: раз права и обязанности у них различаются, значит, должны различаться и признаки связи с семьей.

Однако вывод о наличии указанной зависимости трудно признать верным, т. к. неодинаковый характер прав и обязанностей членов семьи собственника и нанимателя обусловлен различным способом удовлетворения потребности в жилище. Собственник самостоятельно удовлетворяет свою потребность в жилище, члены его семьи обладают правом пользования (оно не только возникает, но и существует при условии наличия семейных отношений с собственником).

В другом случае, если речь идет о членах семьи нанимателя, в качестве собственника выступает публично-правовое образование (ч. 1 ст. 60 ЖК РФ), удовлетворяющее потребность в жилых помещениях граждан, указанных в ст. 49 ЖК РФ. У публично-правового образования отсутствует потребность в жилом помещении, которая может возникать только у физического лица. Поэтому публично-правовое образование не может в силу специфики своего правового статуса осуществлять права владения и пользования жилым помещением. Право распоряжения может быть осуществлено только в случае удовлетворения потребности в жилище (обеспечить гарантированное ст. 40 Конституции РФ право на жилище) граждан, указанных в ст. 49 ЖК РФ. Этим можно объяснить широкие возможности членов семьи нанимателя по распоряжению жилым помещением, что требует, однако, согласия наймодателя (ст. 72, 76 ЖК РФ). Право распоряжения членов семьи нанимателя ограничено необходимостью соблюдения той цели, для которой жилое помещение необходимо наймодателю, т. е. удовлетворения потребности в жилище граждан. Члены семьи нанимателя обладают не только равным, но и самостоятельным правом пользования⁴.

Жилищный кооператив, являясь юридическим лицом, не имеет каких-либо обязанностей социального характера по отношению к членам семьи члена кооператива. Возникает также вопрос: удовлетворяет ли кооператив потребность в жилище членов семьи члена кооператива? Исходя из положений ч. 1 ст. 110 ЖК РФ, на этот вопрос можно было бы дать положительный ответ, т. к. в качестве цели деятельности жилищных и жилищно-строительных кооперативов называется удовлетворение потребностей граждан в жилье. Однако такая формулировка законодателя связана с тем, что членами этих кооперативов могут быть и юридические лица, у которых отсутствует потребность в жилище. В связи с этим законодатель и ведет речь о гражданах, подразумевая под ними членов кооператива — физических лиц. Поэтому в ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах»⁵ (членами тако-

го кооператива могут быть только граждане) речь идет об удовлетворении потребности в жилых помещениях только членов кооператива. Жилищный кооператив создается с целью удовлетворения потребности в жилых помещениях своих членов, но не членов их семьи. Члены семьи члена кооператива обладают правом пользования жилым помещением, которое они реализуют при содействии члена кооператива. Право пользования членов семьи не является самостоятельным, т. к. зависит в моментах своего возникновения и прекращения от наличия семейных отношений с членом кооператива.

Таким образом, от способа удовлетворения потребности в жилище зависит то, с каким лицом устанавливается семейно-правовая связь — собственником, членом кооператива, нанимателем, членами его семьи. Определение критериев семейно-правовой связи с этими лицами не может зависеть от того, на каком основании они обладают жилым помещением, т. к. семейные отношения являются личными и существуют параллельно имущественным.

У членов семьи собственника, нанимателя и члена кооператива порядок вселения различен. Для членов семьи нанимателя необходимо соблюдение ст. 70 ЖК РФ, т.е. наличие письменного согласия на их вселение (оно не требуется при вселении нанимателем и членами семьи своих несовершеннолетних детей). Вопрос наличия семейных отношений с собственником и членом кооператива решается исходя из фактически складывающихся отношений между ними, о чем свидетельствует отсутствие в ЖК РФ какой-либо процедуры вселения. Для собственника это послужило бы ограничением его права собственности, а для члена кооператива — ограничением его права пользования, которое возникает при наличии членских отношений с кооперативом. Кроме того, поскольку семейно-правовая связь устанавливается с лицом, обладающим самостоятельным правом на жилое помещение, только волеизъявление члена кооператива и собственника имеет значение при вселении, что устраняет необходимость письменного согласия.

Однако данное обстоятельство не может служить обоснованием наличия различных критериев установления членства в семье. Порядок вселения не является одним из признаков связи с семьей. Вселение в жилое помещение представляет собой реализацию правомочия распоряжения. По мнению Д.И. Мейера, «право распоряжения заключается в праве прекращения и разъединения права собственности, разъединения навсегда или на известное время»⁶. Вместе с тем, как он сам отмечает, «довольно трудно провести определенную границу между случаями, где проявляется право пользования, и случаями, где проявляется право распоряжения»⁷. На это обращается внимание и в современной юридической литературе: «Промежуточное положение в отношении пользования и распоряжения занимает предоставление вещи в пользование другому лицу. С одной стороны, совершается предоставление права другому лицу, то есть акт распорядитель-

ного характера. С другой стороны, имеет место использование вещи для получения наемной платы, что почти всеми авторами включается в пользование»⁸.

Приведенный вывод Д.И. Мейера о возможности использования в качестве критерия разграничения пользования и распоряжения «прекращения и разъединения права собственности, разъединения навсегда или на известное время» можно признать в целом верным. Вместе с тем следует учитывать и то, что осуществление субъективного права в ряде случаев влечет к возникновению иного субъективного права. Субъект права вступает в правоотношение, в результате чего у него возникает субъективное право для удовлетворения определенной потребности. Например, лицо, желающее удовлетворить потребность во владении и пользовании определенной вещью, заключает с ее собственником договор аренды. Собственник, передавая вещь во владение и пользование другому лицу, тем самым ограничивает содержание своего права собственности на данную вещь применительно к правам владеть и пользоваться вещью, т. к. несколько лиц, обладающих одинаковыми потребностями в отношении одной вещи, не могут их удовлетворить одновременно.

Представляется, что, передавая вещь по договору аренды, собственник реализует при этом право распоряжения вещью. Таким образом, можно провести четкую границу между реализацией прав пользования и распоряжения. Только осуществление права распоряжения приводит к возникновению нового субъективного права другого лица. Конечно, собственник-арендодатель получает плату за пользование арендатором его вещью. Однако это право реализует в рамках обязательственного отношения аренды, что исключает возможность рассматривать право на получение арендной платы как осуществление пользования — элемента вещного права.

Поскольку вселение лица в жилое помещение влечет возникновение у него субъективного права пользования, его следует рассматривать как реализацию правомочия распоряжения, входящего в содержание вещного права. Положения о порядке вселения в жилое помещение следует закрепить в статьях, посвященных правовому положению собственника, нанимателя, члена кооператива, членов семьи.

Единые критерии установления членства в семье представляется необходимым определить в ЖК РФ в рамках единого определения. Для решения поставленной задачи можно учесть положения жилищного законодательства государств — участников Содружества Независимых Государств (СНГ), в котором содержится единое определение понятие члена семьи⁹.

В целом анализ ЖК РФ и законодательства государств — участников СНГ позволяет обнаружить следующую зависимость: признание лиц членами семьи может как предполагаться, так и признаваться. Предполагается членство в семье следующих лиц: согласно ЖК РФ — проживающие совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника (ст. 31) и прожива-

ющие совместно с нанимателем его супруг, дети и родители (ч. 1 ст. 69). О том, что членство в семье предполагается, свидетельствует использование законодателем таких слов, как «к членам семьи ...относятся» (ч. 1 ст. 31 и ч. 1 ст. 69 ЖК РФ).

В законодательстве есть и другая категория членов семьи, которые «могут быть» признаны членами семьи. Так, согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов его семьи. Суды в таких случаях исходят из необходимости установления признаков семейных отношений. Так, решением Ленинского районного суда г. Саратова по делу о признании права пользования суд признал право пользования за братом одиноко проживающего нанимателя по договору социального найма на основе установления признаков семейных отношений: вели общее хозяйство, имели общий бюджет, совместно делали ремонт в квартире (суд не рассматривал вопрос о согласии наймодателя на вселение)¹⁰.

Российский законодатель использует критерий «в исключительных случаях» в ст. 31 и 69 ЖК РФ, говоря о лицах, не являющихся родственниками и нетрудоспособными иждивенцами. Это обстоятельство отражает стремление законодателя учесть не только интересы лица, в отношении которого решается вопрос о членстве в семье, но также интересы собственника и нанимателя. Однако использование такого критерия не представляется удачным, поскольку ставит положение этого лица в зависимость от усмотрения суда, собственника и нанимателя. Поэтому в законодательстве государств-участников СНГ используются иные критерии. Так, в ст. 29 ЖК Республики Беларусь используется два критерия: проживание не менее пяти лет совместно с нанимателем, собственником жилого помещения, членом организации граждан-застройщиков и ведение с ним общего хозяйства¹¹.

Очевидно, что вопрос о признании лица членом семьи может решать только суд (как это, например, закреплено в ст. 69 ЖК РФ). Хотя в законе Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г. № 94-І «О жилищных отношениях» употребляется выражение в «исключительных случаях», закреплены и формальные критерии такого признания: постоянное проживание с собственником и ведение с ним общего хозяйства не менее пяти лет¹². Однако установление конкретного срока проживания может негативно отразиться на правах таких членов семьи.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что различный подход законодателя к определению членства в семье является отражением возможностей правового регулирования семейных отношений. В одних случаях очевидность семейных отношений позволяет предполагать членство в семье, в других — требуется признание таких отношений судом, что вызвано необходимостью учета конкретных жизненных ситуаций. Но суд не может исключать наличие формальных критериев, обеспечивающих боль-

шую стабильность правового положения членов семьи. Однако представляется, что указание в определении на необходимость или возможность признания членом семьи вносит неопределенность в их правовой статус, т. к. возникает вопрос о субъекте такого признания и моменте возникновения прав и обязанностей у членов семьи (с момента признания или вселения). Вопрос о признании может возникнуть при реализации членами семьи своих прав и обязанностей или при осуществлении своих прав другими лицами, проживающими в данном жилом помещении. Признание в таком случае выступает в качестве способа защиты права в тех случаях, когда признание членами семьи позволяет суду сделать вывод о наличии субъективного права, т. е. фактически устанавливаются те юридические факты, которые лежат в основе возникновения субъективного права. Право на защиту служит элементом содержания любого субъективного права. Поэтому вопросы признания судом членами семьи связаны с осуществлением права на защиту, порядок реализации которого определяется процессуальным законом. Это говорит о том, что из определения членов семьи следует исключить формулировки: «признаются», «могут быть признаны».

Таким образом, представляется целесообразным в ЖК РФ включить статью следующего содержания:

«Статья 4.1 Члены семьи собственника, нанимателя жилого помещения, члена кооператива.

К членам семьи собственника, нанимателя жилого помещения, члена кооператива относятся проживающие совместно с ним:

его супруг (супруга), дети и родители;

другие родственники, а также нетрудоспособные иждивенцы, если ведут с ним общее хозяйство;

в исключительных случаях иные лица при условии ведения с ним общего хозяйства».

Закрепление в ЖК РФ единого определения понятия «член семьи» позволит решать вопросы членства в семье на основании единых критериев.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14.

² См.: Вишневская И.С. Советское жилищное право. Ростов н/Д, 1973. С. 48.

³ См.: Качалова И.В. Право совместного проживания (жилищные права членов семьи собственника, нанимателя и члена жилищного кооператива) // Право и политика. 2005. № 12. С. 137.

⁴ См.: Крюкова Е.С. Понятие и виды жилищных прав: учебное пособие. Самара, 2006. С. 15.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 41.

⁶ Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. 8-е изд., испр. и доп. М., 1997. Ч. 2. С. 19.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. 3-е изд., доп. М., 2007. С. 137.

⁹ См. ст. 29 Жилищного кодекса Республики Беларусь от 22 марта 1999 г. № 248-З. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksby/gilk> (дата обращения: 12.09.2009); ст. 58 Закона Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г. № 94-І «О жилищных отношениях». URL: <http://antifraud.narod.ru/zakonodRK.html> (дата обращения: 12.09.2009).

¹⁰ См.: Решение Ленинского районного суда г. Саратова от 1 декабря 2009 г. URL: http://leninsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&dtid=8 (дата обращения: 11.03.2010).

¹¹ См.: Жилищный кодекс Республики Беларусь от 22 марта 1999 г. № 248-З.

¹² См.: Закон Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г. № 94-І «О жилищных отношениях».

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

О.Ю. Бакаева*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Помимо мобилизации денежных фондов в виде таможенных фискальных доходов, финансовая деятельность таможенных органов проявляется и в распределении и использовании финансовых ресурсов государства. Исследование содержания деятельности таможенных органов как получателей и распорядителей бюджетных средств ставит задачу характеристики их статуса в данной области.

Юридические лица, полностью или частично финансируемые за счет средств бюджета, называются бюджетными. Обязательным условием отнесения их к данному статусу является открытие финансирования по бюджетной смете и ведение бухгалтерского учета и отчетности в порядке, предусмотренном для бюджетных учреждений, которые имеют два основополагающих признака: во-первых, создаются уполномоченными органами (государством, его субъектами, муниципальными образованиями); во-вторых, финансируются из бюджета или бюджетных фондов.

Организационно-правовая форма таможенных органов позволяет утверждать, что они являются учреждениями. Такой вывод следует из нормы ст. 120 Гражданского кодекса РФ, в которой устанавливается, что учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично. Гражданским законодательством определено, что бюджетные учреждения включаются в число некоммерческих организаций и выступают в качестве юридических лиц, а в соответствии с бюджетно-правовыми нормами (ст. 161 Бюджетного кодекса РФ) такой признак не называется. Поэтому бюджетным учреждением могут признаваться и субъекты, обладающие иной организационно-правовой формой.

Данное противоречие проецируется на таможенные органы, поскольку в их систему включены таможенные посты, не обладающие статусом

* Бакаева Ольга Юрьевна — профессор, заведующий кафедрой публичного права ГОУ ВПО «Саратовский государственный социально-экономический университет», доктор юридических наук.

юридического лица. Правомерен вопрос: являются ли они бюджетными учреждениями? Представляется, что да. Во-первых, они есть звено в системе таможенных органов, что подтверждено нормами Таможенного кодекса РФ. Во-вторых, они созданы для осуществления управленческих функций. В-третьих, таможенные посты финансируются из государственного бюджета. Следовательно, наделение их статусом бюджетных учреждений вполне логично.

Уникальность бюджетных учреждений таможенных органов состоит в том, что средства, выделяемые для их содержания из казны, должны быть в определенной степени заработаны. Об уровне эффективности работы таможенных органов свидетельствует и тот факт, что на каждый рубль, вложенный в развитие таможенной системы, в бюджет государства возвращается более 75 руб.¹, тогда как в начале становления таможенной системы чистый доход составлял 18 руб.² Такая «самокупаемость» принципиально отличает таможенные органы от других правоохранительных структур и сближает их с налоговой службой.

Итак, материальное обеспечение деятельности таможенных органов за счет бюджета Федерации является одним из признаков, характеризующих их как бюджетные учреждения. Согласно п.10 Положения о Федеральной таможенной службе (далее — ФТС России), финансирование расходов на содержание таможенной администрации осуществляется за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете, а также средств иных источников, установленных законодательством РФ³. Затраты на финансирование таможенных органов относятся к расходам бюджетной системы на содержание государственного аппарата. Известно, что повсюду в мире таможенная служба финансируется государством. В развитых странах на ее развитие тратится 1,0–1,5 % бюджетных средств.

В теории финансового права финансирование рассматривается как безвозвратная форма выдачи денежных средств, осуществляемая на принципах безвозвратности, целенаправленности, плановости. Анализируя современное законодательство и практику финансовой деятельности, Н.И. Химичева определила финансирование как правовой институт, который представляет собой «урегулированное правовыми нормами выделение (отпуск) государственных или муниципальных денежных средств, как правило, на безвозмездной и безвозвратной основе (за исключением установленных законодательством условий возвратности и возмездности), для деятельности и развития предприятий, организаций и учреждений соответственно их задачам и функциям»⁴. При этом обеспечение финансовыми ресурсами для субъектов, его осуществляющих, «будет являться распределением, перераспределением или использованием, а для других — получателей средств, — использованием ресурсов»⁵.

Сегодня в финансировании таможенных органов основополагающее место занимает бюджетный источник, а сами таможенные органы выступают субъектами бюджетных правоотношений. Материальное обеспече-

ние деятельности таможенных органов и их должностных лиц производится за счет бюджетного финансирования. При этом, как верно отмечает С.В. Запольский, «бюджетное учреждение, иной получатель денежных средств получает право быть профинансированным в полном объеме и даже право на компенсацию недофинансирования»⁶. Однако пока механизм, обеспечивающий полное исполнение бюджетных обязательств, законодателем не проработан.

До 2000 г. финансирование таможенных органов дополнительно осуществлялось за счет средств Фонда развития таможенной системы РФ. Он был образован в 1994 г. и являл собой целевой внебюджетный фонд. Согласно ст. 403 Таможенного кодекса РФ 1993 г., доходы фонда мобилизовывались за счет средств, полученных от реализации товаров, транспортных средств и иных предметов, обращенных в федеральную собственность на основании решений таможенных органов РФ либо судов (судей) по делам о контрабанде и иных преступлениях в сфере таможенного дела, нарушении таможенных правил, таможенных сборов, штрафов и других платежей (например, платы за информирование и консультирование). Средства фонда могли направляться на материальное поощрение сотрудников таможенных органов⁷, что, несомненно, являлось стимулом для низкооплачиваемых должностных лиц. Впоследствии его доходы направлялись не только на текущее содержание центрального аппарата Государственного таможенного комитета РФ, обеспечение личного состава, содержание образовательных учреждений, но и на финансирование расходов Вооруженных Сил РФ и правоохранительных органов. В 1999 г. фонд был консолидирован в федеральный бюджет, а в 2000 г. — ликвидирован.

Упразднение этого внебюджетного фонда привело к тому, что в настоящее время таможенные органы стали фактически приравненными к другим бюджетным учреждениям, которые финансируются из федерального бюджета и находятся в зависимости от его наполнения. Это в определенной степени препятствует оперативному решению текущих и специфических задач.

Как представляется, необходимость возрождения Фонда развития таможенной системы как целевого бюджетного фонда и одного из наиболее динамичных институтов финансового права обусловлена двумя основными причинами. Во-первых, сотрудники таможенных органов получают прямую заинтересованность в результатах своей работы. Кроме того, повышается и их ответственность, т. к. достаточное «финансовое обеспечение системы непосредственно будет зависеть от эффективности ее деятельности, что позволит повысить наполняемость доходной части бюджета»⁸. Во-вторых, денежные средства фонда могут помочь более оперативно решить проблемы, связанные с недостаточным финансированием из федерального бюджета. В процессе бюджетного финансирования таможенных органов приоритет отдается средствам нормативно-правового обеспечения организации таможенного оформления и таможенного контроля, тогда как процессы удовлетворения потребностей в материально-технической и

социально-бытовой сферах отодвигаются на второй план. И здесь именно средства фонда могли бы стать эффективным подспорьем для решения таких проблем.

Наряду с финансированием методом финансовой деятельности субъектов выступает кредитование. Государственные (муниципальные) кредитные отношения возникают по поводу получения или предоставления финансовых ресурсов. В отличие от финансирования денежные средства здесь выдаются на определенный срок на условиях гарантированной возвратности. Отношения такого рода складываются «в процессе привлечения, размещения государством (муниципальными образованиями) дополнительных финансовых ресурсов физических лиц и организаций на принципах добровольности, возвратности и возмездности»⁹. Вступление в кредитные отношения во всех случаях предопределяет необходимость погашения долга, поскольку «образование государственного внутреннего долга является своеобразным экономико-правовым следствием госкредитных отношений, а точнее — следствием функционирования государственного кредита и одним из юридических выражений последнего»¹⁰.

Названный метод был использован в финансовой деятельности Российского государства, которое 31 октября 2003 г. заключило Соглашение о займе № 4689-RU с Международным банком реконструкции и развития, в результате чего таможенным органам была выделена сумма в 140 млн долл.¹¹ Целью получения такого кредита стала реализация проекта «Модернизация информационной системы таможенных органов», предусматривающего комплексную модернизацию таможенного администрирования на основе новейших информационных технологий, направленную на содействие торговых отношений и повышение эффективности работы таможенных органов. Его итогом должна стать комплексная модернизация таможенного администрирования на основе новейших информационных технологий, направленная на содействие торговле и повышение эффективности работы таможенных органов. В графике возврата занятой суммы предусмотрен льготный период 5 лет и окончательный срок погашения кредита — 17 лет. По состоянию на 1 января 2009 г. из названной суммы было использовано 72,3 млн долл., а в течение 2009 г. предусматривалось освоение еще 38 млн долл.¹²

Данный кредит включен в Программу государственных внешних заимствований РФ, ежегодно закрепляемую законами о федеральном бюджете. Долговое обязательство, возникшее у Российской Федерации перед субъектом международного права, является внешним, долгосрочным, целевым и представляет собой кредитное соглашение, заключенное от имени Российской Федерации как заемщика, с международной финансовой организацией.

Значимость получения займа выражается в возможности повышения уровня эффективности деятельности таможенных органов, которые обязаны принимать исчерпывающие меры, в т. ч. направленные на совершен-

ствование информационных систем, обеспечивающих результативность таможенных технологий и борьбы с правонарушениями в области таможенного дела. Практика подтверждает, что нанесение ущерба бюджету и экономической безопасности страны осуществляется сегодня на основе «высокоинтеллектуальных динамичных схем нарушения таможенного законодательства, выявление которых остается порой за пределами возможностей, имеющихся в распоряжении оперативных подразделений»¹³. В целях успешного выполнения возложенных на них задач правоохранные подразделения таможен должны быть оснащены эффективными информационными комплексами оперативного назначения, идентичными или даже функционально лучшими, чем в существующих уже многие годы взаимодействующих с ними других правоохранительных органах. В немалой степени этому способствует привлечение денежных средств в качестве кредита.

Одним из важных направлений деятельности таможенных органов в этом ракурсе стала попытка внедрения электронного декларирования. К сожалению, ее нельзя признать успешной, поскольку стоимость компьютерной программы, разработанной в недрах таможенного ведомства и позволяющей ее использовать хозяйствующим субъектам, исчисляется десятками тысяч долларов. Такую сумму может позволить уплатить далеко не каждый участник экспортно-импортных операций, особенно в регионах. Пробуксовка внедрения электронного декларирования обусловлена нежеланием участников экспортно-импортных операций нести дополнительные расходы на приобретение соответствующего программного обеспечения. Использовать эту систему в настоящее время могут лишь состоятельные субъекты внешней торговли. Так, в 2008 г. с помощью этой технологии было оформлено всего 2,5 тыс. электронных деклараций — около 5 % от общего числа¹⁴. Однако без использования данного способа декларирования время таможенного оформления и выпуска товаров многократно возрастет. В данной связи ФТС России следует обратить пристальное внимание на причины, тормозящие процесс внедрения электронного декларирования и их реальное устранение. Важным представляется максимальное снижение стоимости данного программного продукта с одновременной его пропагандой и продвижением на рынок субъектов внешнеторговой деятельности.

В процесс модернизации включено абсолютное большинство таможенных органов мира. Так, в США благодаря модернизации таможенные органы имеют возможность использовать семь компьютерных систем:

автоматизированная коммерческая система (ACS), предназначенная для сбора данных по грузам и официальным документам;

межведомственная компьютерная пограничная система (IBIS) — государственная наблюдательная система за гражданами, въезжающими в страну и покидающими пределы США;

компьютерная система (TECS), разработанная как система по информированию Министерства финансов о взысканиях платежей за нарушения торговых норм;

компьютерная система (ABI) — система обмена данных для сотрудничества с административными и транспортными структурами в сфере международной торговли;

компьютерная система (AES), предназначенная для сбора данных по экспорту и автоматизации связанных с ним операций и процедур, а также представления отчетов Правительству страны;

компьютерная система (AIMS), обеспечивающая управление материальными средствами, анализ операций хозяйственной деятельности на местах и получение обобщенных данных;

компьютерная система, обеспечивающая обучение персонала¹⁵.

В ряде развивающихся стран (Перу, Мозамбик, Филиппины) процесс модернизации закончился к середине 90-х гг. XX в. и был поддержан кредитами Мирового банка, а также частными финансами. Кроме того, в Перу финансовая независимость таможенной службы была обеспечена также трехпроцентными отчислениями от сборов, которые направлялись на совершенствование собственной деятельности. Спонсором программы реформирования таможенных органов Мозамбика выступило Правительство Великобритании¹⁶.

Между тем не представляется возможным обойти вниманием и негативные проявления использования Российским государством метода кредитования. По справедливому мнению Е.В. Покачаловой, денежные средства, используемые в качестве кредитных, подлежат обязательному возврату, причем с уплатой процентов за пользование ими, а, учитывая, что основным источником погашения долговых обязательств и расходов по их обслуживанию выступает бюджет, данное обстоятельство реально может привести к росту налогов¹⁷. Чрезмерный рост внешнего долга опасен для государственной казны, денежно-кредитной системы страны, ее международной кредитоспособности.

Названный дефект кредитных отношений приобретает особую актуальность вследствие того, что заемная государством сумма в 140 млн долл. не представляется нам так необходимой, достаточной для фигурирования ее в качестве объекта кредита. В момент кредитования, в 2003 г., таможенники ежедневно перечисляли в казну государства 165 млн долл.¹⁸ Следовательно, в принципе внешний долг государства был соразмерен в финансовом аспекте одному дню работы всех таможенных органов России. Правомерен вопрос: стоило ли вступать в кредитные отношения, если названный объем финансовых ресурсов сравнительно невелик?

Кроме того, привлечение денежных средств на условиях кредита косвенным образом должно свидетельствовать о недостаточности внутренних резервов. Нормой ст. 103 Бюджетного кодекса РФ определено, что государственные внешние заимствования осуществляются для целей покрытия дефицита бюджета, что не соответствовало реалиям 2003–2004 гг.

Образовавшийся в 2000 г. профицит бюджета имел явную тенденцию к росту и сохранялся вплоть до 2008 г. Принимать на себя долговые обязательства в такой ситуации было, по нашему мнению, не только неразумным, но и противоправным — противоречащим указанному положению Бюджетного кодекса РФ.

На наш взгляд, при решении вопроса о необходимости кредита следует исходить из совокупности следующих факторов:

соответствие нормам действующего бюджетного законодательства;
значимость программы для развития той или иной сферы (отрасли);
невозможность достижения соответствующей цели путем привлечения бюджетных средств;

целесообразность заключения соглашения о займе с конкретным субъектом (государством, международной финансовой организацией, банком);
достаточность суммы кредита для решения поставленных задач;
анализ и планирование расходов по обслуживанию кредита;
оценка реальной возможности погашения кредита.

Полное, всестороннее и комплексное исследование данных факторов, положительное заключение по каждому из них может стать основанием для решения вопроса о необходимости вступления в кредитные отношения.

¹ См.: Дудкова В. Итоги с поправкой на кризис // Таможня. 2009. № 6 (221). С. 2.

² См.: Листопад А.Д. Финансовая деятельность таможенных органов Российской Федерации. М., 1996. С. 9.

³ См.: Положение о Федеральной таможенной службе: утв. постановлением Правительства РФ от 26 июля 2006 г. № 459 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 32, ст. 3569.

⁴ Финансовое право: учебник / отв.ред. Н.И. Химичева. М., 2003. С. 633 (автор главы — Н.И. Химичева).

⁵ Дмитрик О.А. Содержание и классификация финансовых правоотношений / под ред. Н.П. Кучерявенко. Харьков, 2004. С. 149.

⁶ Запольский С.В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. М., 2008. С.81.

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 28 февраля 1994 г. № 173 «Об утверждении Положения о внебюджетном фонде развития таможенной системы Российской Федерации» // САПП РФ. 1994. № 10, ст. 792. В настоящее время утратило силу.

⁸ Лозбенко Л.А. Совершенствование управления таможенной деятельностью и повышение ее эффективности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1996. С. 21.

⁹ Финансовое право Российской Федерации: учебник / отв. ред. М.В. Карасева. М., 2004. С. 450–451 (автор главы — Е.Ю. Грачева).

¹⁰ Покачалова Е.В. Управление государственным долгом Российской Федерации: теоретико-правовые проблемы // Правоведение. 2001. № 4. С. 113.

¹¹ См.: Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 186-ФЗ «О федеральном бюджете на 2004 год». Приложение 26 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 52, ч. 1, ст. 5038.

¹² См.: Федеральный закон от 24 ноября 2008 г. № 204-ФЗ «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010–2011 годов». Приложение 23 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 48, ст. 5499.

¹³ Жихарев А.В. Программа информатизации правоохранительной деятельности // Таможенная служба России на защите экономических интересов страны: материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2003. С. 157.

¹⁴ См.: Дудкова В. Указ. соч. С. 2.

¹⁵ См.: Кухаренко В.Б. Управление модернизацией таможенной службы. М., 1998. С. 136–138.

¹⁶ См.: Там же. С. 150–164.

¹⁷ См.: Покачалова Е.В. Разграничение бюджетных полномочий органов власти в сфере государственного долга // Россия на пути реформ: федеральный и региональный аспекты: в 2 кн. / под ред. С.Ю. Наумова. Саратов, 2003. Кн. 2. С. 67–68.

¹⁸ См.: Таможня. 2004. № 23. С. 6.

Н.Н. Лайченкова*

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ НАЛОГОВЫХ СТИМУЛОВ КАК ФАКТОРА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное финансовое право в целом и налоговое право как подотрасль финансового в частности представляет собой комплекс норм, который является предметом многочисленных споров, научных дискуссий и диспутов. Основная причина подобного интереса скрывается в том, что именно эта отрасль регулирует общественные отношения, в рамках которых наиболее часто происходит столкновение интересов частных и публичных.

«Граница между сферами частного и публичного интереса динамична и устанавливается законодателем. Установление границ государственного регулирования экономики составляет проблему сочетания (обеспечения) баланса публичных и частных интересов в экономической сфере»¹. Следует отметить, что подобная проблема отнюдь не нова для современной России, однако современное государственное регулирование отличается от регулирования прошлых периодов.

«Если советское законодательство и судебная практика исходили из приоритета интересов государства над частными интересами субъектов экономической деятельности, то в последнее десятилетие, напротив, наблюдалось стремление отказаться от всеобъемлющего контроля государства как атрибута административно-командной системы и делался расчет исключительно на саморегулируемость общества, что привело к уменьению значимости публичных интересов и гипертрофии интересов частных»².

Думается, что не стоит столь категорично относиться к имеющемуся сегодня желанию государства в большей мере удовлетворять интересы частных субъектов, тем более, что в некоторых сферах это жизненно необходимо для нормального развития государства. Так, например, трудно переоценить значимость подобных действий в налогово-правовом регулировании общественных отношений. Баланс интересов частных и публичных в налогообложении — залог эффективного развития экономики Российской Федерации и достижения всеобщего благосостояния. Основным инструментом достижения указанного баланса традиционно считают налоговые стимулы. Не останавливаясь подробно на их сущности, хотелось бы уделить внимание функциям, которые они выполняют.

Под *функциями налоговых стимулов* следует понимать направления правового воздействия на процессы, происходящие в сфере налоговых правоотношений, предопределяемые потребностью развития налоговой системы и государства в целом с целью повышения социальной ак-

* Лайченкова Наталья Николаевна — доцент кафедры публичного права ГОУ ВПО «Саратовский государственный социально-экономический университет», кандидат юридических наук.

тивности налогоплательщиков, достижения осуществления ими социально полезной деятельности средствами, исключая государственное принуждение.

В силу того, что налоговые стимулы являются разновидностью стимулов правовых, изучение функций осуществляется на основе общетеоретических разработок, имеющих на данный момент в российской правовой науке. Функции налоговых стимулов могут выражаться в развитии и совершенстве налоговых отношений, сдерживании позитивными средствами антиобщественных явлений, в росте производительности и развитии творческих начал личности, ее сознательности и самостоятельности. Среди функций налоговых стимулов как разновидности стимулов правовых, которые рассматривались и изучались ранее рядом ученых³, можно выделить мотивационную, гарантирующую, воспитательную, коммуникативную (или информационную), идеологическую, функцию социального контроля и др.

Мотивационная функция (согласно позиции Е.Н. Лебедевой психологическая⁴) налоговых стимулов, являющихся синтезом «информационных и психологических закономерностей»⁵, заключается в воздействии, которое оказывает нормативная налоговая информация на внутренний мир человека: его интересы, потребности, цели, мотивы, волю, установку и т. п. Стимулы воздействуют на сознание и поведение людей и формируют побудительные мотивы правомерного поведения. Они являются мерами информационно-психологического характера, основанными на юридических нормах, которые, в свою очередь, мотивацию поведения не определяют.

Смысл стимула в данном аспекте состоит «в том, чтобы у субъекта сформировать положительную мотивацию сознательного социально-активного поведения, заинтересовать его в достижении желаемого результата и получении дополнительных благ»⁶. Так, например, налоговый иммунитет согласно конвенционному и национальному праву предоставляется дипломатическим и консульским должностным лицам в целях наиболее эффективного исполнения ими своих служебных обязанностей. Наличие подобной правовой нормы изначально формирует в указанных субъектах желание исполнять свои обязанности, возложенные на них в соответствии с их правовым статусом, согласно закону с максимальным уровнем общественной значимости. Аналогично формируют мотивацию поведения человека налоговые льготы и налоговые поощрения.

Воспитательную функцию необходимо отличать от функции мотивационной, или информационно-психологической. В этой связи необходимо привести мнение Л.И. Петражицкого, который считал, что действие права «состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержанием (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще, в воспитании народной психики в соответствующем характеру и

содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)»⁷. Данная функция направлена на воспитание в сознании гражданина ценностных представлений в сфере права, правовое просвещение, знание правоприменителем нормативных предписаний. Она заключается в воспитании чувства уважения к закону, повышении авторитета права, а также в пропаганде основных идей права. В качестве социального регулятора, тесно связанного с иными нормативными системами общества — традиционной (обычной), нравственной, религиозной (конфессиональной), право оказывает воспитательное воздействие на поведение субъектов как через отдельные нормы, институты и механизмы (запреты, дозволения, поощрения, убеждение), так и в целом как самостоятельный фактор духовной жизни страны. Воспитательная функция отражает реальные возможности права выступать в качестве средства преобразований в сфере общественного сознания, закрепления и передачи общественно-го опыта, утверждения ценностей и норм жизни, формирования привычки к соблюдению социальных норм, развития общественно-политической активности масс. Воспитательная функция, прежде всего, является средством, обеспечивающим усвоение и принятие права, закрепляющего и гарантирующего социально-экономические, политические, идеологические, моральные ценности общества как системы принципов и норм, выражающей требования определенного поведения, предъявляемые обществом к личности.

Следует отметить, что некоторые авторы в процессе разработки вопроса стимулирования и применения отдельных видов стимулов в частности, а также проблемы функций права в целом именуют данную функцию *идеологической*, вкладывая в нее аналогичный смысл⁸.

Стимулирование посредством поощрения, льготирования играет важную роль в формировании правосознания и надлежащего уровня правовой культуры налогоплательщика. Ю.В. Голик считает, что «право само по себе — мощный воспитатель, но воспитатель только с дубинкой в руках (наказание) не может вызвать добрых чувств, поэтому в идейно-воспитательном потенциале права поощрение должно играть свою немалую роль»⁹.

В некоторых случаях нормы налогового права непосредственно стимулируют плательщика к активным позитивным действиям, воспитывая в нем социальную активность. Так, согласно п. 4 ст. 217 Налогового кодекса РФ освобождаются от налогообложения вознаграждения донорам за сданную кровь, материнское молоко и иную помощь. Такого рода поощрение за заслуженное поведение вызывает у человека положительный психологический настрой, чувство удовлетворения, являет образец добросовестной деятельности и вдохновляет людей на проявление инициативы.

Гарантирующая функция заключается в том, что налоговые стимулы обеспечивают осуществление иных прав и обязанностей и не только в сфере налогообложения. Налоговые стимулы создают определенные условия, делающие права граждан, организаций реальными и служат факторами надежности таких прав.

Также в системе налогов и сборов РФ имеются налоговые поощрения, которые необходимы для того, чтобы стимулировать социально полезные действия лица посредством обещания соответствующих выгодных последствий. Это положение, касаемое доходов налогоплательщиков, перечисляемых на благотворительные цели организациям образования, культуры, здравоохранения, спорта, а также религиозным организациям, закреплено в подп. 1 п. 1 ст. 219 Налогового кодекса РФ.

В наибольшей степени гарантирующая функция налоговых стимулов проявляется в отношении предоставления налогового иммунитета дипломатическим и консульским работникам. Освобождение от всех фискальных платежей вышеуказанным лицам, которое имеет место лишь в период осуществления ими своих должностных обязанностей, — гарантия выполнения ими своих функций в полной мере и с наибольшим уровнем эффективности. Как указано в Венской конвенции о консульских сношениях «привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгод отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления консульскими учреждениями функций от имени государства»¹⁰.

Таким образом, налоговые стимулы позволяют «наполнить реальным содержанием провозглашенные российским законодательством права человека и гражданина, соотнести их с той системой благ и с теми процессами, которые происходят в современном обществе, являясь одним из средств механизма их реализации, претворения в жизнь»¹¹.

Функция социального контроля. Социальный контроль — основа стабильности общественной жизни. «Целью социального контроля является обеспечение такого поведения личности, которое соответствует принятым нормам поведения и системе ценностей с учетом стабильности функционирования общества как динамично развивающейся системы»¹². Проще говоря, цель социального контроля состоит в воспроизведении субъектами социально значимого поведения и его оценке. Социальный контроль направлен на решение двуединой задачи — достижение и поддержание стабильности социальной системы, элементом которой является контролируемый индивид, и в то же время обеспечение позитивного развития этой социальной системы.

По мнению Ю.И. Гревцова, многие авторы отождествляют социальный контроль и меры принуждения. В таких случаях социальный контроль сводится к применению негативных санкций¹³, имеет регулятивный аспект и включает в себя разнообразные формы воздействия на нежелательные для него проявления человеческой деятельности и их носителей. Однако не менее важен и конструктивный аспект социального контроля, который заключается в «способствовании» позитивным социальным изменениям в обществе, «содействии» его прогрессу. Социальный контроль охватывает систему мер, включающую в себя стимулы в целом и льготы, поощрения (как позитивную санкцию) и т. д. В частности, по мнению А.В. Малько, поощрения «координируют ту или иную деятельность лиц, мягко «уво-

дят» от правоотклоняющегося поведения и одновременно позитивно активизируют субъектов»¹⁴.

Социальный контроль не может пониматься лишь как санкционный механизм, в котором гипертрофированную роль играют негативные санкции. В настоящее время в нашем государстве, в отечественной правовой системе акцент переносится с репрессивных санкций на позитивные. Использование позитивных стимулов исходит из принципа доверия к личности и ориентировано, в первую очередь, на моральную мотивацию общественно одобряемого поведения, на апелляцию к сознанию и чувствам индивида посредством рационального разъяснения или эмоционального влияния. Социальный контроль, реализующий вариант добровольного выполнения социальных норм, универсален, экономичен и наиболее эффективен и приемлем для демократического общества.

Социальный контроль на данном этапе развития российского государства постепенно смещается из сферы прямого государственного воздействия в область косвенного регулятивного влияния на поведение индивидов посредством использования правовых стимулов, что приводит к естественной саморегуляции всех членов общества.

Все вышесказанное в полной мере относится и к проблеме применения стимулов в сфере налоговых правоотношений.

Коммуникативная функция заключается в том, что правостимулирующие средства выражают собой юридическую информацию, «содержат конкретные сообщения, поступающие от субъекта управления (законодателя, правоприменителя) к объекту (физическим и юридическим лицам) и служат тем самым особого рода способом связи между ними»¹⁵. Реализация данной функции связана с доведением до сведения заинтересованных лиц необходимых сведений (правовой информации), с фактом обладания которой связывалась как реализация законных интересов субъекта, так и привлечение его к юридической ответственности за правонарушение. Ведь право в целом представляет собой определенный массив информации — о правовом и неправовом, законном и незаконном, правомерном и неправомерном, о содержании правовых категорий и т. д. Воздействие состоит в том, что право доносит эту информацию до человека, через определенные источники — законы, постановления, указы и т. д. — люди получают информацию о социальных возможностях и последствиях того или иного поведения, что помогает им достигать поставленных целей в рамках существующего правопорядка.

Некоторые специалисты, не меняя основной сути функции, называют ее информационной. Так, Е.Н. Лебедева считает, что «стимулы выступают связующим звеном как носители юридически значимой информации от законодателя к правоприменителю. Информационная функция заключается в доведении до сведения граждан, которые еще не вступили в правостимулирующие отношения, о стимулируемом, поощряемом поведении и его правовых последствиях»¹⁶.

В то же время следует констатировать, что не все теоретики с этим согласны. Так, например, С.В. Бутузов говорит о том, что «правовая информация и правовая коммуникация выступают в качестве взаимосвязанных и взаимно обуславливающих, но не тождественных явлений. Правовая информация включает в себя сведения юридического характера, позволяющие субъекту уяснить ситуацию, осуществить ее оценку, выработать внутреннее психическое отношение к ней и на этой основе избрать соответствующий вариант поведения. В свою очередь, коммуникация предполагает юридически значимые отношения, возникающие между обладающими той или иной правовой информацией субъектами. Таким образом, правовая информация является предпосылкой правовой коммуникации»¹⁷. Однако сам факт того, что ученый говорит об их взаимосвязи, позволяет нам рассматривать коммуникативную и информационную функции в аспекте рассмотрения проблемы функций налоговых стимулов как некий конгломерат, достигающий своего назначения лишь в совокупности.

От своевременного и полного получения налогоплательщиком юридически значимой информации во многом зависят действенность стимулов и эффективность поведения плательщика, а также контроль за таким поведением со стороны государственных органов. Информативное воздействие налоговых стимулов на налогоплательщика и восприятие им такого рода информации осуществляется в процессе ознакомления со стимулирующими средствами, имеющимися в налоговом праве. Плательщик налогов, получая информацию о налоговых стимулах, осознает ее, прежде всего, сквозь призму личностного значения подобных правовых средств. До стимулируемого субъекта в первую очередь необходимо довести необходимую для правового регулирования информацию, ознакомить его с позитивными результатами процесса применения налоговых стимулов, определить возможности и перспективные пути совершенствования правовой реальности. Лишь в данном случае использование со стороны государства налоговых стимулов достигнет позитивных результатов. Ведь вряд ли возможно достижение целей налогового стимулирования, если участники налоговых правоотношений в необходимой мере не информированы о своих правах и обязанностях, если они даже не имеют возможности получить необходимые сведения, которые должны содержаться в источниках права как носителях юридически значимой информации. Как сказал М.Ф. Орзих, «юридическая информация, которую получает личность, эмоциональные состояния, связанные с восприятием и переработкой этой информации в различной степени, но всегда связаны»¹⁸.

Не следует забывать, что все вышеперечисленные функции взаимосвязаны и в любое время могут переходить одна в другую. И лишь в комплексе, в совместном действии они смогут влиять на процессы, именуемые в налоговых отношениях налоговым стимулированием.

В целом характеристика функций налоговых стимулов помогает глубже и всестороннее понять их природу и содержание, выработать основные условия и правила их применения. Для налогоплательщика, прежде всего,

необходимо знать, понимать и для себя уяснить на психоэмоциональном, внутреннем уровне, на что направлено действие налоговых стимулов, каким образом они функционируют и какие последствия они влекут. Именно это отражено в их функциях, изучение которых требует тщательного анализа и разработки.

¹ Курбатов А.Я. Обеспечение баланса частных и публичных интересов — основная задача права на современном этапе // *Хозяйство и право*. 2001. № 6. С. 88–89.

² Цветков И.В. К вопросу о соблюдении баланса публичного и частных интересов при разрешении арбитражными судами экономических споров // *Арбитражная практика*. 2001. № 7. С. 33–34.

³ См., например: Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 26–32; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // *Правоведение*. 1998. № 3. С. 140; Морозова И.С. Льготы в российском праве (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 49–52.

⁴ См.: Лебедева Е.Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 13.

⁵ Малько А.В. Механизм правового регулирования // *Правоведение*. 1996. № 3. С. 56.

⁶ Гущина Н.А. Содержание обеспечительных средств российского права // *Право и политика*. 2005. № 2. С. 15.

⁷ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1909. С. 3.

⁸ См., например: Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 17.

⁹ Голик Ю.В. Указ. соч. С. 29.

¹⁰ *Международное публичное право: сборник документов*. М., 1996. Т. 1. С. 188–206.

¹¹ Морозова И.С. Указ. соч. С. 50.

¹² Гущина Н.А. Указ. соч. С. 9.

¹³ См.: Гревцов Ю.И. Право как инструмент социального контроля // *Социология права* / под ред. В.М. Сырых. М., 2001. С. 264.

¹⁴ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // *Правоведение*. 1998. № 3. С. 140.

¹⁵ Малько А.В. Поощрение как правовое средство // *Правоведение*. 1996. № 3. С. 29.

¹⁶ Лебедева Е.Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 41.

¹⁷ Бутузов С.В. Информационная функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

¹⁸ Орзих М.Ф. Личность и право. М., 1975. С. 60.

В.В. Попов*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Налоговая политика, выступая разновидностью финансовой политики, являющейся, в свою очередь, видом государственной политики, играет значительную роль в экономике Российского государства. При этом государство, проводя налоговую политику, осуществляет налоговую деятельность, т.е. деятельность по реализации фискальной, регулирующей, распределительной и контрольной функций налогов.

В Бюджетном послании «О бюджетной политике в 2010–2012 годах», с которым выступил Президент РФ Д.А. Медведев, в рамках финансово-

* Попов Василий Валерьевич — доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат юридических наук.

экономической политики на ближайшие три года заложены и ориентиры налоговой политики. В нем отмечается, что «налоговая политика должна быть нацелена на решение двух основных задач — модернизацию российской экономики и обеспечение необходимого уровня доходов бюджетной системы»¹.

Самостоятельным видом государственной политики выступает правовая политика как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры, жизни общества и личности². В таком случае можно говорить о финансово-правовой политике, а, значит, и о налогово-правовой политике, исходя из структуры системы финансового права.

Таким образом, налогово-правовая политика — это разновидность государственной финансово-правовой политики в области налогообложения, связанная с правовой регламентацией налоговой деятельности государства.

Поскольку для сферы финансов характерна реализация правового регулирования на трех территориальных уровнях власти: федеральном, региональном и местном, налогово-правовое регулирование также осуществляется трехуровнево, что обусловлено структурой системы налогов и сборов РФ. На Министерство финансов РФ возложена выработка государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере налоговой деятельности, т.е. непосредственно самой налогово-правовой политики, а также координация и контроль деятельности находящейся в его ведении Федеральной налоговой службы³.

В свою очередь, Федеральная налоговая служба исполняет функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов и т. д.⁴, т.е. обеспечивает реализацию налогово-правовой политики, проводимой Минфином России.

Между тем установление видов налогов и сборов на территории Российской Федерации, их введение на различных территориальных уровнях, определение отдельных элементов налогообложения в пределах компетенции — это монопольное право законодательных (представительных) органов власти, среди которых основополагающая роль отводится Федеральному Собранию РФ.

Воплощение содержания налогово-правовой политики можно наблюдать во многих нормативно-правовых актах по вопросам налогообложения, однако непосредственное законодательство о налогах и сборах формируют только Налоговый кодекс РФ, принятые в соответствии с ним федеральные законы о налогах и сборах, законы о налогах и сборах субъ-

ектов Федерации, нормативные правовые акты представительных органов местного самоуправления о местных налогах и сборах. Что касается нормативно-правовых актов федеральных, региональных и местных исполнительных органов власти по вопросам налогов и сборов, они не могут ни изменять, ни дополнять законодательство о налогах и сборах.

Налогово-правовая политика в соответствии со структурой налогового права может подразделяться на налогово-правовую политику в сферах: установления, введения и взимания налогов и сборов на территории Российской Федерации; осуществления налогового контроля; обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц; привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений и т. д.

Как известно, в основе любой деятельности государства лежат определенные руководящие начала или принципы, на которых основывается или к которым стремится то или иное государство. Определяющее значение в проведении налогово-правовой политики принадлежит правовым принципам, определяющим объемы распределения компетенции между органами государственной власти и органами местного самоуправления в области налогообложения и соотношения публичных интересов государства (муниципальных образований) и частных интересов налогообязанных субъектов.

Принципы налогово-правовой политики основываются на общетеоретических правовых принципах: демократизма, гуманизма, равноправия, законности, уважения прав человека и т. д., а также отраслевых принципах финансового права, отражающих направленность финансовой деятельности.

К основным общеотраслевым принципам финансового права относятся следующие принципы: приоритета публичных интересов в правовом регулировании отношений в области финансовой деятельности государства и муниципальных образований; социальной направленности финансово-правового регулирования; единства финансовой политики и денежной системы; федерализма; равноправия субъектов РФ в области финансовой деятельности; самостоятельности финансовой деятельности органов местного самоуправления; участия граждан Российской Федерации в финансовой деятельности государства и местного самоуправления; распределения функций в области финансовой деятельности на основе разделения законодательной (представительной) и исполнительной властей; плановости; законности; гласности и др.⁵

К непосредственным принципам осуществления налогово-правовой политики, в т.ч. отраженным в Конституции РФ и Налоговом кодексе РФ, можно отнести:

сочетания общефедеральных интересов с интересами субъектов Федерации в области налогообложения (ст. 71, 72 Конституции РФ);

самостоятельности субъектов Федерации и муниципальных образований в области введения и взимания налогов и сборов, отнесенных законо-

дательством о налогах и сборах к их компетенции (ст. 73, 132 Конституции РФ)⁶;

законодательного установления налогов и сборов;

экономической обоснованности установления налогов и сборов;

осуществления налоговой деятельности как органами законодательной (представительной) власти, так и органами исполнительной власти в пределах их полномочий;

недискриминационности налогообложения;

оптимального соотношения интересов налогоплательщиков и плательщиков сборов, с одной стороны, и государства (муниципальных образований), с другой стороны;

равенства защиты прав и интересов государства (муниципальных образований) и налогоплательщиков;

стабильности законодательства, регулирующего сферу установления, введения и взимания налогов и сборов;

уплаты организациями и физическими лицами только законно установленных налогов и сборов;

неотвратимости наказания за нарушения законодательства о налогах и сборах не только для налогоплательщиков, но и органов государственной власти и местного самоуправления и их должностных лиц;

законодательного закрепления налоговых отчислений в бюджеты различных территориальных уровней⁷;

классификации налогов и сборов относительно бюджетов бюджетной системы РФ;

оптимального соотношения прямых и косвенных налогов в системе налогов и сборов РФ;

простоты сбора налогов⁸;

справедливости установления налогов и сборов и их ставок по отношению к организациям и физическим лицам и др.

Конечно же, не все из перечисленных принципов реализуются на практике в действительности. Так, фискальные интересы Федерации доминируют над интересами субъектов РФ и муниципальных образований; наблюдается превалирование публичных интересов в сфере налогообложения над частными интересами налогоплательщиков; законодательство о налогах и сборах является крайне нестабильным, пробельным и противоречивым и т. д. Однако закрепление таких принципов необходимо, поскольку они обуславливают направления движения Российского государства в сфере налогообложения.

В настоящее время наметились отдельные приоритетные направления налогово-правовой политики. В частности, 25 мая 2009 г. Правительством РФ были одобрены Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 гг.⁹, что позволяет сделать налоговую, а значит, и налогово-правовую политику Российского государства достаточно прогнозируемой.

В трехлетней перспективе приоритеты государства в области налогово-правовой политики связаны, прежде всего, с созданием оптимальной системы налогов и сборов, сохранением сложившегося налогового бремени, дальнейшей либерализацией законодательства о налогах и сборах, необходимостью повышения качества налогового администрирования и эффективности основных взимаемых налогов и сборов, оптимизацией применения налоговых льгот и т. д.

Отдельные приоритеты налогово-правовой политики государства уже постепенно реализуются. Так, в Бюджетном послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ «О бюджетной политике в 2009–2011 годах»¹⁰ указывается на необходимость включения в Часть вторую Налогового кодекса РФ отдельной главы, связанной с взиманием налога на жилую недвижимость, исчисляемого от рыночной цены объекта недвижимости, с сохранением налогового бремени в отношении малообеспеченных граждан на существующем уровне. Планируется внесение соответствующего законопроекта в Государственную Думу в 2010 г. и введение налога в 2011–2012 гг. При этом предполагается создать государственный кадастр недвижимости, а также установить порядок определения налоговой базы, в качестве которой должна выступать кадастровая стоимость объектов недвижимости.

С 1 января 2010 г. был отменен единый социальный налог в связи с его заменой страховыми взносами на обязательное пенсионное страхование, обязательное медицинское страхование и обязательное социальное страхование в соответствии с проводимой пенсионной реформой. В отношении налога на доходы физических лиц проводимые новации касаются увеличения налоговых вычетов и носят социально ориентированный характер. Применительно к специальным налоговым режимам усиливается стимулирующая и социальная составляющие со снижением их фискальной направленности. Планируется усовершенствование критериев на право применения специальных налоговых режимов.

В целях улучшения налогового администрирования предлагается упрощение порядка налогового учета налогоплательщиков и плательщиков сборов, уточнение положений об ответственности субъектов налоговых правоотношений за совершение налоговых правонарушений.

Также возможны изменения законодательства о налогах и сборах в части урегулирования процедур досудебного обжалования в части сроков рассмотрения жалоб налогоплательщиков.

Таким образом, на настоящий момент можно констатировать, что Российское государство все же стремится к определенной последовательности в проведении налогово-правовой политики, в частности, связанной с оптимизацией законодательства о налогах и сборах, устранением его пробельности и сложности применения.

¹⁰ Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 мая 2009 г. «О бюджетной политике в 2010–2012 годах» // Парламентская газета. 2009. 29 мая.

² См.: Малько А.В. Правовая политика и российское законодательство XXI века // Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. М., 2002. С. 30.

³ См.: пп. 1, 2 Положения о Министерстве финансов Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3258; 2009. № 31, ст. 3953.

⁴ См.: п. 1 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40, ст. 3961; 2009. № 30, ст. 3805.

⁵ См.: Покачалова Е.В., Химичева Н.И. Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2006. С. 446–453.

⁶ См.: ст. 14–16 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822; 2009. № 52, ч. 1, ст. 6441; ст. 1, подп. «д» п. 2 ст. 5 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005; 2009. № 51, ст. 6163.

⁷ См.: Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. 3-е изд. М., 1937. С. 9–10.

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. Кн. 5. С. 588–589.

⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 23 июня 2008 г. // Вестник государственного социального страхования. Социальный мир. 2008. № 9 (извлечения).

ЛИНГВИСТИКА

Т.А. Александрова*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Вопросы взаимодействия языка и культуры являются одновременно традиционными и актуальными. Традиционность их обусловлена тем, что рождение современного языкознания в начале XIX в. сопровождалось известным интересом к вопросу об отношении языка к культуре. Но, несмотря на постоянное внимание к этой теме, многое здесь остается спорным и нерешенным, причем отдельные лингвокультурологические проблемы были поставлены недавно, а другие ждут будущей постановки, тем более что в наше время интерес к феномену культуры заметно возрос. Так, принципиально важным, например, был и остается вопрос о единицах культуры, так или иначе сопряженных с языком.

С коммуникативной точки зрения, культура рассматривается в терминах семиотической теории и приравнивается к языку. Основы такого подхода были заложены У. Гудинафом, считавшим, что культура — это определенная сумма знаний или, точнее, моделей интерпретации того, что говорят и делают люди¹. Согласно социологической точке зрения, культура есть качественная характеристика общества и его развития на пути к прогрессу при активном участии в нем общественного индивида. Единицами культуры в данном случае считаются духовные и материальные ценности общества². Существует и функциональный подход к пониманию культуры как структурированной системы моделирования поведения³. Единицами культуры в данном случае признаются модели поведения человека в обществе.

Изучение структурных характеристик культуры вызвало дискуссию о том, является ли язык принадлежностью культуры. Э. Сепир, например, определял культуру как «то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают»⁴. Б. Уорф считал, что язык является «своего рода неотъемлемой частью нашей культуры»⁵. Противоположное мнение высказывает Л.Б. Никольский: «Культура, принадлежавшая одному народу, при известных условиях может быть выражена не одним, а двумя языками.

* Александрова Татьяна Анатольевна — доцент кафедры английского и испанского языков ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат филологических наук.

Однако этносы, имеющие общие культурные традиции, могут говорить на разных языках. Таким образом, нестрогое соответствие культуры и языка не позволяет считать язык частью культуры»⁶.

Понимание того, что язык неразрывно связан с культурой, заставляет многих исследователей говорить о культуре как о факторе существования и развития языка. Зависимость между языком и культурой рассматривал Э. Сепир, считавший, что между формальной стороной языка, к которой он относил звуки, морфемы и проч., и культурой взаимосвязь полностью отсутствует, как отсутствует она между результатом какого-либо действия и инструментом совершения этого действия. Однако содержательная сторона языка неразрывно связана с культурой, причем между культурой и содержанием языковых единиц существуют как поверхностные, так и глубинные связи. Ученый отмечает, что язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, а также то, что «история языка и история культуры развиваются параллельно»⁷.

В отечественной и зарубежной литературе неоднократно подчеркивалось, что, описывая любую разновидность той или иной языковой системы, необходимо учитывать как лингвистические, так и социокультурные факторы. По этому поводу С.Г. Тер-Минасова указывает на тот факт, что если рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им, то социокультурный слой, или компонент культуры — это не просто некая культурная информация, сообщаемая языком, а неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям⁸.

Всестороннее обсуждение вопросов взаимосвязи языка и культуры, решение таких проблем, как «язык и мышление», «язык и поведение человека», «язык и ценности человека», привело к необходимости выделить область исключительного взаимоотношения языка и культуры и на этой основе в качестве самостоятельного создать лингвокультурологическое направление, занимающееся рассмотрением ряда проблем, существующих разрозненно в лингвоносеологии, психолингвистике, этнолингвистике и социолингвистике. Лингвокультурология — «это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (систем норм и общественных ценностей)»⁹.

Говоря о культуре и культурологическом изучении языка, лингвисты обычно имеют в виду анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной специфики (В.Т. Клоков¹⁰, Н.А. Красавский¹¹, Т.В. Евсюкова¹²). Изучение этнокультурных особенностей, закрепленных в языке и проявляющихся в речи, ведется в современной лингвистике в рамках лингвострановедения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров¹³), этнолингвистики (Н.И. Толстой¹⁴, А.М. Молодкин¹⁵), психолингви-

стики (К.Ф. Седов¹⁶, Н.В. Лазовская¹⁷), теории межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова¹⁸, О.А.Леонтович¹⁹).

Значимым с точки зрения лингвокультурологии в контексте важности языкового фактора в процессе культурной деятельности человека представляется следующее толкование культуры, принадлежащее Н.Ф. Алефиренко. Автор полагает, что «культура — это исторически обусловленный способ организации человеческого сознания, формирующий и включающий сознание в определенную историческую среду при помощи традиционных ценностно ориентированных схем, коммуникативных структур и нормативных форм регулирования поведения и мышления носителей сознания данного типа»²⁰.

В целом следует вывод, что язык и культура — важнейшие явления общественной и духовной жизни. Язык — это, в первую очередь, основное средство общения людей в различных жизненных ситуациях. Культура — система духовных ценностей, а также совокупность предметов материальной сферы человечества. В контексте культуры язык следует рассматривать, с одной стороны, как органическую часть национальной культуры народа, как великое духовное наследие, завещанное нам нашими предками, с другой стороны — как важнейший фактор развития самой культуры.

¹ Goodenough W.H. Cultural anthropology linguistics // Language in culture and society. N.Y., 1964. С. 36–37.

² Боголюбова Е.В. Культура и общество. М., 1978. С. 203.

³ Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объект, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 50.

⁴ Сепир Э. Язык: введение в изучение речи. М.; Л., 1934. С. 171.

⁵ Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. 1972. № 6. С. 160.

⁶ Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986. С. 115.

⁷ Сепир Э. Указ. соч. С. 16.

⁸ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 15.

⁹ Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997. С. 125–126.

¹⁰ См.: Клоков В.Т. Основные направления лингвокультурных исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2000. № 2. С. 60–67.

¹¹ См.: Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.

¹² См.: Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Нальчик, 2002.

¹³ См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.

¹⁴ См.: Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

¹⁵ См.: Молодкин А.М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. Саратов, 2001.

¹⁶ См.: Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: сборник научных трудов. Саратов, 1999. Вып. 2.

¹⁷ См.: Лазовская Н.В. Языковая игра в рекламном дискурсе (на материале русско- и англоязычной рекламы): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Саратов, 2007.

¹⁸ См.: Тер-Минасова С.Г. Указ. соч.

¹⁹ См.: Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.

²⁰ Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002. С. 58.

Е.А. Макшанцева*

О СУЩНОСТИ И ТИПАХ ОЦЕНКИ В ЯЗЫКЕ И МЕСТЕ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА ПРАВА

В последнее время расширилась сфера коннотации в собственно лингвистике: выйдя далеко за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок, она захватила уже социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, так или иначе отражающиеся в языке¹. В лингвистической науке нет однозначного решения о том, что такое оценка.

Оценкой принято считать один из видов модальности, который накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения². Некоторые авторы полагают, что оценка сведена лишь к понятию «хорошо — плохо» и умещается непосредственно в этих рамках: «Мы можем определить оценку в строгом смысле слова как положительную или отрицательную характеристику предмета речи, связанную с признанием или непризнанием его ценности вследствие соответствия или несоответствия потребностям, интересам, возможностям и т. п. индивида, а также социально установленным нормам»³.

Иные авторы совершенно справедливо считают, что оценка может рассматриваться не только в узком смысле слова «хорошо/плохо», а как квалификация вообще, суждение, мнение по поводу значения, важности, достоверности, размера и т. д. различных предметов, действий⁴. Более того, некоторые ученые выводят оценку из сферы коннотации, т. е. добавочного компонента значения слова: «Оценочность — определенная сторона денотации, а не коннотации. Оценочный оттенок — это прагматический вес любого понятия, не отделимый от него и не являющийся отдельной значимостью»⁵. Мы полагаем, что позиция И.А. Стернина в этом вопросе является наиболее конструктивной. Он считает, что оценка может быть как элементом коннотации (*голословный, внятный, галантный*), так и входить в денотацию (*гармоничный, добросовестный*)⁶.

Мы также полагаем, что оценка имеет более емкое содержание, связанное с разными сторонами человеческой деятельности, с разными подходами к восприятию действительности, а именно: общественных явлений, ситуаций, объектов, субъектов и их действий. Оценка задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, в то же время она задает его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства⁷. Оценка неизбежна при соприкосновении процесса познания с объективным миром⁸.

Таким образом, оценка в языке является одной из тех категорий, которые не нашли наиболее полного отражения в работах современных ис-

* Макшанцева Елена Анатольевна — доцент кафедры английского и испанского языков ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат филологических наук.

следователей в области языкознания. Проблема возможности оценочного элемента в структуре терминологического значения, специфика оценки в термине остается еще малоизученной и ждет своего решения.

Следует подчеркнуть зыбкость границ, разделяющих оценочную лексику от нейтральной. Слово в зависимости от сочетания с той или иной лексической единицей может приобрести оценочность: *зеленая крыша* (оценки нет) — *зеленая слива* (оценка степени спелости).

Теория оппозиций, разработанная в фонологии Трубецким, вполне применима на уровне лексики, в т. ч. и при противопоставлении той ее части, которая содержит оценочный компонент, и лексики, его не содержащей. Рассматривая вопрос о членах оппозиций, Р. Якобсон отмечал, что одно из существенных свойств фонологических корреляций состоит в том, что оба члена коррелятивной пары не равномерны: один член обладает соответствующим признаком, другой им не обладает; первый определяется как признаковый (маркированный), второй — как беспризнаковый⁹.

Однако Р. Якобсон так говорит о распределении общих значений коррелятивных категорий: «...если категория I указывает на наличие А, то категория II не указывает на наличие А, иными словами, она не свидетельствует о том, присутствует А или нет»¹⁰. Таким образом, отсутствие в слове семы «оценка» еще не означает отсутствия оценочного подхода к восприятию данного предмета.

Мы можем построить оппозицию между словами, имеющими или не имеющими в своей семантической структуре оценку (*смотреть* — *любоваться*, *бежать* — *мчаться*). В свою очередь, и оценочная лексика может вступать в различные оппозиции, например, слова с положительной и отрицательной оценкой, слова, содержащие коннотативные и денотативные оценочные значения и др. Возможность создания оппозиций среди оценочной лексики может свидетельствовать о ее некоторой системности и организованности, что усложняет характеристику понятия оценки. Любая оценка обладает многоэлементной структурой, характеризующейся исследователями как модальная рамка. В состав оценочной модальной рамки, по утверждению Е.М. Вольф, входят элементы трех типов:

- 1) обычно эксплицирующиеся (объект оценки);
- 2) как правило, имплицитные (шкала оценок, оценочный стереотип, аспект оценки);
- 3) реализующиеся и в эксплицитном, и в имплицитном виде (субъект оценки, аксиологические предикаты, мотивировки оценки)¹¹.

В лингвистической и другой научной литературе встречается подробное описание разнообразных типов оценки.

Количественная оценка основывается на критерии *много* — *мало*. Н.А. Лукьянова особо выделяет эту оценочную группу: «Количественная оценка (*много* — *мало*) не есть отношение субъекта к некоторому факту действительности — «*хороший* — *плохой*», характеризующее свойственное качественной оценке»¹². Она представляет собой рациональную характеристику предмета (или предметов) в его количественном представлении.

В основу пространственной оценки входят такие признаки, как *далекий — близкий, высокий — низкий, левый — правый: высокий берег, дальняя заимка*. Употребляясь в своем прямом значении, эти прилагательные выдвигают на первый план дескриптивную функцию. Но при анализе этой группы в большинстве случаев оценочный смысл имплицитно связан с соответствующим дескриптивным. В естественном языке оба аспекта, дескриптивный и оценочный, обычно совмещаются. Лишь часть прилагательных имеет чисто оценочный, или чисто дескриптивный смысл. Большинство прилагательных, как и вообще оценочных слов, совмещает их¹³.

Не исчезает оценка и в сочетании пространственных прилагательных с терминологизированными существительными, например: *низкая температура, высокое давление*. По утверждению В.А. Коробейниковой, сема *протяженность* в данном случае «отодвигается» на второй план, и развивается сема *значительный — незначительный по количеству*, т. е. сема *протяженность* приобретает большую обобщенность. В представленных примерах пространственная оценка как бы переходит в количественную. В «поле действия» оценки попадает степень свойств объекта¹⁴.

Временная оценка выражается словами *быстрый — медленный, новый — старый, современный — устаревший* и т. д. Оценка величин присутствует и в таких словах, как *большой — маленький, толстый — тонкий* и т. д. В данном случае характерные, базовые критерии оценки *хорошо — плохо* не подходят. Оценивание идет по другому руслу, а именно: по признаку объекта (*новая точка зрения, старый метод, большой экран, объемные труды ученого*). В ряде случаев значение оценки может быть определено через контекст, например: *старый (устаревший) метод — старый (испытанный) метод*.

Любая оценка имеет субъективно-объективный характер. Объективная оценка, основанная на общезначимых стереотипах, соответствует представлениям общества о каком-либо объекте, свойстве, ситуации, например: *экономически развитые страны, страны третьего мира, жизненно важные интересы, идеологическая диверсия, недобросовестная конкуренция, незаконная забастовка, dangerous drug, criminal society, offended sovereignty, false statement*. Субъективная оценка передает личное представление какого-либо человека о предмете, явлении, ситуации и может характеризовать внутренний облик субъекта. Однако следует признать, что практически в любой оценке в той или иной мере присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным.

Довольно широкую классификацию оценок предлагает Н.Д. Арутюнова, старающаяся охватить как можно большее число типов оценочного значения. Нас, в свою очередь, более всего интересуют тот тип оценок, который может быть встречен в терминологической среде, именно: в терминологии права. В данный разряд могут войти оценки:

1) этические (*полезный, вредный, благоприятный, неблагоприятный, дурное обращение с военнопленными, immoral act*);

2) утилитарные (*полезный, вредный, благоприятный, неблагоприятный, недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества*);

3) нормативные (*правильный — неправильный, корректный — некорректный, стандартный — нестандартный, невыполнение правил пожарной безопасности*);

4) телеологические (*эффективный — неэффективный, целесообразный — нецелесообразный; удачный — неудачный*).

Эти оценки связаны с практической деятельностью и интересами, повседневным опытом человека. Их основные критерии: физическая и психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие тому или иному стандарту¹⁵.

С делением оценок на денотативные и коннотативные, а также с любой другой их классификацией связано деление по способу оценки: на рациональные или интеллектуальные, логические, «от головы», например: *заблуждение, конфликт, моральный вред, насилие, common drunkard, illegal drug, wrongful sentence*, и эмоциональные, «от сердца»: *надувательство, наглец, скупердяй, хануга*.

Коллективная оценка отражает ценностную ориентацию какой-либо социальной общности людей. К этой же группе оценок относится социально-классовая оценка, ср.: *фашист, демократ, белое движение* и т. д.¹⁶. Э.С. Азнаурова называет этот тип оценок социальной оценкой, которая является, по ее мнению, «категорией прагматической». «Это оценка событий, суждений, теорий с позиций определенных классов»¹⁷.

Несколько иначе трактует социальную оценку Н.А. Лукьянова: «Иная семантическая структура у слов типа *шайка, банда, сборище*, обозначающих совокупность однородных объектов или чаще субъектов. Они являются экспрессивно-оценочными, т. к. выражают социальную (негативную) оценку соответствующих явлений»¹⁸.

Как уже говорилось, все оценки делятся на положительные и отрицательные. Оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение ее, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нее.

Рассмотрев ряд значений оценки, можно сделать вывод о широком функционировании оценочной категории в языке. Разнообразие аксиологических значений вполне может объяснить то, что ряд терминов права имеет в структуре своего семантического значения оценочный элемент. Юридическая терминология как система терминов, относящаяся к области общественно-политической, функционирующей в сфере социальных отношений, имеет ряд специфических особенностей, определяющих возможность наличия оценочного компонента в семантической структуре терминологического значения.

В.П. Даниленко относит такие терминосистемы, как юридическая, к естественно возникающим. То есть терминология может возникать как

в результате искусственного акта формирования научной отрасли, так и вследствие реализации практической деятельности людей. В терминологиях последнего типа требования к терминам (точность, нейтральность, однозначность, безразличие к контексту и т. д.) могут не совпадать с их реальным использованием. Для них необходимо учитывать не только сферу фиксации, но и сферу функционирования, в которой терминология изымается из рамок замкнутой системы и свободно вплетается в общелитературное изложение¹⁹.

Естественный характер образования юридической терминологии полностью объясняет тот факт, что основной базой формирования правовой терминосистемы являются слова общего употребления, например: *убийство, кража, клевета, помилование, побег, грабеж, puff (дуптая реклама), slaughter (убийство (особенно нескольких человек)), prayer (просьба, ходатайство), grace (льгота), loss (убыток, ущерб)*. Одним из основных методов формирования правовой терминосистемы явилось переосмысление общеупотребительной лексики, которая, будучи оценочной, сохранила элемент оценки при становлении терминологических единиц.

Определяет наличие оценки в семантике юридических терминов и само понятие права, которое является аксиологичным. Таким образом, юридическая терминология вбирала в себя многие лексические единицы, которые, в общем, могли отразить понятия добра и зла, справедливости и несправедливости, что абсолютно необходимо для данного разряда терминологии.

Оценки, содержащиеся в семантической структуре термина или терминологического сочетания, имеют рационально-логический характер, т. е. широкий диапазон действия в сфере терминологии приобретает интеллектуальная (или рациональная) оценка. Рациональная (интеллектуально-логическая) оценка основана на информации об объективно присущих референту свойствах²⁰. Например: *бесспорные факты, мнимая сделка, общественная опасность, оговор, tenants in chief (непосредственные держатели)* и др. Терминологические сочетания *ложное показание, a true bill* содержат абсолютную оценку.

Не менее распространены среди терминов права и нормативные оценки: *превышение власти, небрежное хранение огнестрельного оружия, превышение пределов крайней необходимости, превышение должностных полномочий, превышение пределов необходимой обороны*. В терминологии права отмечается и социальная оценка: *банда, преступное сообщество, шайка, criminal gang, band*.

В терминах *пожизненное лишение свободы, условно-досрочное освобождение, life sentence* — *пожизненное приговор, tenants for life* — *пожизненные держатели* имеется временная оценка. В таких терминах, как: *out-pocket-expenses* — *мелкие расходы, petty larceny* — *мелкое воровство, мелкое хулиганство, хищение в особо крупных размерах* и т. д., содержится в т. ч. и оценочная сема величин.

Таким образом, функцией оценки в термине может быть определение и измерение свойств и качеств терминологического объекта. Следовательно-

но, логический тип оценки находит свое применение в терминологической среде. Можно даже говорить о неизбежности наличия компонента оценки в семантике термина права, т. к. само право аксиологично. Оценка в терминах права является одним из обязательных компонентов значения ряда юридических терминологических единиц.

¹ Говедовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71.

² См.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. С. 11.

³ Сергеева Л.А. Качественные прилагательные со значением оценки: дис. ... канд. филолог. наук, Уфа, 1980. С. 16.

⁴ Девяткина В.В. Типология оценок в современной речи адвоката // Взаимодействие социальных и структурных факторов в языке и речи. Саратов, 1988. С. 62.

⁵ Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 61.

⁶ См.: Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. С. 73.

⁷ Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984. С. 5.

⁸ Колшанский Г.В. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке. М., 1975. С. 152.

⁹ Яacobсон Р. О структуре русского глагола: избранные труды. М., 1985. С. 210.

¹⁰ Там же.

¹¹ Вольф Е.М. Указ. соч. С. 47.

¹² Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. С. 8–9.

¹³ Вольф Е.М. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ Коробейникова В.А. Лексико-семантическая группа прилагательных с пространственным значением: дис. ... канд. филолог. наук. Саратов, 1980. С. 75.

¹⁵ См.: Арутюнова Н.Д. Указ. соч.

¹⁶ См.: Стернин И.А. Указ. соч. С. 102.

¹⁷ Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973. С. 116.

¹⁸ Лукьянова Н.А. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ См.: Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М., 1971. С. 43.

²⁰ Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. Н. Новгород, 1996. С. 9.

Е.Ю. Балашова*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА *vera / faith* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Построение лексико-семантического поля ключевого слова, репрезентирующего тот или иной концепт в языке, предполагает подбор его синонимов и антонимов, фразеологических единиц, устойчивых сравнений и сочетаний, а также анализ сочетаемости прямых и непрямых номинантов концепта. Этот метод позволяет установить ядро номинативного поля концепта, состоящее из его номинантов с высокой частотностью, и периферию, включающую номинанты с низкой частотностью. Кроме того, семантико-когнитивный анализ сочетаемости единиц, объективирующих концепт в языке, позволяет не только установить границы лексико-семантического поля ключевого слова, но и выявить дополнительные контекстуальные

* Балашова Елена Юрьевна — доцент кафедры английского и испанского языков ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат филологических наук.

семы в его составе, входящие в ближнюю периферию номинативного поля концепта.

Так, по данным словаря синонимов, лексема *вера* имеет следующие синонимы: вероисповедание, исповедание, религия, верования. По данным частотного словаря русского языка, самой высокой частотой (33 на 1 056 382 словоупотребления) обладает лексема *религия*, входящая в ядро номинативного поля концепта *вера* в русском языке.

Кроме того, упомянутый словарь синонимов русского языка предлагает довольно обширный синонимический ряд высокочастотных единиц, объективирующих концепт *вера*: 1) верить — веровать; 2) верить — доверять; 3) вернее — правильное, точнее, скорее, лучше; 4) верно — наверное, правильно; 5) верность — неизменность, преданность; 6) верный — неизменный, преданный, надежный, меткий, неизбежный, несомненный, правильный, справедливый; 7) верования — религия; 8) веровать — верить. Наиболее частотными из перечисленных единиц являются единицы *верить* (277), *верно* (269), *верный* (119), также входящие в ядро номинативного поля исследуемого концепта.

Исследование системных синонимов и синонимических рядов ключевого слова позволяет выявить в его семантической структуре дополнительные семы. В данном случае к таковым можно причислить семы «верование», «религия», «верность», «доверие», «правильность», «точность», «преданность», «неизменность», «надежность», «неизбежность», «несомненность», «справедливость», «меткость».

Выделенные семы группируются в следующие когнитивные признаки концепта:

- 1) вера предполагает наличие религиозных взглядов (верование, религия);
- 2) вера является чем-то постоянным (верность, преданность, неизменность);
- 3) вера предполагает истинность (правильность, точность, неизбежность, несомненность, справедливость, меткость);
- 4) вера предполагает наличие надежды (доверие, надежность).

Примечательно, что одним из системных синонимов лексемы *верный* является лексема *надежный*, а лексема *доверие* является общим синонимом для лексем *вера* и *надежда*, что позволяет выделить когнитивный признак связи веры и надежды. Таким образом, взаимосвязь концептов *вера* и *надежда* в русском языке четко прослеживается при анализе системно-языкового материала.

С целью сопоставления представляется необходимым получить данные о синонимических рядах лексемы *faith* в английском языке. Так, The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms выделяет следующие синонимы ключевого слова:

- 1) вера в значении «доверие»: belief, credence, conviction, confidence, assurance, trust, reliance, dependence;

2) вера в значении «религия»: religion, creed, doctrine, dogma, belief, persuasion, denomination, sect;

3) вера в значении «верность»: faithfulness, fidelity, loyalty, allegiance, steadfastness, constancy, truthfulness, truth.

Кроме того, данный словарь предлагает синонимические ряды единицы *faithful*, представляющей собой непрямой номинант концепта *faith* в английском языке:

1) верный в значении «надежный», «преданный»: loyal, true, devoted, steadfast, constant, staunch, trusty, trustworthy, reliable, dependable;

2) верный в значении «точный»: accurate, exact, precise, close, strict, just, true, literal, factual.

В ядро номинативного поля концепта *faith* мы включили те единицы, которые входили в синонимические ряды как прямого (*faith*), так и непрямого (*faithful*) номинантов концепта. К таковым относятся: trust, reliance, faithfulness, loyalty, steadfastness, constancy, truthfulness, truth.

Ядра номинативного поля концепта *вера* в русском и английском языках существенно разнятся. Если в русском языке ядро номинативного поля исследуемого концепта ориентировано на религиозный смысл лексемы «вера» (религия, вероисповедание), то в английском языке в центре оказывается межличностное понимание веры, выступающей в значении «доверие», «верность».

Представляется целесообразным выделить дополнительные семы в составе ключевого слова концепта *faith* в английском языке. Такими мы считаем семы «trust», «confidence», «reliance», «assurance», «belief», «religion», «doctrine», «dogma», «creed», «fidelity», «loyalty», «devotion», «faithfulness», «steadfastness», «constancy», «truthfulness», «truth», «dependence».

Данные семы могут быть сгруппированы в следующие когнитивные признаки:

1) вера предполагает наличие религиозных взглядов (belief, religion, doctrine, creed, dogma);

2) вера является чем-то постоянным (constancy, steadfastness);

3) вера предполагает наличие доверия (trust, confidence, reliance);

4) вера предполагает защиту (assurance, dependence);

5) вера предполагает верность (fidelity, loyalty, devotion, faithfulness);

6) вера предполагает истинность (truthfulness, truth).

Таким образом, представляется возможным выделить классификационные когнитивные признаки концепта *вера / faith* в русском и английском языках: «религиозность», «постоянство», «истинность». Признак связи веры и надежды характерен только для русского языка, а признаки «доверие», «защита», «верность» — для английского и могут быть классифицированы как единый когнитивный признак «межличностные отношения».

Для выявления границ лексико-семантического поля ключевого слова, объективирующего концепт *вера* в русском и английском языках, а также

для получения дополнительных контекстуальных сем в структуре базовой лексемы нами была исследована сочетаемость прямых и непрямых номинантов концепта.

Контекстуальная сема возникает в различных ситуациях употребления лексемы; хотя значение лексической единицы существует вне контекста¹, в религиозном дискурсе в контексте целого появляются оттенки значения и окказиональные значения, принципиально важные для данной разновидности дискурса.

Так, по данным полного церковно-славянского словаря, лексемы, номинирующие концепт *вера*, входят в следующие группы сочетаний:

1) атрибутивные сочетания с общими контекстуальными семами «истинность» (единая, христианская, Христова, правая, несомненная, святая, вера православная, благая, истинная (3), религиозная, вера Божия, вера Иисусова, вера Христова, вера Иисус-Христосова, вера Сына Божия); «действенность» (живая, деятельная, чудодейственная, явленная, спасительная вера); «смирение / подчиненность» (верный в служении, доступный к вере, верный человек, смиренная вера); «глубина» (внутренняя вера, внешняя сторона веры, глубокая преданность вере); «твердость» (твердая уверенность); «отсутствие веры» (с устойчивой отрицательной коннотацией) (неверный человек, неверный народ, ожесточенное неверие, ложная вера);

2) в группе объектных сочетаний можно выделить следующие контекстуальные семы: «твердость» (твердость веры, твердость в вере, постоянство в вере, сила веры); «обращение в веру» (призвание в веру, распространение Христовой веры, приведение верующих в общение с Богом, изъяснение веры); «общение» (общение веры, общение с Богом, член веры, общество верующих); «вероучение» (учение веры (3), истины веры (2), предания веры, символы веры, догматы веры); «результат» (пользоваться доверием, подвиг за веру, плоды веры, преуспевание в вере); «стремление» (побуждения веры, усердие к вере, рвение к вере); «спасение» (оправдание посредством веры); «отсутствие веры» (терять веру, гнев неверующих, недостаток веры, отторгнуться от веры, отчуждаться в вере, исказить веру, отпасть от веры). Последняя сема также имеет резко отрицательную эмоциональную окраску, делающую акцент на жестокости, ожесточенности неверующих;

3) группа глагольных сочетаний содержит следующие общие контекстуальные семы: «обращение в веру» (призвать в веру, утвердить веру, исповедовать веру, причислить к верным); «пребывание в вере» (жить в вере, хранить веру, веровать во Христа); «доверие» (предать себя Богу верою, вверять себя, вверить благовестие, признавать за верное); «спасение» (спасти верующих); «отсутствие веры» (не поверить, обращаться с неверным);

4) в сочетаниях с предикативными признаками концепта возможно выделить семы «верность / доверие» (достойный веры, достойный доверия, верен Бог, принят с верою) и «спасение» (возрожденный через веру);

5) группа субъектных сочетаний содержит такие общие контекстуальные семы, как «истинность» (вера в Единородного Сына Божия, вера в Него, вера в Иисуса Христа (3), вера во Христа, вера в Сына Божия, верующий в Бога, верующий в Господа Иисуса Христа); «интенсивность» (вера велика); «верность/доверие» (верность в обетованиях, верность в служении, доверенность Богу).

Особо хотелось бы отметить группу сочетаний, содержащих сразу несколько членов концептуальной доминанты: *вера и надежда, в вере и надежде, вера, надежда и любовь к Богу, вера и любовь к добру, любит Господина и верен Ему, вера надежды, постоянство в вере и уповании*. Наличие таких сочетаний свидетельствует о тесной взаимосвязи концептов *вера, надежда, любовь* в православном дискурсе, лингвокультурной доминантой которого они являются.

Таким образом, представляется возможным выделить контекстуальные семы, общие для всех групп: «истинность», «твердость», «обращение в веру», «верность/доверие», «спасение», «отсутствие веры». Данная категория сем входит в ближнюю периферию концепта *вера* на системно-языковом уровне христианского православного дискурса.

Далее необходимо исследовать сочетаемость лексических репрезентантов концепта *faith* в протестантском дискурсе, выделить контекстуальные семы, входящие в его ближнюю периферию, и сопоставить полученные результаты с русскоязычным материалом.

По данным Oxford Collocations Dictionary for students of English, лексемы *faith* и *faithful* входят в следующие группы сочетаний:

1) атрибутивные сочетания, имеющие такие общие контекстуальные семы, как «intensity» (enormous, great, tremendous, strong, extremely faithful, very faithful, utterly faithful, remarkably faithful); «constancy» (abiding, unshakeable); «fullness» (absolute, complete, implicit, total, simple, unquestioning, absolutely faithful, entirely faithful, quite faithful); «truth» (religious, genuine, true, personal, fairly faithful); «effectiveness» (active, living); «emotion» (touching);

2) в глагольных сочетаниях можно выделить следующие общие контекстуальные семы: «spreading» (proclaim, profess, hand on, pass on, preach, teach); «maintenance» (retain, practice, keep alive, uphold, remain faithful, stay faithful); «restoration» (restore, regain, come to, find); «manifestation» (put, show, affirm, express); «loss» (undermine, lose, shake, destroy); «possession» (have, place, pin, have every faith in smbd., to be faithful);

3) группа объектных сочетаний обладает следующими общими семами: «effectiveness» (an act of faith, a leap of faith); «fullness» (an article of faith, to pin one's faith on smbd.);

4) сочетания с предикативными признаками лексики *faith* имеют общую сему «spiritual recovery» (faith healer, faith healing).

Таким образом, в ближнюю периферию концепта *faith* в протестантском дискурсе входят следующие контекстуальные коннотативные семы: «effectiveness», «fullness», «constancy / maintenance».

Часть сем, выделенных нами при анализе сочетаемости лексем *faith* и *faithful*, совпадает с контекстуальными семами номинантов концепта *вера*, выделенными в православном дискурсе. Так, к семам, общим для православного и протестантского дискурсов, относят семы «действенность / effectiveness», «истинность / truth», «обращение в веру / spreading», «спасение / spiritual recovery», «отсутствие, потеря веры / loss», «пребывание в вере / possession». Однако непосредственно в ближней периферии концепта *вера / faith* в православном и протестантском дискурсах совпадений не наблюдается, и в каждом типе дискурса номинативное поле исследуемого концепта имеет свою характерную структуру.

Так, анализ сочетаемости прямых и непрямых номинантов концепта позволяет выявить блок контекстуальных сем, входящих в зону ближней периферии концепта и нередко обладающих той или иной коннотативной окраской, а семантико-когнитивный анализ системных синонимов ключевого слова-репрезентанта и анализ его сочетаемости позволяет представить относительно полную модель лексико-семантического поля концепта *вера / faith* в русском и английском языках.

¹ Сергеева Е.В. Религиозно-философский дискурс В.С. Соловьева. М., 2002. С. 17.

Н.В. Лазовская*

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» И ЕГО ТИПЫ

Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу, несомненно, относится такое понятие, как «дискурс».

Термин «дискурс» широко используется в современной науке и содержит множество толкований своего значения. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык»¹.

Э. Бенвенист выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание; 2) единицу, по размерам превосходящую фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; 4) беседу как основной тип высказывания; 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию; 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста².

* Лазовская Наталья Владимировна — доцент кафедры английского и испанского языков ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», кандидат филологических наук.

Большинство отечественных и зарубежных ученых под словом *дискурс* понимают целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций³. Приведем в качестве примера определение Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Дискурс (от фр. discours — речь) — связный текст в его совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психолингвистическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимоотношении людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно»⁴.

По мнению К.Ф. Седова, наиболее удобной рабочей дефиницией дискурса может быть определение с позиций феноменологического подхода. Дискурс — объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей⁵. Дискурс имеет интерактивную природу: он запечатляет в себе взаимодействие, диалог⁶.

Термин «дискурс» начал широко употребляться в начале 1970-х гг. Так, например, Э. Бенвенист в своих работах отмечал, что с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир — мир языка как средства общения, выражением которого является речь (*le discours*)⁷. Первоначально значение термина «дискурс» было близко тому, что в русской лингвистике обозначалось термином «функциональный стиль». Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой — «дискурс», по свидетельству Ю.С. Степанова, заключается в особенностях национальных лингвистических школ (в англосаксонской традиции не было стилистики как особой отрасли знания), а не в предмете. Дискурс в понимании англосаксонских лингвистов первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и особенностях.

Лишь значительно позднее лингвистические исследования дискурса разработали более независимую парадигму, которая была принята в США и Европе. Дискурс стал описываться как всякий язык (а не просто текст), имеющий свои тексты⁸. Т.А. ван Дейк выделяет шесть источников, определивших в 60–70-х гг. становление дискурсного анализа: семиотика; лингвистическая антропология; анализ речевого общения; прагматика и социолингвистика; обработка текста с точки зрения искусственного интеллекта; лингвистика текста⁹.

Понятие дискурса трансформировалось с течением времени. Если в 60–70-е гг. дискурс понимался как связная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс — сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цель адресата), необходимые для понимания текста¹⁰.

Одним из важнейших аспектов изучения дискурса является текстовый аспект. Термины «дискурс» и «текст» соотносятся как родовое и видовое понятия. Текст рассматривается как дискурс с точки зрения внутреннего (имманентного) строения речевого произведения.

Дискурс — это текст или речь в действии, в совокупности со всеми экстралингвистическими факторами, а значит, более широкое и открытое понятие, чем текст. Дискурс развивается и формируется в определенных социокультурных условиях, учет которых лежит в основе правильного понимания и адекватной интерпретации дискурсивной деятельности. Обращение к общим и частным контекстам культуры, на которых основано развитие языка, — условие дискурсивного анализа. Основным приоритетом в анализе дискурса становятся коммуниканты — творцы языка.

Анализ дискурса — междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии. В.И. Карасик, анализируя различные исследования дискурса, выделяет следующие положения, общие для всех:

1. Статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе.

2. Динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга.

3. Общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте.

4. Центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения.

5. Коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии.

6. Текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста¹¹.

С позиций лингвистики речи дискурс — это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. С позиции социолингвистики дискурс — это общение людей, рассматриваемое с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. В.И. Карасик выделяет следующие типы институционального дискурса применительно к современному социуму: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информативный.

В основе дискурса лежит определенная структура человеческого опыта. В свою очередь, эта структура тесно взаимосвязана с культурой кон-

кретного общества, а значит, при анализе дискурса необходимо учитывать как саму эту структуру, так и ее культурный контекст.

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 269.

² Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 235.

³ Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2000; Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985; Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999; Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999; Карасик В.И. Указ. соч.; Норман Б.Ю. Лингвистика каждого дня. Минск, 1991; Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004; Александрова Т.А. Метафорическая оппозиция «свои — чужие» в политическом дискурсе // Единицы языка и их функционирование: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 3. С. 205–208.

⁴ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.

⁵ Седов К.Ф. Указ. соч. С. 8.

⁶ Макаров М.Р. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 89.

⁷ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 139.

⁸ Степанов Ю.С. Между системой и текстом — дискурс // Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998. С. 675–689.

⁹ Дейк Ван Т.А. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 113–121.

¹⁰ Караулов Ю.Н., Петров В.В. Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 8–17.

¹¹ Карасик В.И. Указ. соч. С. 274.

ИТОГИ КОНКУРСА НАУЧНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

В рамках Дней Науки-2010 в феврале объявлен Конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу студентов. Задачей проведения конкурса ставилось выявление интеллектуального потенциала и раскрытие творческих способностей студентов Академии.*

Вниманию читателей предлагаются работы студентов, признанные жюри лучшими по дисциплине «Теория государства и права». В конкурсе по кафедре теории государства и права приняли участие студенты 1–3-х курсов дневной формы обучения. Конкурс предоставил участникам возможность проявить себя в выборе тематики научного исследования в области государственно-правовых явлений, продемонстрировать компетенцию в решении научных и социальных задач, развить навыки исследовательской деятельности.

И.В. Швецова**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА

Конституция 1993 г. впервые закрепила приоритет международного права над национальным правом России. В п. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. записано: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Советская правовая наука отрицала международное право как источник российского права¹. «Национальная правовая система, — утверждал А.М. Васильев, — так же суверенна, как и государство, поэтому на тер-

* Дни Науки-2010 посвящены 65-летию победы в Великой Отечественной войне.

** Швецова Ирина Васильевна — студентка 117 группы Следственно-криминалистического института ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Е.А. Киримова.

ритории страны без санкций национальной государственной власти не могут действовать нормы, созданные помимо ее правотворческих органов»².

В то же время зарубежные ученые-юристы предлагали свое видение этой проблемы. Представитель дуалистической теории Ф. Триппель подчеркивает: «Международное и внутригосударственное право — это не только различные отрасли права, но и различные правовые порядки. Это два круга, которые тесно не соприкасаются, но никогда не пересекаются»³. Г. Кельзен, сторонник монистической концепции, считал, что «международное право и внутригосударственное право представляют собой часть одной и той же системы норм, содержания которых логически вытекают из некоей основной нормы»⁴.

Новая Россия признала приоритет международного права над внутригосударственным, особенно в гуманитарной области (права человека, правосудие, свобода личности, информации и т.д.).

Международное право закреплено в Конституции РФ в качестве составной части российской правовой системы, но это не значит, что она входит в систему права Российской Федерации в качестве самостоятельной отрасли.

Е.Т. Усенко считает, что «международное право на территории государства не имеет собственной юридической силы»⁵.

По нашему мнению, общеправовые принципы и нормы международного права, как гласит п. 4 ст. 15 Конституции РФ, являются составной частью ее правовой системы. Они содержатся в принятых Генеральной ассамблеей ООН, ЮНЕСКО, Советом Европы. При Совете Европы создан Европейский суд по правам человека, его решение является окончательным и обязательным для государств, допустивших нарушение конвенций по защите прав и свобод человека. Часть 1 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» повторяет положение ст. 15 Конституции РФ⁶.

Применяются только ратифицированные международные договоры. Ратификация осуществляется в форме федерального закона. Часть 6 ст. 125 Конституции РФ гласит: «не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ не подлежат введению в действие и применению». Признание конституционности международных договоров входит в компетенцию Конституционного суда РФ.

Пункт 4 ст. 15 Конституции РФ закрепляет положение, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Правовые акты СНГ не имеют прямого действия на территории Российской Федерации. Для признания их юридической силы они должны быть признаны в установленном законом порядке и приоритетом по отношению к законодательству Российской Федерации не пользуются, т. е. они носят рекомендательный характер.

Разгром фашистской Германии во Второй мировой войне показал, что пренебрегать международным правом нельзя, поскольку оно играет свою

особую роль в мировом правопорядке. Это роль стабилизирующего фактора в мировой политике, поэтому государства должны добросовестно выполнять взятые на себя обязательства.

¹ См., например: Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 28.

² Айзенберг А.М., Васильев А.М., Котляревский Г.С., Мишин А.А. Теория государства и права. М., 1970. С. 631.

³ Триппель Ф. Международное и внутригосударственное право. СПб., 1899. С. 27.

⁴ Кельзен Г. О теории толкования. М., 1979. С. 576.

⁵ Усенко Е.Т. Очерки международного права. М., 2008. С. 15.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757.

Ю.А. Максимчук*

ПРАВО НА ЖИЗНЬ КАК МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Право на жизнь — первое фундаментальное естественное право человека, без которого все другие права лишаются смысла. Согласно ст. 2 Конституции РФ человек и его права являются высшей социальной ценностью. Несомненно, что право на жизнь дается человеку природой, а не государством и его властью¹. Однако это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни (ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.).

Между тем право на жизнь, несмотря на всю его великую значимость, ни в одной стране не обеспечивается и не гарантируется в абсолютной мере. Более того, оно постоянно находится под угрозой посягательства. В этом кроется множество причин: люди массово гибнут от рук криминальных элементов (в России — свыше 30 тыс. человек ежегодно); еще в больших масштабах они «уходят» в результате межнациональных и межэтнических войн и конфликтов; умирают от голода и болезней (особенно в странах Африки); становятся жертвами террористических актов и политразборок; попадают в разного рода катастрофы, аварии, стихийные бедствия, другие ЧП, происходящие почти ежедневно; сознательно умерщвляются на стадии эмбрионального развития в результате искусственного прерывания беременности; уходят из жизни добровольно в силу разных обстоятельств.

Кроме того, на жизнь и здоровье влияют экологически вредная среда обитания человека и употребление недоброкачественных, фальсифицированных продуктов, что ведет к неизлечимым заболеваниям.

Современное состояние преступности передается такими выражениями как «разгул», «беспредел». Цена человеческой жизни настолько упала, что убить могут за гроши или просто так, ни за что. Люди гибнут на вокзалах, в метро, на улицах, оказавшись там случайно во время разборок,

* Максимчук Юлия Андреевна — студентка 3 курса 1 группы Юридического института предпринимательства и агробизнеса ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права О.В. Лазарева.

терактов. Убивают даже в собственных квартирах, подъездах. При таких условиях разговоры о каких-либо гарантиях права человека на жизнь становятся бессмысленными.

Особо деликатной проблемой, непосредственно связанной с темой права на жизнь, является эвтаназия. Это ускорение с помощью медицинских средств по желанию больного безболезненной смерти (активная форма) или отказ от мер, продлевающих жизнь умирающему, — также с его согласия (пассивная форма).

Несомненно, каждый человек имеет право как на достойную жизнь, так и достойную смерть². Но аморален сам факт того, что лишение человека жизни в стенах медицинского учреждения представителем профессии, для которой главная задача заключается в борьбе за жизнь и здоровье граждан, может стать обычным делом. Мы имеем право на гордое звание — человек, до тех пор, пока мы будем держаться друг за друга, помогать своим ближним. Известно немало случаев, когда чудесным, необъяснимым способом неизлечимо больные исцелялись, физически и умственно неполноценные люди находили свое место в социуме, освоив доступные им формы деятельности, где достигали высшей степени мастерства. Также известно, что православная церковь не одобряет добровольный уход из жизни или бездумное отношение к ней. Издавна самоубийц хоронили за оградой кладбища. Если понятие достойной смерти означает принятие ее достойно, то мало достоинства в том, что человек отказывается бороться за свою жизнь.

Жизнью надо дорожить, это бесценный дар, который дается нам один раз. Цените все то, что приносит вам новый день, поддерживайте тех, кто рядом с вами, почитайте людей пожилого возраста. Это обеспечит процветание нашему обществу и укрепит веру в будущее страны.

¹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 439–460.

² См.: Новгородцев П.И. Право на достойное существование // Русская философия собственности. XVII–XX. СПб., 1993. С. 185.

Ю.И. Торопкина*

ПРИНЦИП ПРАВА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Принципы права приобретают особую значимость на переходных этапах развития как государства, так и права. Они не дают законодателю запутаться в стремительно развивающихся и изменяющихся общественных отношениях. Именно правовые принципы отражают то, что реально существует в правовой действительности. Они гораздо устойчивее, чем правовые нормы. В основе любой осознанной деятельности человека лежат определенные принципы. Смысловое значение слова «принцип» в русском языке — «руководящее начало» или «основополагающая идея». Принци-

* Торопкина Юлиана Игоревна — студентка 117 группы Следственно-криминалистического института ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Е.А. Киримова.

пы права — это основные, исходные начала, идеи, которые отражают право как специфический социальный регулятор и являются нормативной базой при применении аналогии права.

Аналогия права — это разрешение органом какого-либо дела, непосредственно не урегулированного законом, путем применения общих принципов права.

Аналогия как юридический прием используется в силу недостаточного законодательного предвидения. Применение аналогии права требует известного логико-юридического творчества. С.С. Алексеев писал о том, что принципы права могут использоваться в качестве нормативной основы при принятии правоприменительного решения¹. Принцип содержит в себе наиболее общую норму, которая может быть использована только при ее истолковании применительно к конкретным правоотношениям. Суды, а также иные уполномоченные органы при рассмотрении конкретного дела применяют данный источник в различных ситуациях: для усиления правовой позиции по делу; при толковании какой-либо нормы права либо отношений сторон; при непосредственном использовании как норм прямого действия. Кроме того, на основе данных принципов пересматриваются конкретные уголовные дела. Так, по свидетельству Н.Г. Муратовой, исследование резолютивных частей решений Конституционного Суда РФ, принятых в период с 1995 по 2005 гг., показало, что ряд таковых содержат прямое указание на такой пересмотр или на обеспечение их конституционных прав (30 %)².

Необходимо отметить, что в юридической науке на сегодняшний день не выработан унифицированный перечень принципов права. Современная система права базируется на системе принципов его отраслей. Например, в определении Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 376 О-П «Город Санкт-Петербург по жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации» сказано, что из конституционных предписаний, реализуемых во взаимосвязи с конституционными принципами справедливости и уважения достоинства личности (статья 2, 21 части 1 Конституции РФ), и с учетом значимых для Российской Федерации норм международного права вытекает обязанность государства в лице органов государственной муниципальной власти оказывать содействие в обеспечении жилищных условий гражданам, лишившимся единственного жилища в результате наступления обстоятельств, неконтролируемых человеком, как, например, пожар и не имеющим возможности преодолеть сложившуюся трудную жизненную ситуацию самостоятельно³.

Необходимо отметить, что в юридической науке также выделяют принципы, которые вытекают из общего смысла законодательства. К ним можно отнести: принцип недопустимого, ненадлежащего осуществления гражданских прав; принцип надлежащего исполнения обязательств; принцип реального исполнения обязательств; принцип делового сотрудничества; принцип экономичности исполнения обязательств; принцип полного воз-

мещения убытков; принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора. Например, Шебекинский районный суд отказал Г. в удовлетворении иска к ОАО «Автотранс» о восстановлении его на работе и взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула. Однако при решении данного спора судом были совершены существенные нарушения норм материального и процессуального права. Суд должен вынести законное и обоснованное решение. Имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе и подлежащим доказыванию работодателем является соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания вытекающих из ст. 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54, 55 Конституции РФ и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, такой как справедливость, равенство, законность, вина, гуманизм⁴.

¹ См.: Алексеев С.С. Частное право. М., 1999. С. 105–106.

² См.: Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, регулирования и практики. Казань, 2004. С. 289.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 376-О «Город Санкт-Петербург по жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 26, ст. 3264; Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 5.

⁴ См.: Информационный бюллетень Белгородского областного суда. 2004. № 12.

Т.Г. Красавцева*

ИСТОЧНИКИ И ПРИЧИНЫ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА, ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

«Нигилизм вообще (в переводе с латинского — ничто) выражает отрицательное отношение субъекта (группы, класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, отдельным, а подчас и всем сторонам человеческого бытия»¹. Правовой нигилизм — разновидность социального нигилизма как родового понятия. Сущность его — в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения.

Отмечено, что «понятия “причины” и “источники” правового нигилизма близки, но не тождественны. Их отличие состоит в том, что источники, как правило, носят более глубинный, трудноустраняемый характер. Причины же более скоротечны, они могут появляться и исчезать или ликвидироваться. Источники — питательная среда для причин, это объективно су-

* Красавцева Татьяна Геннадьевна — студентка 115 группы Следственно-криминалистического института ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Е.А. Киримова.

существующие факторы и условия — постоянные или долговременные. В то же время надо иметь в виду, что определенные обстоятельства могут одновременно выступать и как источник, и как причина, и как форма выражения правового нигилизма. Всякие границы здесь условны»².

Причиной забастовок является невыплата зарплат, истоки же лежат гораздо глубже — они уходят в экономический кризис, некомпетентное управление. «Перестройка» в стране породила ряд таких явлений, как криминализация и маргинализация общества, тотальная коррупция, которые создали новый и отнюдь не самый привлекательный образ России³.

Также существенным источником правового нигилизма можно считать своеобразный российский менталитет, точнее, его отдельные черты. Для него характерно неуважительное отношение к законам, порядку. К сожалению, мы не слышим в мире, в отличие, например, от японцев, англичан, немцев, законопослушной нацией.

Современный правовой нигилизм — серьезная, запущенная болезнь. Сегодня, как никогда, стране нужна четкая государственная концепция борьбы с правовым нигилизмом. По мнению Н.И. Матузова, необходима «продуктивная целевая программа мер и действий всех властных и общественных структур, должностных лиц и граждан. Дальнейшее невнимание к этой проблеме грозит тяжелыми последствиями»⁴. Преодоление данного недуга — сложная задача. Можно выделить три основные группы мер:

- политические меры: устранение факторов, препятствующих построению правового государства; эффективная целенаправленная правовая политика;
- социально-экономические меры: повышение уровня жизни россиян, снижение уровня бедности, безработицы, нищеты, люмпенизации населения;
- меры культурного, духовного развития населения: повышение уровня юридической культуры органов власти и населения; последовательное правовое воспитание и просвещение.

Важным фактором профилактики правового нигилизма является комплекс мер, направленный на совершенствование правотворческой и правоприменительной деятельности на всех уровнях и повышение компетентности представительной и исполнительной власти, укрепление законности.

Нельзя не сказать о роли СМИ в преодолении правового нигилизма и пропаганде права, правовых ценностей. По нашему мнению, стоит ввести цензуру на программы, фильмы, рассчитанные на широкую публику, и особенно на молодежь. Используя СМИ и прессу, нужно повести активное наступление на противоправные поведенческие установки, проповедуя всеобщую законопослушность (начиная с верхних эшелонов власти).

Важным шагом на пути искоренения правового нигилизма, бюрократизма, волокиты, стал Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁵, а также одобренный Министерством юстиции РФ Административный регламент исполнения госслужащими своих обязанностей.

В.И. Гойман писал, что «одним из главных путей преодоления правового нигилизма должно стать всемирное стремление к повышению общей и правовой в частности культуры граждан. Естественно, необходимо модернизировать законодательство. Должна проводиться регулярная работа по профилактике правонарушений, осуществляться массовое просвещение и правовое воспитание населения и особенно молодежи»⁶. Необходимо, как советовал еще И.А. Ильин, сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запретности и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души»⁷.

¹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3.

² Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 21.

³ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 141.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.

⁶ Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 3.

⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 31.

Н.М. Капинос*

ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Правотворчество — это форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену¹.

В правотворчестве как в универсальном процессе формирования и развития правовых актов можно выделить четыре основные формы: принятие нормативных актов органами государства; локальное нормотворчество местного самоуправления; прямое, непосредственное правотворчество (референдум); договорное нормотворчество².

В современном правотворчестве Российской Федерации существует немало проблем. По мнению М.И. Байтина, самым дискуссионным вопросом применительно к источникам права является, как известно, проблема судебного правотворчества. Так, весьма актуален в условиях глобализации вопрос о судебном прецеденте, причем однозначного ответа на него сегодня нет. В научной литературе до сих пор не сложилось единое мнение ни по вопросам, касающимся общенормативного характера судебных решений, ни по вопросам правомерности и допустимости судебного правотворчества. Дело в том, что правотворческая деятельность судов весьма существенно отличается от

* Капинос Надежда Михайловна — студентка 2 курса 6 группы Юридического института предпринимательства и агробизнеса ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент *О.В. Лазарева*.

аналогичной деятельности российского парламента и в силу этого она не может ни подменять ее собой, ни тем более дублировать³.

В.А. Ливанский и Н.Я. Соколов утверждали, что одним из факторов успешного завершения российским обществом и государством правовых преобразований становится роль в этих процессах юристов как социально-профессиональной группы. Это обусловливается самой сущностью юридической профессии, заключающейся в обеспечении нормального функционирования механизма правового регулирования. Правовое реформирование во многом зависит и от деятельного участия самих юристов в правотворческом процессе, совершенствовании действующего законодательства. К сожалению, как показывают опросы юристов, юристы-практики в правотворческом процессе принимают недостаточно активное участие. Например, в ответ на вопрос: «в каких формах осуществляется Ваше участие в обсуждении и подготовке (совершенствовании) законодательных и иных нормативно-правовых актов?», 49 % опрошенных ответили, что не участвуют в обсуждении нормативных актов. В целом, мнение юристов как социально-профессиональной группы в должной мере не изучается и не учитывается. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, служит основанием для серьезных упреков в адрес законодателя и юридических ведомств⁴.

В заключение хочется отметить и то, что решением сложившихся проблем в правотворчестве сейчас активно занимаются государственные органы, а также Президент РФ, который не раз отмечал, что в России существуют проблемы в данной сфере государственной деятельности.

¹ См.: Лазарев В.В. Теория государства и права. М., 1997. С. 131.

² См.: Лазарев В.В., Гранат Н.Л. Источники права // Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1997. С. 143–146.

³ См.: Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 1. С. 5–11.

⁴ См.: Ливанский В.А., Соколов Н.Я. Опыт конкретного социологического исследования и моделирования профессиональной культуры юристов // Научные труды МГЮА. 2006. № 2. С. 230–269.

АННОТАЦИИ (SUMMARY)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (THEORY OF STATE AND LAW)

В.В. Муругина

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ РЕАГИРОВАНИЯ НА ДЕФЕКТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Статья посвящена проблеме противодействия и нейтрализации дефектности юридических фактов. Особое внимание уделено санкции «недействительности» в качестве важнейшей разновидности правовой реакции на дефектность факта.

Ключевые слова: дефектность юридических фактов, способы восстановления юридического факта, аннулирование (невозникновение) правовых последствий, реституция.

V.V. Murugina

THE GENERAL THEORETICAL ANALYSIS OF THE LEGAL ADAPTIVE TECHNIQUES FOR DEFECTIVENESS OF LEGAL FACTS

The article is devoted to the theoretical analysis of the notion and system of juridical measures of legal facts defectiveness cancellation. As well as its distinguishing from the legal liability measures for offence committed. The author gives the characteristic features of legal adaptive techniques for defectiveness of legal facts.

Key words: defectiveness of legal facts, means of reinstatement of legal fact, annulment of legal implications, restitution.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО (CONSTITUTIONAL LAW)

Е.В. Комбарова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается вопрос о конституционных правах несовершеннолетних в Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, обязанность государства, право ребенка на жизнь, политические права несовершеннолетних, защита прав ребенка.

E.V. Kombarova

THE CONSTITUTIONAL BASES OF THE LEGAL STATUS OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the article considers the question about the constitutional laws of minors in the Russian Federation.

Key words: minor, the state responsibility, the right of the child to life, political rights of minors, child's rights protection.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (HISTORY OF LAW AND STATE)

М.Н. Лядащева-Ильичева

ФОРМЫ (ВИДЫ) СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается степень разработанности вопроса о формах (видах) систематизации российского законодательства в XVIII в. Автор изучает становление и правовые основы форм систематизации в рамках законодательных и кодификационных комиссий XVIII в. За основу историко-правового исследования форм систематизации в России взяты нормативные акты, вошедшие в основу Полного собрания законов Российской империи 1830 г. и «Обзор исторических сведений о Своде законов» М.М. Сперанского от 1833 г.

Ключевые слова: история отечественного государства и права, формы систематизации, свод законов, сводное уложение, уложение.

M.N. Lyadatscheva-Ilyicheva

FORMS (KINDS) OF THE RUSSIAN LEGISLATION SYSTEMATIZATION IN RUSSIA IN XVIII CENTURY

The article considers the level of the question readiness about forms (kinds) of the Russian legislation systematization in Russia in XVIII century. The author studies the formation and legal basics of the systematization forms in frames of legislative and code commissions of the XVIII century. Normative acts entered into the base of the Complete Collection of Laws of Russian Empire, 1830, and "Review of historical information about the Code of Laws" by M.M. Speransky, 1833, are the basis of historical and legal research of the systematization forms in Russia.

Key words: the history of the land and law, forms of the systematization, the Code of Laws, the Comprehensive Code, the Code.

О.С. Ростова

СОЗДАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье освещается деятельность различных организаций по охране материнства и детства в первые годы существования Советского государства. Широко представлен нормативный материал, регулирующий работу государственных органов и различных организаций в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: охрана материнства и детства, система здравоохранения, организации по охране детства.

O.S. Rostova

THE FOUNDATION OF MATERNITY AND CHILDHOOD PROTECTIVE LEGISLATION AND ORGANIZATIONS DURING THE FIRST YEARS OF SOVIET STATE

The article gives the detailed analysis of the different maternity and childhood protection agencies in the first years of Soviet State. The author examines command papers and by-laws regulated those organizations activity.

Key words: maternity and childhood protection, the healthcare system, the child protection agencies.

С.Ю. Хатунов

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В статье исследуется законодательство Англии как один из источников средневекового уголовного права. На основе проведенного анализа раскрываются особенности инкорпорирования законодательства в английское право. Обосновывается, что статутное право было призвано устранить пробелы источников общего права.

Ключевые слова: законодательство, статут, статутное право, источник уголовного права, общее право, история права Англии.

S.Yu. Khatunov

LEGISLATION AS THE SOURCE OF CRIMINAL LAW IN MEDIEVAL ENGLAND

The article examines the legislation as one of the sources of medieval English criminal law. Analyzing these sources the author discovers the features embodied legislation in English law. It is proved in the article that statutory law in medieval England aimed to correct the loopholes of a common law.

Key words: legislation, statute, statutory law, sources of criminal law, common law, legal history of England.

Е.О. Рыбакова

СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу влияния новой экономической политики на советское здравоохранение в 1921–1926 гг. Речь идет о законодательных способах адаптировать систему советского здравоохранения в указанный период к новым экономическим условиям.

Ключевые слова: новая экономическая политика (нэп), борьба с заболеваниями, оказание медицинской помощи рабочим и служащим, охрана материнства и детства, медицинская статистика.

Е.О. Рыбакова

SOVIET HEALTHCARE DURING THE PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY: LEGAL ASPECT

The article examines the influence of the new economic policy to the system of soviet healthcare in 1921–1926. The author analyses the trends of medical system adaptation to the new economic conditions of the state.

Key words: new economic policy (nep), health protection, medical care to the factory and office workers, maternity and childhood protection, medical statistics.

В.Е. Николаев

НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена исследованию вопроса защиты авторских прав на произведения фотографии, истории зарождения и развития этого института в России. Определяется место фотографических произведений в системе объектов дореволюционного авторского права, рассматривается судебный механизм защиты их от нарушений.

Ключевые слова: история авторского права, фотография, защита авторских прав.

V. Ye. Nikolaev

PHOTOGRAPHIC WORKS COPYRIGHT INFRINGEMENTS IN RUSSIAN LEGAL PRACTICE FROM THE END OF THE 19TH TO THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The paper dwells upon the problem of photographic works copyright protection and the history of its development in Russia. The status of photographic works in pre-revolutionary copyright law and the legal procedure of its protection are discussed.

Key words: history of copyright law, photograph, copyright protection.

А.А. Васильев

СЛАВЯНОФИЛЫ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ

Статья посвящена учению славянофилов об идеальной форме правления в России. Раскрывается духовно-нравственная детерминированность взглядов славянофилов на самодержавие как наилучшую форму правления в России.

Анализируются достоинства самодержавия, указывается на мистический, жертвенный характер власти русского царя в трактовке славянофилов.

Ключевые слова: формы правления, славянофилы, консерватизм, самодержавие, империя, абсолютизм.

A.A. Vasiljev

THE SLAVOPHILIC THEORY ABOUT THE PERFECT FORM OF GOVERNANCE IN RUSSIA

The article is devoted to the slavophilic theory about the perfect form of governance in Russia. The author reveals the spiritual and moral determinism views slavophiles the autocracy as the best form of government in Russia.

The paper analyses the advantages of autocracy, but also shows a mystical, the sacrificial nature of the Russian tsar in the treatment of Slavophiles.

Key words: forms of governance, Slavophiles, conservatism, autocracy, empire, absolutism.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС (CRIMINAL LAW AND PROCEDURE)

И.М. Мацкевич

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ (ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРИМИНОЛОГА И.С. НОЯ)

В статье на основе анализа различных источников рассматриваются методологические проблемы отечественной криминологии; принципы построения методологии в криминологии. Автор выдвигает задачи, которые должны решаться криминологами с целью проведения качественных исследований.

Ключевые слова: криминология, методологические проблемы, преступность, метод, исследование.

I.M. Matskevich

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF NATIONAL CRIMINAL SCIENCE (TO THE MEMORY OF THE GREAT RUSSIAN CRIMINOLOGIST I.S. NOY)

On the basis of different sources the article examines the methodological problems of national criminal science; and the principles of the criminal science methodology. The author raises the problems to be solved by criminologists in order to make perfect examinations.

Key words: criminal science, methodological problems, criminology, method, research.

В.Ю. Савин

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП И ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ

В статье рассматривается специфика участия организованных преступных групп в организации занятия проституцией. Анализируется действующее законодательство, касающееся вопроса о повышении ответственности за

групповое совершение преступлений, связанных с организацией занятий проституцией и вовлечением в эти занятия.

Ключевые слова: проституция, организованные преступные группы, преступные сообщества, преступление, криминальная структура.

V.Ju. Savin

ABOUT THE PARTICIPATION OF CRIMINAL GROUPS AND COMMUNITIES IN INVOLVEMENT IN PROSTITUTION

The article examines the specific character of illegal groups in involvement in prostitution. The author analyses the legislation in force regulating the responsibility of accomplices in the crime of involvement in prostitution.

Key words: prostitution, criminal groups, criminal communities, crime, criminal structure.

А.Ю. Чурикова

ХАРАКТЕР И ЦЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья посвящена исследованию деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Великобритании. Анализируются основные направления деятельности прокурора, изложенные в нормативно-правовых актах Англии и Уэльса, а также точки зрения зарубежных ученых-процессуалистов.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, Великобритания, прокурор, справедливость.

A.Ju. Churikova

THE CHARACTER AND THE GOAL OF THE PUBLIC PROSECUTOR ACTIVITY IN THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCEDURE IN GREAT BRITAIN

The article is devoted to research of activity of the public prosecutor in pre-trial stages of the criminal procedure in Great Britain. The author analyses the basic directions of activity of the public prosecutor, stated in normative acts-legal of the England and Wales, and the points of view of foreign scientists.

Key words: criminal procedure, pre-trial process, Great Britain, public prosecutor, fair.

А.В. Калинин

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья посвящена рассмотрению вопросов процессуальной самостоятельности и независимости следователей Следственного комитета при МВД. Анализируются изменения уголовно-процессуального законодательства, повлиявшие на правоприменительную деятельность следователей.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, процессуальная самостоятельность, процессуальная независимость, досудебное производство.

A.V. Kalinkin

**THE PROCEDURAL DETACHMENT AND SELF-DEPENDENCE
IN THE PRACTICE ACTIVITY OF INVESTIGATORS OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to consideration of questions of procedural detachment and self-dependence of investigators of Investigatory Committee in the Ministry of Internal Affairs. The author analyses the changes of the criminal procedural legislation influenced to the law enforcement activity of investigators.

Key words: criminal procedure, the investigator, procedural detachment, self-dependence of investigators, pre-trial procedure.

Ю.В. Вохмянина

**ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НЕЗАКОННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ**

В статье дается определение незаконного производства алкогольной продукции как разновидности теневой экономической (производственной) деятельности. Исследуется классификация такой деятельности по ряду практически значимых оснований.

Ключевые слова: алкогольная продукция, уголовная ответственность, классификация незаконной деятельности.

Ju.V. Vokhmyanina

THE NOTION AND KINDS OF ILLEGAL ALCOHOL PRODUCTION ACTIVITY

The article gives the notion of illegal alcohol production activity as the kind of illegal economic activity. The author's classification of that kind of illegal activity is of great interest.

Key words: alcohol production, criminal activity, classification of illegal activity.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
(CIVIL LAW AND PROCEDURE)**

Т.В. Соловьева

ИСПОЛНИМОСТЬ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СВОЙСТВО СУДЕБНЫХ АКТОВ

В данной статье приводится классификация судебных актов по критерию исполнимости. Рассматриваются судебные акты судов всех уровней судебной системы Российской Федерации. Делается вывод о том, что все судебные акты должны быть исполнимыми.

Ключевые слова: судебная система, судебный акт, исполнимость, обязательность, порядок исполнения.

T.V. Solovieva

ENFORCEABILITY AS A MANDATORY PROPERTY OF JUDICIAL ACTS

In this article an author presents classification of judicial acts on the criterion of execution. It is examined judicial act of courts of all levels of the judicial system of Russian Federation. Conclusion is drawn that all judicial acts must be feasible.

Key words: judicial system, judicial act, enforceable, obligation, order of execution.

Т.Л. Давидович

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЧЛЕНА СЕМЬИ В ЖИЛИЩНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию проблемы определения единого понятия члена семьи. Делается вывод об отсутствии зависимости между различным правовым положением членов семьи и установлением признаков связи с семьей. Предлагается определение единого понятия члена семьи в Жилищном кодексе РФ.

Ключевые слова: Жилищный кодекс Российской Федерации, правовое положение, жилое помещение, право пользования жилым помещением, договор социального найма, члены семьи нанимателя, члены семьи собственника.

T.L. Davidovich

THE DEFINITION OF FAMILY MEMBER NOTION IN HOUSING LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the investigation of problem of single definition of family member notion. The article contains conclusions that there is no connection between differences of family members' legal status and signs of family relationship. The author points on the need to define the single notion of family member in Housing code of the Russian Federation.

Key words: Housing code of the Russian Federation, legal status, living accommodation, right of use of living accommodation, social tenancy contract, tenant's family members, property owner's family members.

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО (FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW)

О.Ю. Бакаева

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье освещаются основные направления деятельности таможенных органов, дается их характеристика, в частности, подробно обсуждается вопрос финансирования.

Ключевые слова: финансирование таможенных органов, модернизация таможенного администрирования.

O.Ju. Bakayeva

LEGAL ASPECTS OF CUSTOMS AUTHORITIES FINANCING IN RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the main trends of the customs authorities activity, its characteristics, including its financing policy.

Key words: customs authorities financing, modification of customs administration.

Н.Н. Лайченкова

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ НАЛОГОВЫХ СТИМУЛОВ КАК ФАКТОРА,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье содержится характеристика функций налоговых стимулов, которая помогает глубже и всесторонне понять их природу и содержание, выработать основные условия и правила их применения.

Ключевые слова: налоговые стимулы, функции, частные интересы, публичные интересы.

N.N. Lajchenkova

**ABOUT THE TAX INCENTIVES FUNCTIONS AS THE MEANS
OF MAINTENANCE THE PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS BALANCE
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The article considers the characteristics of the tax incentives functions which helps to understand its nature and essence, its main terms and rules of its application.

Key words: tax incentives, functions, private interests, public interests.

В.В. Попов

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВО-ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с правовой регламентацией сферы налогообложения в Российской Федерации.

Ключевые слова: сфера налогообложения, правовое регулирование, налоговая деятельность, налоговая политика, принципы.

V.V. Popov

**THE MAIN TRENDS OF TAX-LEGAL POLICY REALIZATION
IN RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to the analysis of the legal regulation in the sphere of taxation in Russian Federation.

Key words: taxation, legal regulation, tax, assessment, tax policy, principles.

ЛИНГВИСТИКА (LINGUISTICS)

Т.А. Александрова

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ**

В статье обсуждается несколько современных взглядов на проблему взаимодействия языка и культуры. В науке сегодня наблюдается рост интереса к решению таких проблем, как «язык и мышление», «язык и поведение человека», «язык и ценности человека».

Ключевые слова: язык, культура, языковая единица, культурные традиции, лингвистика.

T.A. Alexandrova

MODERN APPROACHES TO THE ISSUE OF LANGUAGE AND CULTURE COORDINATION

The article presents an overview of several modern approaches to the issue of language and culture coordination. The solution of such problems as «language and thinking», «language and human behaviour», «language and human values» is taking centre stage in today's science.

Key words: language, culture, language unit, cultural traditions, linguistics.

E.A. Макшанцева

О СУЩНОСТИ И ТИПАХ ОЦЕНКИ В ЯЗЫКЕ И МЕСТЕ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА ПРАВА

Данная статья посвящена проблеме сущности оценки, ее типам и особенностям функционирования в языке в целом и в терминологии права в частности. Широкая шкала значений оценки вполне оправдывает ее функционирование в среде терминов права. Некоторые особенности юридических терминов создают благоприятную основу для «жизни» оценочного компонента в структуре терминологического значения.

Ключевые слова: оценка, категория оценки, термин права, семантическая структура терминологического значения, типология оценки, терминология права.

E.A. Makshantseva

THE ESSENCE OF ESTIMATION AND ITS TYPES IN LANGUAGE AND THE ROLE OF THE ESTIMATION ELEMENT IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF LEGAL TERMS

This article is devoted to the problem of the meaning of estimation in language and its functioning in language and in the legal terminology. A wide scale of the estimation meanings gives the reason of the presence of estimation in the legal terminology. Some specific features of legal terms let estimation «live» in the semantic structure of the legal term.

Key words: estimation, estimation category, legal term, legal terminology, semantic structure of the legal term, estimation typology, legal terminology.

E.Ю. Балашова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА *вера / faith* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена семантико-когнитивному описанию структуры лексемы *вера / faith* и ее системных синонимов, объективирующих концепт *вера* в русском и английском языках, а также анализу сочетаемости прямых и непрямых номинантов исследуемого концепта.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, концепт, когнитивные признаки, сема, семантическая структура, номинативное поле.

E.Yu. Balashova

THE LEXICO-SEMANTIC FIELD OF THE CONCEPT *Faith* IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article is devoted to the semantic-cognitive description of the structure of the word *faith* and its systematic synonyms nominating the concept *faith* in Russian and English languages and also to the collocations' analysis of the direct and indirect representatives of the mentioned concept.

Key words: the lexico-semantic field, concept, cognitive signs, sema, semantic structure, the nominative field.

Н.В. Лазовская

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» И ЕГО ТИПЫ

Статья посвящена изучению понятия «дискурс» как одного из возможных измерений, функционирующих в социуме текстов, представляющем их взаимодействие в системе определенной социокультурной ситуации. Исследуя дискурс, ученые обращаются к таким областям знания, как аналитическая философия, стилистика и социальная лингвистика, лингвистическая антропология, культурология, социология и др.

Ключевые слова: дискурс, лингвистика речи, психолингвистика, коммуникация, социокультурные условия.

N.V. Lazovskaja

THE CONTENT OF CONCEPT "DISCOURSE" AND ITS TYPES

The article is devoted to the study of concept "discourse" as one of possible measurements functioning in the sphere of texts and representing their intercourse in the system of a definite social cultural situation. Studying discourse scientists touch such spheres as analytical philosophy, stylistics and social linguistics, linguistic anthropology, cultural study, sociology and others.

Key words: discourse, linguistics of language, psycholinguistics, cultural study, social cultural conditions.

Приглашаем Вас к публикации в научном журнале

«ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ЛИЧНОСТЬ»

Требования к авторским оригиналам статей:

1. Статья должна соответствовать следующим требованиям:
 - шрифт Times New Roman, 14 кегль (размер шрифта), межстрочный интервал — 1,5;
 - поля: верхнее, нижнее, правое — 20 мм, левое — 25 мм;
 - сквозная нумерация сносок (сноски концевые), текст сноски — 12 кегль;
 - абзацный отступ; заголовок (прописными буквами) — по центру; перед заголовком указывается Ф.И.О. автора статьи (со сноской на полное имя, отчество, должность, место работы внизу страницы) — по правому краю;
 - все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы;
 - объем статьи 0,5–0,7 п.л.

2. К статье прилагаются следующие материалы:
 - справка об авторе статьи с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого знания, основного места работы, должности, контактных телефонов, электронного адреса (e-mail);
 - аннотация статьи (на русском и английском языках) не более 5 строк;
 - ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках);
 - квитанция об оплате;
 - рецензия научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

3. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать статьи. Материалы, отправленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в указанный срок.

4. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.

5. Материалы принимаются в распечатанном виде (на одной стороне листа формата А4) и электронном виде на электронном носителе или по электронной почте.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, комн. 215.

Телефон: (8452) 29-92-46

E-mail: pzl@sgap.ru